ISBN 0131–5706

Научно-публицистический журнал

4/2005

РОССИЯ

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители:

Министерство образования Российской Федерации

Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации

Правительство Республики Мордовия

Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

4/2005

(№ 53)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

3 **Э.Л.Пашнанов**. Основные направления исследований социально-экономического регионального развития

Проблемы федерализма

22 **О Правительственной комиссии по совершенствованию взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.** Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2005 г. № 587 г. Москва

29 **И.В.Бахлов, О.В.Бахлова.** Идея интеграции в отечественных федералистских проектах

40 **Г.В.Синцов.** Правовые основы референдума субъекта Российской Федерации

Территориальное управление

47 **Е.С.Шугрина.** «Огосударствление» местного самоуправления: формы и пределы

61 **Т.В.Худойкина**. Перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в регионах Российской Федерации

Экономика региона

71 **Концепция и методика формирования межбюджетных отношений Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на 2006 год и на среднесрочную перспективу.** Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 20 июня 2005 г. № 06-06-01 г. Москва

83 **О.А.Хохлова.** Методологический аспект исследования структурных изменений в экономике региона

100 **Т.А.Бурцева, В.И.Беспятых**. Основы оценки эффективности информационного обеспечения маркетинговых решений

113 **П.А.Левчаев.** Перспективы развития региональных предприятий в контексте современных финансово-кредитных трансформаций

129 **Е.В.Нечаева.** Маркетинговое исследование регионального рынка компаний сотовой связи

140 **С.П.Дырин**. Особенности народно-хозяйственного спроса на специалистов с высшим образованием

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

Региональные проблемы науки и образования

147 **Ю.Н.Никулина, В.Ф.Белов, Г.И.Шабанов.** Моделирование инновационных процессов при проектировании экономического развития региона

159 **Н.И.Наумкин.** Опыт проведения региональных летних научных студенческих школ по механике

166 **В.В.Багин.** Сущность и принципы построения региональной системы дополнительного профессионального образования

Социология региона

179 **В.И.Шабыков.** Динамика религиозного сознания населения региона

187 **К.В.Фофанова.** Гендерная социально-демографическая структура населения региона

195 **Л.В.Готчина.** Профилактика молодежного наркотизма в оценках специалистов образовательных учреждений

Социальное развитие региона

202 **Н.И.Ловцова.** Проблемы и перспективы реализации региональной семейной политики

215 **Т.Я.Сильвестрова.** Место и роль сферы социальных услуг в удовлетворении потребностей населения региона

222 **И.В.Романец.** Молодежная занятость и региональная молодежная политика

Народы России: возрождение и развитие

233 **В.Н.Романов.** Социоязыковые аспекты сохранения коренных народов Поволжья

Экология региона

239 **В.Г.Абрамов.** Экологическое правонарушение как социальное явление: характерные черты и специфические особенности

Региональная история и историография

248 **А.В.Цюрюмов.** Формирование статуса Калмыцкого ханства в XVII в.

256 **В.А.Ломшин, Т.Д.Надькин.** Послевоенная деревня в современной российской и региональной историографии

Провинциальная культура

267 **Т.В.Юрьева.** Ярославский иконостас на рубеже XX—XXI вв.

282 *Рецензии*

285 *Конференции, встречи, дискуссии*

288 *Новые книги*

290 *С юбилеем!*

© «Регионология», 2005

Э.Л.ПАШНАНОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В современных условиях возрастает роль территориальных аспектов развития экономики России. Это обусловлено диспропорциями в социально-экономическом региональном развитии, особенно остро проявляющимися в условиях рыночной экономики. Спад производства, рост безработицы в депрессивных районах, гиперурбанизация, значительные экологические проблемы в регионах требуют научно обоснованного подхода к решению проблем регионального развития.

Региональная экономика — одна из важнейших отраслей современной экономической теории. Ее предметной областью является изучение регионального размещения производительных сил России и развития отраслей ее экономики, демографических и экологических особенностей, а также межрегиональных, внутрирегиональных и межгосударственных экономических связей[1]

Актуальность рассмотрения проблемы разграничения понятий и определений, выяснение сущностного содержания некоторых экономических категорий обусловливаются возросшей ролью регионального управления, становлением местного самоуправления, влиянием территориальных организаций на социально-экономическое развитие территорий. В связи с этим необходимы учет местных ресурсов и специфики при выработке критериев, методики и инструментария управления использованием социально-экономического потенциала; опора на экономическое состояние и уровень

ПАШНАНОВ Эрдне Лиджиевич, доцент кафедры экономики народного хозяйства Калмыцкого государственного университета, кандидат экономических наук.

развития муниципальных образований и регионов; страхование от влияния на развитие региона внутренних и внешних факторов, без чего невозможны эффективная организация управления и принятие решений местными органами власти и управления.

Имеется достаточно много определений понятий «регион» и «территория»[2]. Признавая путаницу в определении понятий «регион» и «район», американские ученые П.Джеймс и Дж.Мартин пишут: «Обычно под словом „регион“ понимается целостный участок территории, отличающийся некоторой однородностью в своей основе, но не обладающий четкими границами. Более того, это слово часто употребляют для обозначения весьма больших территорий, образующих главные подразделения континентов. Но в профессиональном языке географов, используемом здесь, слово „регион“, или „район“, применяют по отношению к территориям самой разной площади, которые характеризуются определенной однородностью, являющейся специфической и служащей основанием для того, чтобы выделить эти территории»[3]. В работах американских ученых, впрочем, как и отечественных исследованиях, встречаются различные определения понятия «район». Так, Грае писал: «Мы можем определить государство. Оно имеет организацию, границы и название. Оно имеет записанную историю. Но что такое район? Конечно, это не политическая и не административная единица. Мы можем сказать лишь, что это территория, отличающаяся достаточно характерными признаками для того, чтобы отделить ее от соседей»[4] В последнее время все большее число специалистов в области региональной науки и руководителей краев, областей, республик сходятся в одном: регионами России необходимо считать субъекты федерации.

Понятию «регион» уделяется большое внимание в экономической, географической и градостроительной литературе. Наиболее часто употребляемыми критериями для определения понятия «регион» являются географические (расположение, величина территории и количество населения); производственно-функциональные (специфика преобладающих видов деятельности); градостроительные (характер застройки объектов производственной деятельно-

сти, жилья и инфраструктуры); социологические (нормы общения, поведения).

Такое разнообразие критериев затрудняет полное раскрытие сущности региона в одном определении. Регион должен рассматриваться одновременно и как элемент территориальной организации национального хозяйства, и как элемент системы расселения, социальной организации общества.

Таким образом, регион как хозяйственная подсистема более сложное образование, чем отрасль, обычно объединяющая совокупность предприятий и производств, однородных в технологическом отношении. Поэтому он употребляется в значениях административно-территориальной единицы унитарного государства или федерации (муниципальное образование или субъект федерации); экономико-географического района, включающего совокупность таких административно-территориальных единиц; территориальной единицы национального социально-экономического пространства, характеризующейся наличием определенного явления или их совокупности.

Многообразие подходов к определению региона повлекло за собой чрезвычайное разнообразие классификаций. Среди них можно выделить 4 основные группы. Первая — это регионы, выделяемые по единичным признакам. В региональной экономике в качестве таких признаков чаще всего выступают объем валового регионального продукта, темпы экономического роста, тип территориальной структуры хозяйства (поляризованный или гомогенный), плотность населения, характер хозяйственной специализации региона.

Вторая — это сложные регионы, выделяемые на основе совокупности признаков. Например, широко известна классификация регионов, проводимая журналом «Эксперт» на основе двух интегральных показателей: инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Третья группа выделяется на основе определения ключевых проблем регионального развития. Здесь, в частности, можно выделить депрессивные регионы, демонстрировавшие в прошлом относительно высокие темпы развития; стагнирующие регионы, отличающиеся крайне низкими или нулевыми темпами развития; пионерные регионы — регионы нового осво-

ения; программные (плановые) регионы — регионы, на которые распространяются целевые программы социально-экономического развития, и контуры которых не совпадают с границами территориального районирования.

Последняя группа классификаций предполагает возможности региона осуществлять самостоятельную экономическую политику. Здесь, в частности, выделяются «планирующие» регионы, имеющие единые органы хозяйственного управления, и «плановые», лишенные подобных органов (например, Центрально-Черноземный, Волго-Вятский, Прибалтийский, Приволжский районы)[5].

Комплексность хозяйства региона означает сбалансированность, пропорциональное согласованное развитие его производительных сил. Это такая взаимосвязь между элементами хозяйства, когда эффективно выполняется основная народно-хозяйственная функция — специализация региона, не наблюдается значительных внутрирегиональных диспропорций и сохраняется способность региона осуществлять в своих пределах расширенное воспроизводство на основе имеющихся ресурсов. Показателями комплексности регионального хозяйства могут быть процент ВРП потребляемого в самом регионе; удельный вес продукции межотраслевого применения; степень использования региональных ресурсов. Комплексность и целостность служат предпосылками относительного обособления регионов в рамках национального хозяйства. Они проявляются в том, что часть воспроизводственных связей ограничивается данной территорией и на этой основе образуется относительная самостоятельность.

Для определения региональной специализации наиболее существенными показателями являются индекс уровня специализации региона по .отраслям (отношение удельного веса региона в Российской Федерации по производству продукции отрасли к удельному весу региона в стране по всей промышленности и сельскому хозяйству); индекс эффективности специализации (отношение объема производства на единицу издержек в регионе к такому же показателю по России); общий индекс специализации (произведение предыдущих индексов).

Важным признаком региона является управляемость, связанная с административно-территориальным делением

страны. Здесь важно подчеркнуть, что управляемости в определенной степени способствует целостность региона, ибо административно-территориальные органы должны обеспечивать координацию (управление) всех элементов общественного хозяйства: материального производства, природно-ресурсного потенциала, инфраструктуры, трудовых ресурсов, а также многообразие связей (торговых, финансовых, социальных, экологических, производственных, обладающих определенной пространственной и временной устойчивостью).

Экономическая самостоятельность региона выражает степень обеспеченности его экономическими (в первую очередь финансовыми) ресурсами для самостоятельного, заинтересованного и ответственного решения социально-экономических вопросов, которые входят в компетенцию регионального уровня хозяйствования.

Несмотря на то, что для России региональная экономика является сравнительно молодой наукой, очевидно, нельзя утверждать, что она возникла недавно. Проблемы экономического пространства привлекали внимание еще античных философов (Аристотель, Платон), создателей социальных утопий (Т.Мор, Т.Компанелла). Как составная часть общей экономической теории региональная экономика была объектом внимания основателей классической политической экономии А.Смита и Д.Рикардо. Однако после этого периода и вплоть до конца XIX в. фактор пространства выпал из поля зрения общих экономических теорий. В экономической науке укоренялось абстрагирование от пространства. Основное течение экономической мысли развивалось как теория точечной экономики или замкнутой страны без размеров.

Тем не менее, исследования в сфере пространственной экономики развивались, хотя и не столь активными темпами. В совокупности теоретических разработок прошлого сегодня выделяются два направления: во-первых, теории, определяющие специализацию регионов в территориальном разделении труда; во-вторых, теории, определяющие принципы размещения производства[6].

В XIX и XX вв. появились крупные работы, посвященные территориальной экономике. Наиболее известные зарубежные авторы в этой области — Й.Тюнен, В.Лаунхардт, А.Вебер, Э.Хекшер, Б.Олин, А.Леш и др.

Первоначально большинство экономистов предполагало, что источником богатства территории является неэквивалентный обмен. Взгляды меркантилистов относились в первую очередь к межгосударственной торговле, однако они применимы и по отношению к межрегиональному обмену. Считая, что богатство территории определяется количеством золота и серебра, меркантилисты предполагали, что внешняя торговля должна всецело способствовать его увеличению. Для этого необходимо стимулировать экспорт и ограничить импорт; запретить вывоз сырья, используемого при производстве экспортируемых товаров и беспошлинно импортировать сырье, используемое для экспортно-ориентированного производства; ограничить вывоз золота и серебра.

Таким образом, признание важной роли внешней торговли в обеспечении экономического роста сопровождалось увеличением ограничений и жесткой регламентацией внешней торговли со стороны государства. Эти ограничения одним из первых подверг критике представитель английской классической экономической теории А.Смит. Он показал, что благосостояние территории зависит не столько от количества золота и серебра, сколько от уровня развития производства, разделения труда и кооперации.

Специализация региона во внешней торговле должна основываться на принципе абсолютного преимущества. Согласно этому принципу, регион экспортирует товары, производящиеся им с меньшими издержками, и импортирует те товары, которые производятся другими регионами с меньшими издержками. При этом производители должны действовать в условиях свободы конкуренции и невмешательства государства в экономику. Теория абсолютного преимущества ясно показала, как должна осуществляться внешняя торговля, если регион обладает абсолютным преимуществом. Однако она не дала ответа на вопрос, каким же образом могут участвовать во внешней торговле регионы, которые таким преимуществом не обладают. Ответ на этот вопрос был получен в рамках теории «сравнительного преимущества»[7]

Причины появления у территории сравнительных преимуществ были описаны в начале XX в. в работах швед-

ских экономистов Э.Хекшера и Б.Олина. Их основные научные выводы изложены в следующих тезисах. Во-первых, страны (регионы) должны вывозить продукты интенсивного использования избыточных факторов производства (земля, труд, капитал) и ввозить продукты интенсивного использования дефицитных для них факторов. Во-вторых, в международной (межрегиональной) торговле при соответствующих условиях существует тенденция выравнивания «факторных цен». В-третьих, вывоз и ввоз продуктов могут заменяться перемещением факторов производства.

Ученые показали, что причиной появления сравнительных преимуществ является различная обеспеченность регионов факторами производства. Специализация во внешней торговле должна происходить на таких товарах, при производстве которых наибольшие затраты приходятся на те ресурсы, которыми в наибольшей степени наделен регион. Движение товаров компенсирует ограничения на перемещение ресурсов, что ведет к выравниванию доходов от факторов производства. Однако на практике это соотношение не всегда выполняется и реальная специализация региона во внешней торговле может отличаться от располагаемой структуры факторов производства. Эта ситуация получила название парадокс Леонтьева (по имени впервые описавшего ее американского экономиста, родившегося в России).

Становление теории размещения принято связывать с выходом в 1826 г. книги немецкого экономиста Й.Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии». Главным содержанием этого фундаментального труда было выявление закономерностей размещения сельскохозяйственного производства. Исследование Й.Тюнена отличали высокий уровень абстракции, точные формулировки поставленных задач. Он предполагал наличие экономически изолированного от остального мира государства, в пределах которого имеется центральный город, являющийся единственным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и источником обеспечения промышленными товарами. Здесь цена каждого продукта в любой точке пространства отличается от его цены в городе на величину транспортных затрат, которые принима-

ются прямо пропорциональными весу груза и дальности перевозки[8]

Следующим шагом в развитии теорий размещения стало появление теории размещения промышленности. Ее основоположниками были немецкие ученые В.Лаундхардт и А.Вебер. Главная работа немецкого экономиста В.Лаунхардта была опубликована в 1882 г. В ней автор обосновал метод нахождения пункта оптимального размещения отдельного промышленного предприятия относительно источников сырья и рынков сбыта. При выборе оптимального местоположения (штандорта), по мнению В.Лаунхардта, решающим фактором являются транспортные издержки. При этом он разработал метод весового (или локационного) треугольника. В отличие от размещения сельскохозяйственного производства, при размещении промышленности места производства и добычи сырья рассматриваются как разные пространственные пункты.

Взгляды В.Лаундхардта получили дальнейшее развитие в работах А.Вебера. Его основной труд «О размещении промышленности: чистая теория штандорта» был опубликован в 1909 г. Автор делает значительный шаг вперед по сравнению с Й.Тюненом. Прежде всего А.Вебер создал развернутую классификацию факторов размещения по различным аспектам, в том числе и их влияния на экономическую выгоду. При этом он выделяет три основных фактора: транспорт, рабочую силу и агломерацию. Согласно А.Веберу, величина транспортных издержек зависит от веса перевозимых грузов и расстояния, поэтому под влиянием транспортных издержек предприятие будет притягиваться к тому пункту, в котором с учетом местоположения потребительского центра и источников сырья имеет место минимальная величина транспортных издержек. Этот пункт есть транспортный штандорт.

При выборе штандорта А.Вебер учитывал рабочий пункт с наиболее низкими рабочими издержками. Анализ влияния агломерационных факторов на размещение производственного предприятия А.Вебер производил на базе оценки изменений, вызываемых процессами агломерации, в оптимальной схеме размещения производства[9]

В дальнейшем в зарубежных региональных концепциях произошла заметная эволюция взглядов на факторы разме-

щения производства: переход от микроэкономической оценки размещения предприятия к макроэкономической; изменение роли старых факторов и появление новых (научно-исследовательская база, государственное регулирование экономики), развитие взглядов на фактор агломерации, введение понятия «инфраструктура»; эволюция методического аппарата исследований факторов размещения производства, формализация учета влияния факторов.

Американский ученый У.Алонсо считал, что в условиях развивающихся стран выбор местоположения промышленного предприятия определяют в основном внешние факторы (т.е. экономическая освоенность территории). Обусловленная ими экономия может перекрыть экономию, получаемую за счет размещения предприятия ближе к источникам сырья и районам с избыточной, но неквалифицированной рабочей силой. В этих условиях концентрация промышленности в уже имеющихся крупных городах и вокруг них является, по мнению Алонсо, вполне оправданной[10].

Общая теория размещения получила развитие в XX в. Ее автором стал польский экономист А.Леш, взгляды которого изложены в работе «Пространственная организация хозяйства», опубликованной в 1940 г. А.Леш значительно расширил состав факторов и условий, рассматриваемых при размещении предприятий и их сочетании (налоги, пошлины, эффекты монополий и олигополии и т.д.), насыщая теорию размещения разнообразием инструментов макроэкономики. Он анализировал размещение фирм в условиях конкуренции, когда выбор местоположения определяется не только стремлением к максимуму прибыли, но и увеличением числа фирм, заполняющих все рыночное пространство. Соответственно в пространственном ценообразовании отдельные фирмы должны корректировать цены с целью защиты своего рынка от проникновения на него конкурентов. А.Леш доказывал оптимальность гексагонального размещения фирм (в вершинах правильных шестиугольников).

Он рассматривал экономический регион как рынок с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией. Идеальная форма региона — правильный шестиугольник. Он анализировал несколько типов (уровней) регионов, включая рыночные зоны, определяемые радиусами конку-

рентоспособного сбыта соответствующих видов продукции, и экономический ландшафт — высший тип региона, объединяющий рыночные зоны. А.Леш усиливал также теорию межрегиональной торговли.

Наибольшим научным достижением А.Леша, поднимающим его, на наш взгляд, над всеми теоретиками пространственной экономики до середины XX в., является разработка им принципиальных основ теории пространственного экономического равновесия. Он дал подробное математическое описание рыночного функционирования системы производителей и потребителей, где каждая экономическая переменная привязана к определенной точке пространства. Основными элементами уравнений модели равновесия являются функции спроса и издержек. Состояние равновесия, по А.Лешу, характеризуется рядом условий: местоположение каждой фирмы обладает максимально возможными преимуществами для производителей и потребителей; фирмы размещаются так, что территория полностью используется; существует равенство цен и издержек (нет избыточного дохода); все рыночные зоны имеют минимальный размер (в форме шестиугольника); границы рыночных арен проходят по линиям безразличия (изолиниям), что обеспечивает устойчивость[11]

Изучение хозяйства регионов в России велось столетиями, но эпоха конструктивных исследований с активным целенаправленным преобразованием экономики территорий и всей регионально-хозяйственной структуры страны началась только в советское время. С этой эпохой связано зарождение и становление региональной экономики как научного направления, охватившего три различных по продолжительности этапа XX в.

Первый этап (1920—1970-е гг.) ознаменован началом широкомасштабных практических территориально-экономических исследований и созданием предпосылок формирования региональной экономики.

В начале 1920-х гг. деятельность научных коллективов сосредоточилась главным образом на подготовке совместно с плановыми органами плана электрификации России — ГОЭЛРО, явившегося первым опытом разработки единой государственной программы возрождения и переустройства

народного хозяйства. Основную часть плана составляли прогнозные проектировки на 10—15 лет в региональном разрезе — программы электрификации и развития хозяйства восьми экономических районов.

Широкий разворот научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ, связанных с территориальным развитием, пришелся на период ускоренной индустриализации СССР, успешно проведенной в годы «великого подъема» (1928—1940 гг.)[12].

Сетка экономических районов формировалась в следующей последовательности: 1920 г. — по плану ГОЭЛРО выделено 8 экономических районов; 1921 г. — Госпланом России разработан проект деления страны на 21 экономический район; 1929 г. — в первом пятилетнем плане страны выделено 24 экономических района, во втором пятилетнем плане — 32 района и зона Севера; 1938 г. — разработан третий пятилетний план с выделением 9 районов и 10 союзных республик; 1963 г. — утверждена сетка экономических районов СССР (уточнена в 1966 г.), включающая 18 районов (10 в составе РФ); из состава Северо-Западного района выделена территория Северного экономического района. Таким образом, сетка из 11 экономических районов сохранялась с небольшими изменениями с конца 1960-х гг.

Над планами первой и второй пятилеток работали сотни академических и отраслевых институтов, включая институты экономики, географии АН СССР, институт экономических исследований Госплана СССР и др. Почти все они затрагивали вопросы региональной организации хозяйства. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Академии наук (преобразованная КЕПС — Комиссия естественных производительных сил) развернул свыше 100 комплексных экспедиций. Они охватили огромную территорию — от Курской магнитной аномалии (КМА) до Дальнего Востока и от Кольского полуострова до Памира.

В период индустриализации ученые, плановики и проектанты обосновали размещение и развитие не только тысячи новых и реконструируемых предприятий промышленности, обеспечивших миллионы дополнительных рабочих мест, но и десятков и сотен индустриальных центров

и узлов, новых городов, формирование не только основных производственных баз, но и новой специализации крупных экономических районов. Необходимо отметить, что в официальных материалах плановых и хозяйственных органов, в том числе в инструктивных указаниях к разработке пятилетних планов, широко освещались научно-методические вопросы территориального развития.

Помимо широкого внедрения балансовых расчетов использовались метод последовательных (вариантных) приближений, экспертные оценки и др. Было положено начало исследованию понятий абсолютной и относительной эффективности, стали применяться показатели окупаемости капитальных затрат и коэффициент их эффективности, формула приведенных затрат. Следует также подчеркнуть, что в довоенный период крупные региональные и «размещенческие» проекты и программы проходили широкое не только экспертное, но и общественное обсуждение (на конференциях, в печати и т.д.).

В рассматриваемый период теоретическим «компасом» территориального планирования и изучения региональных проблем служила экономическая география. Развивавшие ее ученые-экономисты и географы, плановики и проектанты (И.Г.Александров, Н.Н.Баранский, В.Ф.Васютин, Н.А.Ковалевский, Н.Н.Колосовский, Л.Л.Никитин, С.Г.Струмилин, Я.Г.Фейгин и др.) стремились внедрить в нее конструктивные, планово-аналитические методы. Она официально рассматривалась как методологическая и организационная основа территориального и «размещенческого» планирования. Ряд ученых (Н.Т.Агафонов, П.М.Алампиев, А.Д.Данилов, А.Н.Лаврищев и др.) подчеркивал активную роль экономической географии в территориальном планировании.

Наиболее полно теоретические основы экономического районирования раскрыты в работах Н.Н.Колосовского. Основные положения этой теории сводятся к следующему. Во-первых, вся территория страны делится на экономические районы, образованные по производственным признакам и представляющие в своей совокупности законченную систему региональных производительных сил. Во-вторых, каждый район осуществляет комплексное развитие хозяйства на своей территории для наиболее полного удовлетворения местных производственных и потребительских нужд

за счет местных источников сырья и энергии. Поощряется использование комбинированных технологических процессов, ведущих к созданию территориально-производственных комплексов, на основе создания замкнутых энергопроизводственных циклов. В-третьих, для каждого экономического района устанавливается три категории производств. Производства районного значения (их продукция потребляется внутри экономического района), межрайонного (для группы экономических районов), общесоюзного значения (для всей страны)[13].

Таким образом, конструктивная ветвь экономической географии, которая преподавалась в экономических институтах и плановой академии, находилась уже на пути трансформации в прикладную районно-экономическую науку — прототип будущей региональной экономики.

Второму этапу (1960—1990-е гг.) характерны коренная перестройка территориально-экономических исследований, возникновение и стартовое развитие при плановом хозяйстве региональной экономики в современном смысле этого слова. В условиях сложившегося народно-хозяйственного комплекса страны, при огромных масштабах капитального строительства, материального производства, хозяйственного освоения территорий прежние методы региональных исследований (в основном только выборочные экспедиционные и камеральные, включая общественные апробации разработок на научных форумах и т.п.) изжили себя. Необходимо было переходить к принципиально новым. Стране нуждалась в единой всеохватывающей системе научного, предпланового обоснования регионального развития и размещения производительных сил.

Научным центром территориальной организации производительных сил стал СОПС, переведенный из Академии наук в состав Госплана СССР. На него было возложено руководство подготовкой крупных научно-теоретических, методологических исследований и прежде всего — разработкой генеральных схем развития и размещения производительных сил страны, включавших региональные и отраслевые схемы. Вместе с ним успешно работали ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭ и ОПП) Сибирского отделения АН СССР, институты экономики Уральского и

Дальневосточного отделения АН СССР и другие крупные научно-исследовательские организации.

Благодаря усилиям содружества творческих коллективов-соисполнителей во главе с ведущими учеными (Н.Н.Некрасов, А.И.Ведищев, А.Е.Пробст, С.В.Славин, Р.И.Шнипер и др.) схемы развития и размещения производительных сил становились наряду с народно-хозяйственными планами важнейшими инструментами территориального прогнозирования и планирования, обоснования территориальных пропорций и связей народного хозяйства. В итоге в значительной степени обеспечивалась реализация принципов целенаправленного, комплексного и результативного размещения и регионального развития производительных сил. Этот период отличался активизацией методических исследований. Стали широко внедряться в научные разработки новейшие экономико-математические методы (В.С.Немчинов, А.Г.Аганбегян, А.Г.Гранберг, М.М.Албегов и др.). На основе системных, крупномасштабных территориально-экономических исследований по генеральной схеме, отраслевым и региональным схемам в СОПСе сформировалась научная школа комплексного размещения производительных сил и региональной экономики.

Разработка и реализация территориальных схем позволили во многом решить в 1970—1980-х гг. узловые проблемы государственной региональной политики — широкое вовлечение в хозяйственный оборот нефти и газа Западной Сибири, угля Кузнецкого, Канско-Ачинского, Южно-Якутского и других бассейнов, создание новых мощных баз энергетики и энергоемких производств в районах Сибири, Казахстана и Средней Азии, формирование и развитие крупных территориально-производственных комплексов (ТПК) на Востоке, Севере, в Центральном Черноземье и других районах. Результаты могли быть более внушительными, если бы не пагубное влияние ведомственности и местничества, срывы выполнения народно-хозяйственных планов, игнорирование советским руководством последствий научно-технической революции в мире, а также просчеты отдельных ученых и научно-исследовательских организаций, плановых и хозяйственных органов.

Углубленное исследование процессов территориального разделения труда, повышение роли предплановых работ в

территориальном планировании вызвали постановку вопроса о формировании особой ветви экономической науки в составе ее территориального цикла — региональной экономики. Прозвучавший впервые в работах одного из руководителей отдела территориального планирования Госплана СССР В.Ф.Павленко и председателя Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР Н.Н.Некрасова, он получил широкий резонанс среди ученых-экономистов и экономикогеографов. Оживленный обмен мнениями о сущности этой науки, ее предмете, методах, актуальных задачах состоялся во время теоретической дискуссии в СОПСе (1972 г.), в которой приняли участие ведущие ученые. Научный спор продолжался и вышел далеко за пределы этой научной организации. С другой стороны, при постановке в экономических вузах курса региональной экономики на кафедрах экономической географии ощущался недостаток опыта территориально-экономических исследований и планирования, а интеграция с научными и управленческими структурами задерживалась.

Третий этап (начало 1990-х гг.) сопровождался адаптацией региональной экономики к рыночным отношениям. Наибольшее влияние на развитие регионов в этот период оказали формирование нового геополитического и экономического пространства после распада СССР, переход от административно-командной экономики к экономике рыночного типа, открытие национальной экономики для внешнего рынка, длительный экономический кризис, кардинальное изменение политических и экономических отношений между федеральным центром и регионами.

Огромные различия между регионами и напряженные отношения с федеральным центром, появление проблемных регионов, дезинтеграция экономического пространства — все это в значительной степени определяет неповторимое лицо современной России. Региональное многообразие исключает для России возможность перенесения опыта какой-либо одной страны или использования какой-либо одной из апробированных в мировой практике моделей переходной экономики.

После разрушения СССР и кардинального изменения геополитического и экономического положения России региональная экономика стала выступать в качестве основ-

ного объекта территориально-экономических исследований, имея свои особые интересы и факторы развития. Смена форм государственного управления привела к пересмотру целей исследований. Вместо предплановых материалов, ориентированных на обширную систему показателей, стали разрабатываться рассчитанные на условия рынка вариантные прогнозы социально-экономического поведения регионов при различных макроэкономических сценариях развития страны. Причем, ориентация на директивные установки поменялась на первостепенный учет экономических интересов субъектов хозяйствования и регионов. Важное значение получил новый для региональной экономики финансовый аспект территориального развития.

Среди регионально-экономических исследований, выполненных в последние годы СОПСом и другими научными организациями территориального профиля, особую актуальность имели разработка стратегии территориального развития России и регионального аспекта экономической реформы; комплексный прогноз развития и размещения производительных сил Российской Федерации до 2000 г.; комплексные схемы экономического и социального развития и финансового состояния регионов, входящих в межрегиональные ассоциации; ряд долгосрочных региональных программ федерального значения (по районам Крайнего Севера, Дальнему Востоку и Забайкалью, Сибири, ряду субъектов Российской Федерации); исследования, направленные на формирование механизма регулирования территориального развития России (их результаты учтены в региональных разделах правительственных программ развития экономических реформ); работы по мониторингу законодательства Российской Федерации в региональной экономике; предложения по введению в России административно-территориального деления федерального уровня; исследования в области экономических отношений России и ее регионов со странами СНГ и Балтии. Научные организации активно участвовали в международном сотрудничестве ученых-регионоведов, в подготовке ряда межгосударственных проектов.

В связи с необходимостью решения возникших на этом этапе проблем и принципиального изменения методологии

анализа и прогнозирования регионального развития подготавливалась система новых методических материалов.

Многие ученые-регионоведы еще на заре российских реформ активно отстаивали концепцию тесного сочетания рыночных регуляторов с плановыми началами регионального развития экономики, рассматривая план и рынок как выдающиеся достижения мировой цивилизации.

Изучение и решение региональных проблем экономической реформы — главная всеохватывающая задача, магистральный путь региональной экономики на современном этапе. Однако путь этот далеко не прост. Переход от планового к рыночному хозяйству сопряжен в России с большими трудностями и ответственными решениями не только общего, но и регионального характера. С одной стороны, регионы испытывают существенное воздействие глобализации, с другой — сами усиливают или ослабляют ее. Региональная экономика способна помочь преодолеть эти трудности переходного периода.

Существенно влияние на региональное развитие геополитической ситуации в результате распада СССР и образования новых независимых государств. Из всех российских республик, краев и областей ранее приграничными были 29, теперь их 46. В силу этого возникли новые проблемы специализации производства, структуры товарообмена, защиты местного рынка, миграции населения, передислокации вооруженных сил и т.п.

Больше всего отразилась на социально-экономическом положении регионов смена хозяйственного уклада и системы управления без достаточно обоснованной модели реформирования. Это породило в большинстве регионов тяжелый экономический кризис, усилило дезинтеграцию экономического пространства, резко дифференцировало стартовые условия вхождения в рынок, вызвало местами политическую нестабильность и межнациональную напряженность. Почти все регионы России оказались проблемными — резко снизились уровни производства и жизни. В число отсталых попали десятки субъектов Российской Федерации.

Как негативный фактор при переходе к рынку остро проявляет себя неоднородность российского экономического

пространства. Если московская агломерация вступила в постиндустриальную стадию развития, имея исключительно высокий уровень промышленности с преобладанием сервисных видов деятельности, то, например, Республика Калмыкия и Тыва фактически лишены промышленных отраслей и по структуре производства и занятости пребывают в доиндустриальной стадии. Регионы сильно различаются по темпам экономической реформы, развития эффективных коммерческих структур и инфраструктуры рынка. Более 2/3 совместных с иностранным капиталом предприятий приходится на Москву и Санкт-Петербург, здесь же находится большинство крупных коммерческих банков.

Пространственная дезинтеграция российской экономики выразилась прежде всего в сокращении и распаде прежних хозяйственных связей между регионами и бывшими республиками СССР, не восполняемыми внешней торговлей и созданием собственных замещающих производств (часто малоэффективных). Не менее пагубны замена нормального товарооборота бартером, неотрегулированность тарифов на электроэнергию и перевозки грузов и т.д. Так, высокие железнодорожные тарифы сильно затрудняют связи с центром дальневосточных регионов и усиливают их тяготение к сопредельным странам. Эти вопросы находятся в сфере регионально-экономических исследований.

Таким образом, регион — целостная система со своими структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения. Ее характеризуют высокая размерность, большое количество взаимосвязанных подсистем различных типов с локальными целями, многоконтурность управления, иерархичность структуры, значительное запаздывание координирующих воздействий при высокой динамичности элементов, неполная определенность состояний элементов. В функционировании региона определяющую роль играют население, трудовые коллективы. Эффективное управление регионом, городом принципиально невозможно без учета социального фактора. Зависимости между элементами этой сложной системы не могут быть описаны линейными функциями, так как жизнь общества обычно характеризуется нелинейными

процессами. Изучение общественной жизни в регионе возможно только на основе структуризации, т.е. выделения подсистем, совместное функционирование которых определяет динамику развития региона.

Как социально-экономическая система регион может быть представлен совокупностью пяти основных подсистем, к которым относятся системообразующая база, системообслуживающий комплекс, экология, население, инфраструктура рынка.

Главным фактором, обеспечивающим взаимосвязь и взаимодействие этих подсистем, интегрирующим их в единую социально-экономическую систему, является деятельность людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Региональная экономика: Учеб. для вузов / Под ред. Т.Г.Морозовой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 10.

[2] См.: *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.

[3] Цит. по: *Бутов В.И.* Основы регионоведения. Ростов н/Д, 1998. С. 12—13.

[4] Там же.

[5] См.: *Тургель И.Д.* Региональная экономика и управление: Курс лекций. М., 2003. С. 10—14.

[6] Там же. С. 18—46.

[7] Там же.

[8] См.: *Гаврилов А.И.* Региональная экономика. М., 2002. С. 30—32.

[9] См.: *Вебер А.* Теория размещения промышленности. М., 1926.

[10] См.: *Кистанов В.В., Копылов Н.В.* Региональная экономика России: Учеб. пособие. М., 2003. С. 13—14.

[11] См.: *Гаврилов А.И.* Региональная экономика... С. 52—54.

[12] См.: *Кистанов В.В., Копылов Н.В.* Региональная экономика России...

[13] См.: *Колосовский Н.Н.* Экономическое районирование производительных сил в связи с развитием транспортной сети СССР // Вопросы географии. Сб. 90, М., 1972. С. 49.

Поступила 28.06.05.

Правительство Российской Федерации
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 28 сентября 2005 г. № 587
г. Москва

О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правительство Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т:**

1. Образовать Правительственную комиссию по совершенствованию взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

2. Утвердить прилагаемое Положение о Правительственной комиссии по совершенствованию взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Председатель Правительства
Российской Федерации
М.ФРАДКОВ

ПОЛОЖЕНИЕ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Правительственная комиссия по совершенствованию взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (далее — Комиссия) является координационным органом, образованным для обеспечения совершенствования взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

2. Комиссия руководствуется в своей деятельности Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, а также настоящим Положением.

3. Основными задачами Комиссии являются:

а) разработка механизмов повышения эффективности взаимодействия и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;

б) рассмотрение результатов реализации переданных полномочий федеральных органов исполнительной власти органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления;

в) рассмотрение предложений по совершенствованию федеративных отношений, местного самоуправления, межбюджетных отношений;

г) организация подготовки проектов федеральных законов, других нормативных правовых актов, а также концепций регионального развития, связанных с социально-экономическим развитием регионов, и рассмотрение их на своих заседаниях;

д) обеспечение взаимодействия и координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по вопросам:

кадрового обеспечения, профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров органов местного самоуправления;

передачи федеральной собственности в ведение субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

е) координация работы по реализации региональных аспектов федеральных целевых программ и региональных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации;

ж) обеспечение взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по выработке механизмов улучшения инвестиционного климата в регионах, развития малого бизнеса;

з) совершенствование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области развития международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, а также приграничного сотрудничества.

4. Комиссия имеет право:

а) заслушивать представителей федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации о выполнении возложенных на них задач;

б) запрашивать в установленном порядке у федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций необходимые материалы;

в) организовывать и проводить в установленном порядке координационные совещания и рабочие встречи;

г) привлекать в установленном порядке к работе Комиссии специалистов заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, научно-исследовательских и образовательных учреждений, общественных объединений и иных организаций.

5. В состав Комиссии входят руководители федеральных органов исполнительной власти либо их заместители, высшие должностные лица субъектов Российской Федера-

ции (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). В состав Комиссии также могут входить с их согласия полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах либо их заместители. В состав Комиссии могут включаться в установленном порядке и иные лица.

Состав Комиссии утверждается Правительством Российской Федерации.

6. Комиссия осуществляет свою деятельность в соответствии с планом работы, утверждаемым председателем Комиссии.

7. Заседания Комиссии проводятся по мере необходимости, но не реже 1 раза в месяц.

Заседания Комиссии проводит председатель Комиссии или по его поручению заместитель председателя Комиссии.

Заседание Комиссии считается правомочным, если на нем присутствуют более половины ее членов.

Члены Комиссии участвуют в ее заседаниях без права замены. В случае отсутствия члена Комиссии на заседании он имеет право представить свое мнение по рассматриваемым вопросам в письменной форме.

На заседания Комиссии могут приглашаться представители федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и научных организаций.

8. Решения Комиссии принимаются большинством голосов присутствующих на заседании членов Комиссии.

В случае равенства голосов решающим является голос председателя Комиссии.

Решения, принимаемые на заседаниях Комиссии, оформляются протоколами, которые подписывает председательствующий на заседании. При необходимости решения Комиссии оформляются в виде проектов нормативных правовых актов, которые вносятся в установленном порядке в Правительство Российской Федерации.

9. Решения Комиссии, принятые в соответствии с ее компетенцией, являются обязательными для органов исполнительной власти.

10. Организационно-техническое обеспечение деятельности Комиссии осуществляет Аппарат Правительства Российской Федерации.

СОСТАВ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Фрадков М.Е. — Председатель Правительства Российской Федерации (председатель Комиссии),

Нарышкин С.Е. — Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации — Министр Российской Федерации (заместитель председателя Комиссии),

Абрамов А.С. — помощник Президента Российской Федерации, секретарь Государственного Совета Российской Федерации (по согласованию),

Артамонов А.Д. — губернатор Калужской области (по согласованию),

Артемьев И.Ю. — руководитель ФАС России,

Брычева Л.И. — помощник Президента Российской Федерации — начальник Государственно-правового управления Президента Российской Федерации (по согласованию),

Волков А.А. — Президент Удмуртской Республики (по согласованию),

Воробьев А.П. — председатель правительства Свердловской области (по согласованию),

Вуколов В.Л. — директор Департамента государственного управления и местного самоуправления Правительства Российской Федерации,

Гордеев А.В. — Министр сельского хозяйства Российской Федерации,

Греф Г.О. — Министр экономического развития и торговли Российской Федерации,

Жилкин А.А. — губернатор Астраханской области (по согласованию),

Зеленин Д.В. — губернатор Тверской области (по согласованию),

Зурабов М.Ю. — Министр здравоохранения и социального развития Российской Федерации,

---

* Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2005 г. № 1559-р.

Ишаев В.И. — губернатор, председатель правительства Хабаровского края (по согласованию),

Катанандов С.Л. — Глава Республики Карелия (по согласованию),

Клебанов И.И. — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе (по согласованию),

Козак Д.Н. — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (по согласованию),

Кудрин А.Л. — Министр финансов Российской Федерации,

Лужков Ю.М. — мэр Москвы (по согласованию),

Малышев А.Б. — временно исполняющий обязанности руководителя Ростехнадзора,

Мау В.А. — ректор Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации,

Минниханов Р.Н. — Премьер-министр Республики Татарстан (по согласованию),

Нургалиев Р.Г. — Министр внутренних дел Российской Федерации,

Пушкарева О.С. — директор Департамента отраслевого развития Правительства Российской Федерации,

Сеньковская М.Ю. — директор Департамента регионального мониторинга Правительства Российской Федерации,

Строев Е.С. — губернатор Орловской области (по согласованию),

Толоконский В.А. — губернатор Новосибирской области (по согласованию),

Торлопов В.А. — Глава Республики Коми (по согласованию),

Трутнев Ю.П. — Министр природных ресурсов Российской Федерации,

Тулеев А.М. — губернатор Кемеровской области (по согласованию),

Федоров Н.В. — Президент Чувашской Республики (по согласованию),

Хабриева Т.Я. — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

Хлопонин А.Г. — губернатор Красноярского края (по согласованию),

Чайка Ю.Я. — Министр юстиции Российской Федерации,

Шанцев В.П. — губернатор Нижегородской области (по согласованию),

Штыров В.А. — Президент Республики Саха (Якутия) (по согласованию),

Яковлев В.А. — Министр регионального развития Российской Федерации,

Яцкин А.В. — полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

«Российская газета». 2005. 7 окт.

И.В.БАХЛОВ

О.В.БАХЛОВА

ИДЕЯ ИНТЕГРАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФЕДЕРАЛИСТСКИХ ПРОЕКТАХ

Федералистские отечественные проекты были ориентированы не только на идею федерализации Российской империи, но имели более широкие пространственные и содержательные масштабы. Во многих из них развивалась идея интеграции, причем на разных уровнях: глобальном, межрегиональном и региональном — европейском, евразийском и славянском (всеславянском).

Проекты создания мирового государства (мировой федерации) были характерны для классического федерализма, в рамках которого, помимо социально-политического и государственно-правового осмысления, происходило философское обоснование федерализма. Наиболее известным в этом плане является проект И.Канта, предполагавший переход к «федерализму свободных государств», как инструменту выравнивания между единством мирового пространства и свободой народов и государств[1].

С этой точки зрения отечественные разработки не были чем-то новым и уникальным. Вместе с тем традиционно

БАХЛОВ Игорь Владимирович, доцент кафедры страноведения Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

БАХЛОВА Ольга Владимировна, доцент кафедры страноведения Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

мондиалистские концепции федеративного характера базировались на модели территориальной федерации. На российской почве получили развитие и иные установки — теории социального федерализма в русле анархизма М.А.Бакунина, исходившего из другого пути объединения — снизу вверх, из концепции «негосударственного федерализма». Федерализм рассматривается здесь как путь объединения местных групп и ассоциаций для выполнения сложных функций без центрального правительства, путем постепенного изживания государства. М.А.Бакунин в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» выступал за создание единой системы глобальной федерации, в которой выделяются общинный, провинциальный, национальный и международный уровни интеграции. Каждое звено должно иметь судебный, законодательный и исполнительный орган (Президент во втором и третьем звеньях и Высшая международная Директория в масштабах глобальной федерации). Идеал федеративного устройства для него — универсальный проект объединения индивидов, ассоциация их и регионов, наций в иерархическую федеративную организацию со сложной системой общественной власти, образованной снизу вверх, от периферии к центру[2].

Возможным элементом будущей глобальной федерации, согласно проекту, выдвинутому М.А.Бакуниным на Пражском конгрессе славянских народов 1848 г., признавалась Всеславянская федерация. Бакунин призывал славянские народы отказаться от своей государственности, передав Всеславянской федерации все государственные функции. Федерацию должны образовать народы России, Украины, Белоруссии, Чухоно-Латышского края, Курляндии, возможно, Литвы и Польши, а также славянские племена, населяющие Австрию и Турцию. При этом федерацию должны составить не только территориальные сообщества, но и исторические субъекты: индивиды, союзы, земледельческие и фабрично-ремесленные рабочие артели, ассоциации, нации и народы как славянского, так и неславянского происхождения, а также союзы славянских народов, составленные из бывших славянских государств. Высшим органом федерации должен стать Центральный славянский совет, который был бы внешней властью и

судом, разрешал бы споры между отдельными народами и руководил бы внешней политикой Союза. Кроме того, федеральную власть представляли Национальное правительство, Национальный парламент и Национальный суд. Все субъекты Союза должны были действовать на основе самоуправления, чтобы не было ничьей гегемонии, но существовала «единая неразделимая славянская сила». Самоуправление, по Бакунину, является одновременно и одним из способов децентрализации управления, разрушения государства как авторитета. Автономные начала управления реализуются, по его мнению, в административных, юридических, законодательных полномочиях федерации, что позволило бы четко выделить интересы каждого звена, образующего федерацию, и достичь гармоничного развития отношений между ними[3]

Анархистской концепции интеграции присущи оригинальные трактовки интеграционного процесса с выделением его особых форм, моделей и механизмов. Во-первых, она исходит из признания принципа объединения индивидов, их ассоциаций и закона взаимной помощи как основы процесса интеграции. Во-вторых, для нее свойственно осознание необходимости федеративной формы устройства государства как промежуточной для создания всемирной федерации, субъектом которой может стать любая ассоциация индивидов, организованная не только по территориальному, но и по социально-экономическому и иному признаку. В-третьих, предлагалось образование федерации снизу вверх, путем заключения договора самоуправляющихся территориальных и иных единиц, причем автономия рассматривалась как самое широкое самоуправление в рамках такой единицы.

Иная версия всемирной федерации (культорологическая) была сформулирована в серии статей русского философа-эмигранта Г.П.Федотова. Его концепция «культурно-творческого созидания» может быть применима как к России, где автор признает необходимость совместной работы всех населяющих ее народов для возрождения Российского государства, так и к сотрудничеству всех государств и народов, способствующих созданию сверхнационального государства, в котором будут сочетаться различные формы

децентрализованных отношений между центром и периферией.

Особого внимания заслуживает идея Г.П.Федотова о возможности создания мировой федерации и месте России в ней. Но, считая всемирную федерацию пока еще утопией, он в статье «Федерация и Россия» (1940 г.) пишет о реальности европейской федерации. В статье «Новое отечество» (1943 г.) Федотов называет ближайшим этапом в ее создании образование системы федераций: Центрально-европейской, Восточно-европейской, Дунайской или Балканской, а также Британской, Российской и т.п. Рассуждая о всемирной федерации как о совокупности существующих и, возможно, новых федераций, он полагал, что «федеративность нового общества, исключающая «сплошной» централизм, сохраняет старое отечество с ограниченными функциями. Международная политика и хозяйство выходят из его компетенции, но за ним остается значительная доля культурной политики, полиции и правосудия. Превращаясь из суверенного государства в штат, оно сохраняет свою символику, пышность исторических костюмов и традиций». Однако «европейская федерация немыслима без России, как и культурная жизнь России немыслима без Европы»[4]

Европейская федерация Г.П.Федотова, субъектами которой становились прежние государства, должна была базироваться на принципе разделения компетенций, причем вопросы внешней политики и экономического регулирования передавались центру. В этом смысле его концепция вполне укладывается в рамки теории классического федерализма.

До сих пор востребованной в отечественной научной мысли, внутри- и внешнеполитической практике остается евразийская идея, выдвинутая еще в 20-е гг. XX в. С точки зрения представителей евразийского движения, наилучшим образом евразийскую идею выражает форма федерации, позволяющая учитывать многочленность евразийской культуры, вместе с тем сохраняя ее единство, способствующая развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей. Ее реализация означает сдвиг культурного самосознания, несомненное и важное его расширение

и обогащение, формирование наднациональной культуры и открывает путь к «безболезненному исправлению кое-где поврежденных границ Евразии», что означает акцент на геополитических аспектах евразийской идеи[5]

На взгляд Н.Н.Алексеева, «евразийское государство-мир представляет собою еще образование многоплеменное и многонациональное. Носителем культурного сознания является в нем не одно племя, но множество евразийских народов. В этом смысле к нему применимо выражение: «наднациональное целое на национальных основах». «Наднациональность» подобного политического образования есть иное выражение для обозначения принадлежности всех евразийских народов к единой культурной личности»[6]

Территориальное устройство будущего Евразийского государства евразийцы связывали с достижением им рамок евразийской цивилизации, образованной путем слияния славянских, угро-финских, тюркских культур и народов. В качестве важнейшей основы территориальной организации они предложили хозяйственно-географический принцип, учитывающий специфику географического расположения и экономических связей субъектов федерации — Союза Народов, центром которого должна стать новая Россия.

Центральное место в отечественных федералистских проектах, что вполне объяснимо, учитывая исторические традиции, занимают идеи славянского (всеславянского) объединения. Один из таких проектов был разработан организаторами Общества соединенных славян братьями П.И. и А.И.Борисовыми. В показаниях Следственной комиссии П.И.Борисов заявляет, что «цель Соединенных Славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом; в центре союза построить город, в который бы посылались депутаты от славянских народов и находилось главное управление федеративного союза. На берегах же морей, близ славянских земель лежащих, основать торговые порты». В Славянскую федерацию должны были войти «восемь славянских колен» в виде объединения населенными ими государств и земель — России, Польши, Молдавии, Сербии, Валахии, Богемии, Моравии, Трансильвании, Кроации, Далмации, а также Венгрии. Каждый народ, входивший в федерацию, по мнению членов обще-

Заказ № 6429

ства, должен был иметь свою конституцию, основанную на демократических принципах, с учетом национальных особенностей этого народа; каждое государство должно было само определять свое внутреннее государственное устройство, законодательство и пр. Как пишет еще один представитель Общества соединенных славян И.И.Горбачевский, их целью было «освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом»[7]

Таким образом, федеративный проект Общества соединенных славян исходил из панславистских устремлений, предусматривая объединение всех славянских народов. Его отличает неразработанность прежде всего в плане организации территориального устройства и системы органов власти. К тому же, он был явно утопичным (что, впрочем, признавали и сами декабристы), так как допускал соединение на равных началах как огромной России, так и сравнительно небольших земель, практически все из которых находились в зависимости от континентальных европейских империй. В целом проект Общества соединенных славян был панславистским по духу и конфедеративным по организации предполагаемого объединения.

Несколько в ином ключе рассматривал проблемы организации территориального устройства государства и славянского объединения Н.Я.Данилевский. Он исходил из мысли, что «каждая народность, если получила уже и не утратила еще своего самобытного исторического национального значения, должна составлять государство», поэтому «...хотя бы народы были и очень близки между собою, но, если они сознают себя особыми политическими целыми, они в одно государство безнасильственно сложиться не могут». Они должны создавать федерацию «для взаимной защиты, для возвеличения каждой отдельной народности и для укрепления их естественной связи». Федерация может представлять связь различной силы и крепости: союзное государство, союз государств или просто политическую систему. Союзное государство — это связь, когда вся политическая деятельность союза сосредоточена в руках одной власти, а членам союза представлена

обширная административная автономия. Союз государств предполагает, что при политической самостоятельности частей они связаны неразрывным договором общего внешнего действия как оборонительного, так и наступательного. Наконец, политическая система представляет собой такую связь, когда эта общность действия обусловлена лишь одним нравственным сознанием, без всякого определенного полежительного обязательства. В первых двух случаях связь обеспечена не только общей законодательной властью, охватывающей значительную сферу деятельности членов союза, но и судебной, разрешающей вопросы, возникающие от приложения общих законов к частным случаям, и исполнительной властью, приводящей в исполнение судебные решения. В случае политической системы ни судебной, ни исполнительной судебной власти не существует, а союзное законодательство, выражающееся в международных договорах, относится лишь к частным случаям и имеет силу только в отношении этих случаев[8]. Следует подчеркнуть, что определенные элементы такого подхода к классификации возможных (интеграционных) объединений будут воспроизведены в теории интеграции. Но это произойдет намного позже, и в основном будет осуществляться представителями иного направления — неофункционализма, исследующих проблемы «перерождения идентификации» и «перенаправления лояльности» и формирования на основе прагматизма новых «модулей» — «политий» (Р.Кайзер и пр.).

Тип идеальной федерации, с точки зрения Н.Я.Данилевского, характеризуется следующим: «союз, общество — одним словом, всякая связь лиц, народов и государств, — возможны только при взаимности, обоюдности услуг и выгод; когда же первые требуются только от одной стороны, а вторые достаются только другой, то такие отношения нельзя назвать другим именем, как эксплуатацией слабого, глупого или доверчивого сильным, умным, лукавым, или попросту — одурачиваньем»; не могут составлять постоянной федерации народы, не связанные «племенным сродством»; смотря по отношениям, существующим между этнографическими элементами, составляющими федерацию, она «должна быть устроена или по типу равновесия частей, или по типу гегемонии»[9]

Руководствуясь этими соображениями, Н.Я.Данилевский создает свою концепцию Всеславянского союза. Он считает, что «тесность» политической связи, которая должна соединить родственные между собой народности, определяется не только степенью их родства, но еще и степенью той опасности, которой эти народности подвержены извне, поэтому политическая форма их сожительства должна служить обороной от опасности. Отмечая, что «по этнографическим условиям славяне действительно должны составить федерацию», он полагал, что «федерация эта должна обнять все страны и народы — от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага. Сообразно этим же условиям, а также согласно с фактами истории и с политическим положением в непосредственном соседстве с могущественным и враждебным романо-германским миром, — федерация эта должна быть самая тесная, под водительством и гегемонией цельного и единого Русского государства». При этом «нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общею идеей Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении, и в первом — главнейше и преимущественно для возможности осуществления последнего». Всеславянский союз должен включать следующие элементы, «соответственно главным этнографическим группам, на которые разделяются как славянский мир, так и племена, принадлежащие к нему по месту своего жительства, а большею частью также по своим действительным, ненапускным нравственным тяготениям»: Русскую империю с присоединением к ней всей Галиции и Угорской Руси; Королевство Чехо-Мораво-Словакское; Королевство Сербо-Хорвато-Словенское; Королевство Булгарское; Королевство Румынское; Королевство Эллинское; Королевство Мадьярское; Цареградский округ. Целью создания Всеславянского союза в культурно-историческом масштабе, по мнению Данилевского, должно стать восстановление «царства Константина, Феодосия и Юстиниана», поэтому «Царьград должен быть столицею не России, а всего Всеславянского союза»[10].

В концепции Н.Я.Данилевского достаточно явно выделяются геополитические компоненты, вытекающие из обо-

снования Всеславянского союза. Он исходит из признания неотвратимости столкновения четырех империй — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской — вследствие неудержимого «распадения» Австро-Венгерской и Османской империй, борьбы за Константинополь и черноморские проливы, а также панславянского единства.

С иных позиций рассматривали возможности славянского объединения представители сепаративного (автономистского) течения (украинского сепаратизма). Возникновение украинского сепаратистского направления связано с деятельностью нелегальной политической организации «Братства св. Кирилла и Мефодия», функционировавшей в Киеве в 1846—1847 гг. Ее основным идеологом был историк Н.И.Костомаров (позже переосмысливший свои взгляды). Целью организации являлось национальное освобождение Украины и создание основанной на принципах христианского социализма всеславянской федеративной республики во главе с Украиной. В состав федерации должны были войти Украина, Россия, Польша, Чехия, Сербия, Болгария. Как было сказано в Уставе общества, «при соединении каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность, а такими племенами признаем: южноруссов, севернорусссов с белоруссами, поляков, чехов со словенцами, лужичан, иллиросербов с хорутанами и болгар». Федерация должна была состоять из 17 штатов (Северный, Северо-Восточный, Юго-Восточный, 2 Поволжских, 2 Малороссийских, Средний, 2 Южных, 2 Сибирских, Кавказский, Белоруссия, Польша, Чехия с Моравией, Сербия с Болгарией). Столицей федерации намеревались сделать Киев. Высшая законодательная власть передавалась двухпалатному сейму, исполнительная — избираемому на 4 года президенту. Центральная власть должна была ведать армией, флотом и внешними сношениями, каждый штат сохранял автономию в отношении внутреннего управления, судопроизводства и народного образования. Предполагался единый славянский язык для богослужения при сохранении национальных языков и различий вероисповеданий. Для всех частей федерации предполагались отмена крепостного права и свобода торговли, одинаковые основные законы и права, единство денежной единицы, мер и весов. В каж-

дом штате, как и на уровне федерации, признавалась необходимой республиканская форма правления. Главная роль в достижении панславистских федеративных принципов отводилась традициям идеализированной казацкой вольницы[11]

Таким образом, имело место значительное многообразие в выборе предлагаемых альтернатив развития интеграционного процесса. Представленные концепции различаются по характеру используемых инструментов федерализации и интеграции, предлагаемым принципам объединения — национально-культурному (Н.И.Костомаров), национально-территориальному (Г.П.Федотов), экономико-географическому (евразийцы). Многие авторы федералистских проектов выступали за необходимость развития асимметричных отношений между центром и регионами (субъектами), в том числе в масштабах региональной или всемирной федерации, с передачей вопросов «высокой» политики центральным органам. Большинство авторов соотносит развитие интеграции на основе федерализации с наднациональным уровнем, либо определяя Россию (унитарную или децентрализованную) в качестве будущего ядра более широкого объединения (евразийцы и панслависты), либо отмечая возможность ее вхождения в федерацию европейского или глобального уровня (анархисты, Г.П.Федотов). Наднациональность будущего федеративного объединения также не вызывала у них сомнений. В целом отечественные проекты носят политический (геополитический) и культурно-цивилизационный характер, в незначительной степени затрагивая экономические аспекты. Идея интеграции рассматривается в них по преимуществу через призму вопросов будущего России и ее роли в Европе, Евразии и мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кант И.* К вечному миру. М., 1989. С. 33.

[2] См.: *Бакунин М.А.* Анархия и Порядок: Сочинения. М., 2000. С. 149—178.

[3] См.: *Королева-Конопляная Г.* Идея федерализма в политических программах декабристов и анархистов // Федерализм. 2002. № 1. С. 193—196.

[4] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). СПб., 1991. Т. 2. С. 228—229, 233—252.

[5] См.: Мир России — Евразия: Антология / Сост. Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская. М., 1995. С. 273—274.

[6] *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 443—444.

[7] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I. С. 36—37.

[8] См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 222—223, 227—228, 232.

[9] Там же. С. 397, 427.

[10] Там же. С. 363, 384—385, 388—389.

[11] См.: *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959. С. 85—87; Федерализм: Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 116; Федерализм: Энциклопедия. М., 2000. С. 238, 261.

Поступила 06.07.2005.

Г.В.СИНЦОВ

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕФЕРЕНДУМА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Конституции Российской Федерации не содержится точного указания на то, к предметам какого ведения относится организация и проведение референдумов в субъектах Российской Федерации. В Основном Законе страны закреплено, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся «защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон»[1] Исходя из этого, регулирование организации и проведения референдумов субъектов Российской Федерации следует отнести к предметам совместного ведения России и ее субъектов в части, где оно касается гарантий права граждан на участие в нем.

Таким образом, все субъекты Российской Федерации должны принимать законы, регулирующие данную сферу, в соответствии с основами конституционного строя и не противоречить федеральному законодательству. В части гарантий прав граждан Российской Федерации на участие в референдуме они должны в точности повторять предписания федерального законодательства, но субъекты Российской Федерации могут устанавливать дополнительные гарантии прав граждан при организации, проведении и определении итогов референдума на региональном уровне.

Подавляющее большинство субъектов Российской Федерации обладает собственными законами, содержащими положения об основных гарантиях права граждан на участие в референдуме субъекта Российской Федерации. Эти

СИНЦОВ Глеб Владимирович, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Пензенского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент.

гарантии сформулированы применительно к таким основным стадиям подготовки и проведения референдума субъекта Российской Федерации, как назначение референдума, формирование комиссий референдума субъекта Российской Федерации, составление списков участников референдума, образование участков референдума, агитация при проведении референдума, финансирование референдума, голосование, подсчет голосов участников референдума, обжалование нарушений права на участие в референдуме, а также к ряду других процедур, применяемых при проведении референдума субъекта Российской Федерации.

Законы субъектов Российской Федерации о референдуме во многом схожи с положениями Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» и Федерального закона от 12 мая 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и исходят из принципов, установленных ими. Референдум субъекта Российской Федерации назначается и проводится в порядке и сроки, установленные законом субъекта федерации.

В соответствии с п. 2 ст. 12 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права...», на референдум субъекта Российской Федерации могут быть вынесены только вопросы, находящиеся в ведении субъекта федерации или в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, если вопросы не урегулированы Конституцией Российской Федерации, федеральным законом. В п. 8 ст. 12 данного закона приводится перечень вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум субъекта Российской Федерации. Цель определенных федеральным законом ограничений — исключить неправомерное использование процедуры референдума как формы прямой демократии, когда это может войти в противоречие с его конституционно-правовым назначением.

Необходимо также учесть тот факт, чтобы вопросы, выносимые на референдум субъекта Российской Федерации, не ограничивали или не отменяли общепризнанные права и свободы человека и гражданина, конституционные гарантии их реализации, предписывается исключить возможность их множественного толкования.

Субъект Российской Федерации не вправе выносить вопрос на свой референдум, если он совместного ведения, урегулирован федеральным законодательством. Доказательством этому служит п. 2 ст. 12 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» отмечающий, что на референдум субъекта Российской Федерации не могут быть вынесены вопросы, находящиеся в ведении Российской Федерации. На референдум субъекта Российской Федерации не могут быть вынесены также вопросы, находящиеся в совместном ведении Российской Федерации и субъекта Российской Федерации за исключением случаев, когда вопрос не урегулирован Конституцией Российской Федерации, федеральным законом.

Первоначально в Федеральном законе от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» п. 4 ст. 13 было установлено, что на референдум субъекта Российской Федерации не могут также быть вынесены вопросы, находящиеся в ведении Российской Федерации либо в совместном ведении Российской Федерации и субъекта Российской Федерации. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П положение п. 4 ст. 13 этого закона было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации. В новом законе 2002 г. это допускается, если этот вопрос не урегулирован Конституцией Российской Федерации или федеральным законом[2]

В большинстве конституций и уставов субъектов Российской Федерации можно найти лишь общую характеристику референдума субъекта Российской Федерации как высшего непосредственного выражения власти народа. Также устанавливается к полномочиям какого органа государственной власти (главы субъекта Российской Федерации или законодательного (представительного) органа государственной власти) относится назначение референдума субъекта Российской Федерации. Этот вариант, по нашему мнению, наиболее предпочтителен, так как закрепление ключевых моментов в конституции (уставе) субъекта Российской Федерации при одновременном наличии специального закона о референдуме позволяет усовершенствовать регули-

рование референдума в границах отдельного субъекта федерации. В таких субъектах Российской Федерации, как Республика Бурятия[3], Республика Северная Осетия—Алания[4] и других в составе Российской Федерации, это право предоставлено главе исполнительного органа государственной власти (президенту) субъекта Российской Федерации, в остальных — главе законодательного (представительного) органа. На наш взгляд, это связано с особым статусом республик в составе Российской Федерации.

Законы, регулирующие проведение референдумов, приняты не во всех субъектах Российской Федерации. В некоторых из них действуют избирательные кодексы, нормы которых комплексно регулируют порядок проведения выборов и референдумов на территории конкретных субъектов (Воронежской[5], Костромской областей[6] и т.д.). В отдельных субъектах (Республике Башкортостан[7], Волгоградской области[8]) один и тот же закон регулирует порядок проведения как референдума субъекта Российской Федерации, так и местных референдумов на территории данного субъекта Российской Федерации.

В одних субъектах Российской Федерации референдуму отведена специальная глава в их учредительных документах. Так, например, в соответствующих главах уставов Вологодской, Калужской, Костромской, Липецкой областей подробно излагаются вопросы, по которым проводится краевой (областной) референдум. В других субъектах Российской Федерации референдуму посвящается лишь статья в главе устава или основного закона, как, например, в уставе Саратовской области. Тем не менее, в большинстве субъектов Российской Федерации их референдумы регулируются отдельными законами.

Согласно ст. 1 Закона Республики Калмыкия от 13 марта 1995 г. № 9-1-З «О референдуме Республики Калмыкия», референдум — высшее, непосредственное, наряду со свободными выборами, выражение власти народа. Закон вводит новое для регионального законодательства понятие — «консультативный референдум по предметам ведения республики», который, наряду с обязательным референдумом, проводится на всей территории республики с целью выяснения общественного мнения по наиболее важным

вопросам государственной и общественной жизни республики. Результаты консультативного референдума не носят обязательного характера, а лишь учитываются органами государственной власти при принятии законов и иных решений.

Представляется интересным законодательство субъектов Российской Федерации в формулировке вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум.

Из перечня вопросов, не подлежащих вынесению на референдум, Республика Саха (Якутия)[9] исключила пункт о персональном составе органов государственной власти субъектов федерации. Астраханская область[10] исключила пункт о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения. Республика Удмуртия[11] исключила вопросы о персональном составе органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления и об избрании депутатов и должностных лиц, об утверждении, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц, а также о даче согласия на их назначение на должность и освобождение от должности. На наш взгляд, исключение из числа вопросов, не подлежащих вынесению на региональный референдум некоторых оснований, не является нарушением федерального законодательства. Так как согласно п. 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации федеральные законы имеют более высокую юридическую силу, чем законы субъектов федерации и, в случае противоречия, применяется федеральный закон.

Астраханская область включила в свой перечень положение о налогах и сборах[12]. На наш взгляд, в данном случае также нет нарушения федерального законодательства, так как этот вопрос — предмет совместного ведения, а согласно п. 2 ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», он не может быть вынесен на региональный референдум. Республика Саха (Якутия)[13] включила положение об амнистии и помиловании и о введении, изменении и отмене федеральных налогов и сборов, а также освобождении от их уплаты. В отношении положения об амнистии и помиловании следует отметить, что это прерогатива Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Ярославская область помимо вопросов, не подлежащих вынесению на региональный референдум, включила в свой перечень вопросы принятия устава Ярославской области, изменений и дополнений устава Ярославской области[14] Согласно ч. 2 ст. 67 Конституции РФ, устав области принимается законодательным органом, следовательно, это не является нарушением. Республика Адыгея допустила нарушение, так как включение в перечень вопросов, не подлежащих вынесению на региональный референдум новых оснований, прямо противоречит ч. 9 ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», запрещающей установление иных ограничений для вопросов, выносимых на референдум, кроме указанных в ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях...». В данной части законодательство субъектов федерации нуждается в приведении в соответствие с федеральным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Конституция Российской Федерации, п. «б», ч. 1, ст. 72 // Рос. газ. 1993. 25 дек.

[2] См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 22 мая 2002 г. № 67-ФЗ // Рос. газ. 2002. 15 июня.

[3] См.: О референдуме Республики Бурятия: Закон Республики Бурятия от 2 декабря 2003 г. № 490-III // Бурятия. 2003. 2 дек.

[4] См.: О референдуме Республики Северная Осетия—Алания: Закон Республики Северная Осетия—Алания от 10 ноября 1996 г. № 162 // Ведомости Парламента Республики Северная Осетия—Алания. 1997. № 3.

[5] См.: Избирательный кодекс Воронежской области: Закон Воронежской области от 16 декабря 1998 г. № 65-II-ОЗ // Коммуна. 1999. 6 янв.

[6] См.: Кодекс о референдумах Костромской области от 18 сентября 1995 г. // Северная правда. 1999. 6 окт.

[7] См.: О референдуме Республики Башкортостан: Закон Республики Башкортостан от 20 июня 1991 г. № 61-З // Бурятия. 2004. 12 янв.

[8] См.: О референдумах на территории Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 25 декабря 1995 г. № 38-ОД // Волгоградская правда. 2003. 21 марта.

[9] См.: О республиканском референдуме: Закон Республики Саха (Якутия) от 22 декабря 1992 г. № 1273-XII // Якутские ведомости. 2002. 2 июля.

[10] См.: О референдуме Астраханской области: Закон Астраханской области от 8 июля 2003 г. № 25/2004-ОЗ // Администрация Астраханской области. 2003. 4 сент.

[11] См.: О референдуме Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 18 декабря 2002 г. № 73-РЗ // Изв. Удмуртской Республики. 2002. 25 дек.

[12] См.: О референдуме Астраханской области: Закон Астраханской области от 8 июля 2003 г. № 25/2003-ОЗ // Администрация Астраханской области 2003. 4 сент.

[13] См.: О республиканском референдуме: Закон Республики Саха (Якутия) от 22 декабря 1992 г. № 1273-XII // Якутские ведомости. 2002. 2 июля.

[14] См.: О референдуме Ярославской области: Закон Ярославской области от 8 декабря 2003 г. № 63-З // Губернские вести. 9 дек. 2003.

Поступила 23.03.2005.

Е.С.ШУГРИНА

«ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ» МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ФОРМЫ И ПРЕДЕЛЫ

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» явился новой вехой в законодательном регулировании местного самоуправления, внес существенные коррективы в формирование системы местного самоуправления в РФ. Большинство ученых и практиков солидарны в том, что закон 2003 г. внес значительные изменения в структуру отношений государственной власти и местного самоуправления, была сделана попытка встраивания органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

В соответствии с Конституцией РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12). Официального и однозначного толкования этой конституционной нормы нет, следовательно, и судьба соответствующих норм закона 2003 г. может быть различной.

Комментируя ст. 12 Конституции РФ в свете закона 2003 г. В.И.Васильев обращает внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления привел не только к его отделению от государства, но и государства от местного самоуправления. Во-вторых, самоуправление — рубежное формирование, где общество встречается с государством и где мера «погружения» государства в общество, так же как и мера «вхождения» общества в государство, определяется историческими условиями и особенно-

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна, директор программы содействия развитию адвокатской деятельности Американской ассоциации юристов (ABA CEELI), кандидат юридических наук.

стями конкретной страны. В-третьих, территориальные самоуправленческие единицы находятся не где-то вне государственных границ, а внутри них. У государства нет другой территории, кроме той, которая поделена на муниципальные образования[1]

В настоящее время сложились две полярные точки зрения. Одни ученые и практики со ссылкой на решения Конституционного Суда РФ говорят о неконституционности предложенной в законе 2003 г. модели взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления. Другие, также со ссылкой на соответствующие решения Конституционного Суда РФ, утверждают противоположное.

Сторонники неконституционности модели приводят, как правило, примерно такие аргументы. Конституция РФ закрепляет в ст. 12, что в РФ признается и гарантируется местное самоуправление, которое в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В ч. 1 ст. 130 Конституции РФ указывается, что местное самоуправление в РФ обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью.

Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал вопросы, связанные с возможным вмешательством органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ по «Курскому делу» указывается, что из прямого предписания ст. 130 (ч. 1) Конституции РФ, устанавливающей, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, следует, что вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти. На органы же государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. В связи с этим Конституцион-

ный Суд РФ постановил признать не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 132 (ч. 1) и 133, положения пп. 3 и 5 ст. 21 Устава (Основного Закона) Курской области, поскольку они допускают передачу органам государственной власти полномочий, которые должны осуществляться только органами местного самоуправления или населением муниципального образования непосредственно[2]

Далее в названном постановлении по «Курскому делу» отмечается, что в Конституции РФ предусмотрен только один случай контроля за местным самоуправлением — контроль за реализацией органами местного самоуправления переданных им государственных полномочий, в иных случаях за деятельностью органов местного самоуправления допускается только судебный контроль. Конституция РФ прямо предусматривает подконтрольность государству реализации органами местного самоуправления переданных им государственных полномочий и предполагает контроль за законностью при решении ими вопросов местного значения, т.е. при осуществлении собственно полномочий местного самоуправления (ст. 132, ч. 2; ст. 15, ч. 2).

Формы и способы такого контроля, его механизм и порядок осуществления не могут нарушать гарантии самостоятельности местного самоуправления, установленные Конституцией РФ и принятыми в соответствии с нею федеральными законами, и противоречить принципу разделения властей. Тем самым в такой сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, как обеспечение законности (ст. 72, п. «б» ч. 1), устанавливаются пределы полномочий субъекта Российской Федерации в контроле за законностью при осуществлении местного самоуправления, рамки которого в соответствии с Конституцией РФ конкретизируются Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (гл. VII), другими федеральными законами.

Такие позиции Конституционного Суда РФ позволяют говорить о том, что установление дополнительных случаев административного контроля за местным самоуправлением, а также осуществление полномочий органов местного самоуправления органами государственной власти

вступает в противоречие с Конституцией РФ. В этом случае можно говорить, что фактически органы местного самоуправления становятся низовым уровнем государственной власти.

За последние 10 лет написано значительное количество работ, содержащих анализ ст. 12 Конституции РФ, форм и пределов самостоятельности местного самоуправления, поскольку именно эта идея положена в основу концепции федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах...». В настоящее время в литературе появляются работы, посвященные анализу концепции закона 2003 г., в том числе по вопросам взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Сторонники конституционности модели взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления, предложенной в законе 2003 г., приводят такие аргументы. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В нескольких постановлениях Конституционный Суд РФ однозначно говорит, что для обеспечения реализации конституционных положений, а также защиты прав граждан (в том числе прав на осуществление местного самоуправления) от возможных злоупотреблений своими полномочиями со стороны органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления, органы государственной власти вправе вмешиваться в деятельность местного самоуправления[3] Отсюда А.А.Замотаев делает вывод, что государственная власть в каких-то случаях может вторгаться в компетенцию местного самоуправления, но не ради вторжения, а ради защиты прав и свобод человека и гражданина — а это приоритет конституционный. С.А.Авакьян добавляет, что органы государственной власти могут решать вопросы в том случае, если у местного самоуправления что-то не получается в экст-

ремальных ситуациях. В нормальных ситуациях они не должны вмешиваться[4].

И.И.Овчинников, анализируя конституционные нормы, обращает внимание на следующее: в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ указывается, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Если органы местного самоуправления осуществляют власть народа, какими же тогда полномочиями должны наделяться органы местного самоуправления, чтобы нести в себе власть?[5]

Это и ряд других обстоятельств дают основание А.А.Замотаеву утверждать, что закон 2003 г. «Об общих принципах...» требует пересмотра понятия местного самоуправления: «местное самоуправление одновременно уровень публичной власти, одновременно институт гражданского общества и одновременно механизм реализации общегосударственных задач. Причем, как только мы убираем хоть один из этих трех кусочков, сразу само понятие местного самоуправления тоже рассыпается. Как только все три эти позиции есть, тогда это, действительно, местное самоуправление». По мнению А.А.Замотаева, «общие требования к организации публичной власти должны быть универсальными в целом в стране. То, что раньше предполагалось регулировать на уровне субъекта Российской Федерации, сейчас отдано на уровень федеральный и это как раз нормальный подход: федеральная власть регулирует организацию публичной власти в целом, устанавливает требования к ее организации»[6].

Н.С.Бондарь считает, что конституционно-правовая связь государственной власти и местного самоуправления обнаруживается и в том, что значительное количество вопросов, связанных с реализацией публичных функций государства, особенно в социальной сфере, имеют как местное, так и общегосударственное значение, а потому должны решаться совместно государственными органами и органами местного самоуправления[7] Этот вывод был сформулирован по результатам рассмотрения в Конституционном Суде РФ таких дел, как обеспечение жильем судей, военнослужащих за счет средств муниципального бюджета. По мнению В.В.Сивицкого, надо вести речь о ст. 2 Конституту-

ции РФ, в соответствии с которой смысл всей публичной власти состоит в том, что у нее есть полномочия, направленные на удовлетворение потребностей людей, соответственно все те права, которые есть у уровней публичной власти, должны рассматриваться через эту призму[8].

Т.Ф.Колкнева обращает внимание на то, что в ч. 3 ст. 3 закона 2003 г. практически полностью воспроизведены нормы Конституции РФ, содержащиеся в ст. 55. Это позволяет ей делать вывод о конституционности модели: самостоятельность местного самоуправления является относительной и проявляется в наличии у муниципальных образований самостоятельных предметов ведения и полномочий[9].

Можно проанализировать какими реальными формами вмешательства в деятельность органов местного самоуправления обладают органы государственной власти и установлены ли пределы такого вмешательства. Анализ норм закона 2003 г. позволяет говорить о возможности выделения нескольких форм, начиная от обычной повседневной деятельности органов местного самоуправления и заканчивая привлечением к ответственности.

Некоторые вопросы местного значения, относимые к таковым законом 1995 г., на основании федерального закона 2003 г. рассматриваются как вопросы государственного значения. В определении круга вопросов местного значения закон 2003 г. исходит из принципа субсидиарности: в ведение муниципальных образований разных уровней включены те вопросы, которые на данном уровне могут решаться наиболее эффективно, с оптимальным результатом. В связи с этим, объем дел, которыми теперь будут заниматься поселенческие муниципалитеты, меньше объема, возложенного на муниципальные районы и городские округа. Более того, с учетом реальных условий и возможностей решение некоторых вопросов, входивших ранее в круг обязанностей органов местного самоуправления, передается органам государственной власти субъектов РФ. Это прежде всего касается сферы образования. В старом законе была закреплена довольно расплывчатая общая обязанность муниципальных образований организовывать, содержать и развивать муниципальные учреждения дошкольного, основного общего и профессионального образования.

Ныне из круга вопросов местного значения, решаемых муниципальными районами и городскими округами, организация профессионального образования исключена. Муниципалитеты призваны заботиться о предоставлении общедоступного и бесплатного начального общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам, но за исключением полномочий по финансовому обеспечению образовательного процесса (зарплата учителям), отнесенных к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ[10]

Сохранена возможность наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, а также контроля за осуществлением переданных государственных полномочий, включающего право давать прямые обязательные предписания органам местного самоуправления в случаях нарушения ими закона (ст. 19—21 закона 2003 г.). Следует отметить, что в отличие от закона 1995 г. дается понятие государственных полномочий; определяется порядок наделения полномочиями; более четко прописаны вопросы финансового обеспечения государственных полномочий. По общему правилу государственными полномочиями наделяются муниципальные районы и городские округа (как правило, они являются более крупными, лучше обеспечены различными ресурсами, в том числе кадровыми). Защищая органы местного самоуправления от возможного произвола федеральных и региональных органов государственной власти, закон указывает, что несоблюдение порядка наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, признанное в судебном порядке, является основанием для отказа от их исполнения.

Вместе с тем органы государственной власти вправе контролировать осуществление переданных государственных полномочий (ст. 21). Это может означать возможность осуществления профессионального контроля за полнотой исполнения принятых обязательств органами местного самоуправления, качеством их работы, сроками исполнения принятых обязательств, финансовыми затратами, целевым использованием переданных материальных ресурсов и финансовых средств, отчетностью, другими видами деятельности органов местного самоуправления[11]. Фактически

органы государственной власти могут вмешиваться в деятельность органов местного самоуправления не только по мотивам законности, но и целесообразности.

В качестве одной из форм такого вмешательства введено право отрешения главы муниципального образования, главы местной администрации от должности за нецелевое расходование субвенций, причем безотносительно к тому, как эти должностные лица решают вопросы местного значения (ст. 74 закона 2003 г.). Фактически устанавливается приоритет выполнения государственных полномочий перед решением вопросов местного значения, поэтому особую актуальность приобретает проблема загрузки органов местного самоуправления государственными делами[12]

Впервые предусмотрена принципиальная возможность органа государственной власти осуществлять полномочия органов местного самоуправления (ст. 75 закона 2003 г.). Отдельные полномочия органов местного самоуправления могут временно осуществляться органами государственной власти субъектов РФ в случае:

— если в связи со стихийным бедствием, катастрофой, иной чрезвычайной ситуацией представительный орган муниципального образования и местная администрация отсутствуют и (или) не могут быть сформированы;

— если вследствие решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых и (или) бюджетных обязательств, определенная в порядке, установленном Бюджетным кодексом РФ, превышающая 30 % собственных доходов бюджетов муниципальных образований в отчетном финансовом году, и (или) просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих бюджетных обязательств, превышающая 40 % бюджетных ассигнований в отчетном финансовом году, при условии выполнения бюджетных обязательств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ в отношении бюджетов указанных муниципальных образований;

— если при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам органами местного самоуправления было допущено нецелевое расходование бюджетных средств либо

нарушение Конституции РФ, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленных соответствующим судом.

Следует отметить, что первое основание никак не связано с действиями самих органов местного самоуправления и возникает в силу чрезвычайных обстоятельств. Остальные основания связаны с ненадлежащими действиями самих органов местного самоуправления. Интересно отметить, что В.И.Васильев рассматривает введение временного государственного управления не как санкцию, а как меру помощи[13] В законе установлена процедура передачи полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти, установлены требования к форме и содержанию решения о возложении полномочий на органы государственной власти (ч. 2 ст. 75).

Анализируя пределы вмешательства органов государственной власти, некоторые ученые обращают внимание на то, что в законе 2003 г. не только предоставляется такое право, но и устанавливается обязанность по совершению действия и обязанность воздержаться от их совершения[14] Например, ч. 3 ст. 18 закона устанавливает, что федеральные законы, законы субъекта РФ не могут содержать положений, определяющих объем расходов за счет местных бюджетов.

Кроме того, в ч. 3 ст. 75 закона 2003 г. установлен исчерпывающий перечень полномочий органов местного самоуправления, которые не могут временно осуществляться органами государственной власти субъектов РФ. К ним относятся полномочия органов местного самоуправления по принятию устава муниципального образования, внесению в него изменений и дополнений, установлению структуры органов местного самоуправления, изменению границ территории муниципального образования, преобразованию муниципального образования. Таким образом, все любые другие полномочия могут быть переданы органам государственной власти субъекта РФ, в том числе и относящиеся к исключительной компетенции представительного органа муниципального образования, предусмотренные п. 10 ст. 35 закона 2003 г.[15] Интересно, что таких ограничений в отношении федеральных органов государственной власти нет.

Необходимо отметить, что впервые установлена возможность осуществления полномочий органов местного самоуправления федеральными органами государственной власти, порядке и пределах, установленных федеральными законами. Причем речь идет только об осуществлении отдельных полномочий и только временно. В настоящее время такое осуществление полномочий возможно лишь в случае отсутствия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в силу чрезвычайной ситуации (пп. «а» п. 1 ст. 26.9 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»), если при этом в муниципальном образовании на территории этого субъекта РФ есть основания для временного осуществления соответствующих полномочий[16]

Определена принципиальная допустимость участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, определении условий контракта с должностным лицом, инициирование прекращения его полномочий (ст. 37 закона 2003 г.). Главой местной администрации может быть лицо, назначаемое по результатам конкурса. Одна треть членов конкурсной комиссии в муниципальном районе (округе) назначается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ по представлению высшего должностного лица субъекта РФ. По мнению некоторых авторов, данное обстоятельство может служить способом воздействия на представительный орган местного самоуправления, средством сведения счетов в случае наличия определенных трений между органами государственной власти и органами местного самоуправления[17]

Контракт с главой местной администрации может быть расторгнут в судебном порядке на основании заявления высшего должностного лица субъекта РФ в связи с нарушением условий контракта в части, касающейся осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ. Фактически это означает, что условия контракта с главой местной администрации в части осуществления государственных полномочий устанав-

ливаются органами государственной власти субъекта федерации. За невыполнение этих условий руководитель местной администрации может быть освобожден от должности с согласия суда, но без учета того, как он справляется со своими обязанностями по решению вопросов местного значения. Все это позволило В.И.Васильеву сделать вывод о том, что система отношений органов местного самоуправления с органами государственной власти строится на основе субординации и подчиненности под страхом увольнения с должности. Естественно, напрашивается вывод об укреплении властной вертикали за счет ограничения самостоятельности органов местного самоуправления[18]

Основанием отрешения от должности высших должностных лиц муниципального образования — главы муниципального образования и главы администрации (ст. 74 закона 2003 г.) — является, во-первых, издание этим должностным лицом местного самоуправления нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта РФ, уставу муниципального образования, если такие противоречия установлены соответствующим судом, а это должностное лицо в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда. Во-вторых, совершение должностным лицом местного самоуправления действий, в том числе издания им правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности РФ, ее национальной безопасности и обороноспособности, единству правового и экономического пространства страны, нецелевое расходование субвенций из федерального бюджета или бюджета субъекта РФ, если это установлено соответствующим судом, а указанное должностное лицо не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда.

Решение об отрешении должностных лиц принимается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, который и издает правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования или главы

местной администрации. Правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации не может быть издан ранее одного месяца со дня вступления в силу последнего решения суда, необходимого для издания указанного акта, и не может быть издан позднее шести месяцев со дня вступления в силу этого решения суда.

Глава муниципального образования или глава местной администрации, в отношении которых высшим должностным лицом субъекта РФ был издан правовой акт об отрешении от должности, вправе обжаловать этот правовой акт в судебном порядке в течение 10 дней со дня его официального опубликования. Суд должен рассмотреть жалобу и принять решение не позднее чем через 10 дней со дня ее подачи.

В ст. 73 ФЗ 2003 г. «Об общих принципах...» предусматривается ответственность представительного органа местного самоуправления перед государством. Основанием ответственности является принятие нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта РФ, уставу муниципального образования. Данное противоречие должно быть установлено в судебном порядке. Ответственность не наступает, если представительный орган муниципального образования в течение трех месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда, в том числе не отменил соответствующий нормативный правовой акт. По истечении указанного срока высшее должностное лицо субъекта РФ в течение одного месяца после вступления в силу решения суда, установившего факт неисполнения этого решения, вносит в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ проект закона о роспуске представительного органа муниципального образования.

Полномочия представительного органа муниципального образования прекращаются со дня вступления в силу закона субъекта РФ о его роспуске. Закон субъекта РФ о

роспуске представительного органа муниципального образования может быть обжалован в судебном порядке в течение 10 дней со дня вступления в силу. Суд должен рассмотреть жалобу и принять решение не позднее чем через 10 дней со дня ее подачи.

В заключение можно привести слова И.В.Бабичева: «Закон — это продукт не только деятельности юристов, правовой деятельности, но и продукт политической деятельности. И вот из неких политических моментов возникли те вещи, которые возникли»[19]. Возможно, окончательно расставить все точки над «i» сможет только Конституционный Суд РФ. Очевидно, что ему придется принять очень непростое решение. Отношения органов государственной власти и органов местного самоуправления построены на основе принципа дуализма: необходимости обеспечения единства публичной власти в государстве и самостоятельности местного самоуправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации / Под ред. А.В.Иванченко. М., 2004. С. 6—8.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений устава (Основного закона) Курской области в редакции закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в устав (Основной закон) Курской области»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 1. Аналогичная правовая позиция была выражена Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 24 января 1997 г. по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» и от 15 января 1998 г. по делу о проверке конституционности ст. 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и ст. 31 Закона Республики Коми «Об органах исполнительной власти в Республике Коми».

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28 августа 1995 года „Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ“» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 1996 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 58 и пункта 2 статьи 59 Федерального закона от 28 августа 1995 г. „Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ“» (с изм. от 22 апреля 1996 года) // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 3.

[4] См.: Проблемы реализации и перспективы развития конституционной модели российского местного самоуправления / Стенограмма «круглого стола» 5 ноября 2003 г. // http://vibori.ru

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] См.: *Бондарь Н.С.* Гражданин и публичная власть. Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004. С. 62.

[8] Проблемы реализации и перспективы... // http://vibori.ru

[9] См.: *Колкнева Т.Ф.* Взаимоотношения государства и муниципальных образований: проблемы законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 6. С. 35.

[10] См.: *Васильев В.И.* Местное самоуправление: закон четвертый // Журнал российского права. 2004. № 1. С. 6—7.

[11] См.: Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под общ. ред. В.И.Шкатулла. М., 2005. С. 123.

[12] См.: Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации / Под ред. А.В.Иванченко. М., 2004. С. 23—24.

[13] Там же. С. 25—26.

[14] См.: Постатейный комментарий... С. 50—51.

[15] См.: Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под ред. С.И.Чаннова. М., 2004. С. 258—259.

[16] См.: *Андриченко Л.В., Домрин А.Н., Сивицкий В.А., Чертков А.Н.* Законодательное регулирование временного осуществления полномочий органов публичной власти другого уровня: основания и пределы // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 20—21.

[17] См., напр.: Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: постатейный / Под ред. С.И.Чаннова. М., 2004. С. 168; Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации / Под ред. А.В.Иванченко. М., 2004. С. 38.

[18] Проблемы реализации и перспективы... // http://vibori.ru

[19] Там же.

Поступила 07.07.2005.

Т.В.ХУДОЙКИНА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Осуществление реформ в российском обществе характеризуется активизацией социально-правовых процессов в регионах Российской Федерации, возникновением конфликтов, некоторые из которых длительное время остаются неразрешенными. Традиционно защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов осуществляется судами. Современное российское правосудие при многих очевидных достоинствах имеет ряд недостатков: большая загруженность судов, длительность и сложность судопроизводства, значительные судебные издержки, не отработан механизм достижения состязательности и равенства сторон в судебном процессе, возможно заочное решение (без участия сторон), гласность судебного разбирательства приводит к разглашению конфиденциальной информации, критерии справедливости решения спора находятся в юридической плоскости и часто не совпадают с представлениями людей, не имеющих юридической подготовки, о справедливости. В связи с этим часто решения суда вызывают негативную реакцию у сторон и конфликт прекращается силовым решением, а не разрешается, поэтому акты правосудия не исполняются.

Переход страны к рыночным отношениям, их правовое регулирование на основе реформированного законодательства открывают возможности использования альтернативных (несудебных, досудебных) форм разрешения споров и конфликтов, позволяющих существенно разгрузить госу-

ХУДОЙКИНА Татьяна Викторовна, заведующая кафедрой правовых дисциплин Мордовского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

дарственную судебную систему. В современных, динамично изменяющихся условиях делового сотрудничества субъекты правоотношений заинтересованы в гибких, оперативных формах урегулирования разногласий, а не в длительной, дорогостоящей судебной процедуре.

Пока следует признать, что становление и развитие альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в большинстве регионов России находится в начальной стадии. Если третейские суды являются в известной мере традиционной формой правовой практики Российской Федерации (в России действует более 440 третейских судов, из них более 100 — в г. Москве, более 30 — в г. Санкт-Петербурге), то переговорные методы, посредничество пока развиты весьма слабо.

Неиспользование в России негосударственных процедур урегулирования и разрешения правовых конфликтов можно объяснить специфическими российскими условиями, где ни одно новшество в правовой сфере не приживается без прямого его законодательного закрепления, незнанием сути и эффективности этих процедур заинтересованными лицами (спорящими сторонами, представителями государственных структур, широкой юридической общественностью), неумением многих практикующих юристов использовать заложенный в них потенциал.

Термин «альтернативное разрешение споров» впервые стал применяться в США для обозначения гибких и неформальных процедур урегулирования конфликтов, которые возникли в противовес сложному и громоздкому официальному правосудию, став его альтернативой[1]. Сегодня он является официальным и широко применяется не только в правовой теории, но и в законодательстве многих государств. Заимствование этого термина российской юриспруденцией вполне правомерно, поскольку речь идет не о копировании терминологии, а о соответствии современным мировым тенденциям взаимопроникновения и взаимосвязи различных правовых систем.

Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов — это преодоление разногласий и противоборств с помощью альтернативных (негосударственных) форм. Практической юриспруденции известен ряд таких форм

(процедур): урегулирование правовых конфликтов усилиями конфликтующих сторон путем реализации различных примирительных, согласительных процедур (проведение переговоров между конфликтующими сторонами либо, например, в экономических конфликтах — осуществление претензионного производства между органами государственной власти — создание согласительных, паритетных комиссий и др.); урегулирование правовых конфликтов с помощью посредников; рассмотрение и разрешение конфликтов в третейских судах; заключение сторонами мировых соглашений и др.

На современном этапе законодательная регламентация альтернативного разрешения правовых споров складывается, во-первых, из наделения Президента Российской Федерации правом использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов федерации (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ). Во-вторых, закрепления в трудовом законодательстве порядка разрешения коллективных трудовых споров примирительной комиссией с участием посредника и (или) в трудовом арбитраже (гл. 60 и 61 Трудового кодекса (ТК) РФ, Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров»). В-третьих, правового регулирования деятельности третейских судов (Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» и Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже»). В-четвертых, установления случаев обязательного применения претензионного порядка урегулирования споров (ч. 5 ст. 5 Административно-процессуального кодекса (АПК) РФ претензионный порядок может быть установлен либо федеральным законом, либо договором сторон). В-пятых, ряда примирительных элементов в государственном судопроизводстве (заключение мирового соглашения на всех стадиях гражданского и арбитражного процессов, примирение сторон в уголовном процессе (ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ)).

Впервые в российском арбитражном процессе закреплено право сторон обратиться к посреднику в целях урегулирования спора (п. 2 ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 158 АПК РФ).

Такая частная альтернативная процедура, как переговоры, хотя иногда на практике и применяется, но находится вне поля законодательного регулирования (за исключением трудовой сферы). Можно сказать, что в новом АПК РФ (2002 г.) предусматривается возможность их применения. Законодатель разрешает урегулировать спор между сторонами путем примирительных процедур, к которым относятся и переговоры.

Для дальнейшего развития альтернативного разрешения споров и конфликтов в регионах России необходимо совершенствовать в первую очередь федеральное законодательство в этом направлении. Например, переговорный процесс как форма разрешения правовых конфликтов, хотя и не нуждается в подробной законодательной регламентации, тем не менее отдельные правовые нормы могли бы активизировать применение этого института. Так, в АПК РФ можно ввести в гл. 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», нормы о процедуре переговоров, которыми регулировались бы следующие вопросы: что такое переговорный процесс, в чем он выражается, каким требованиям должен соответствовать, какие цели должен преследовать и кто может проводить переговоры?

Сегодня необходимо разработать нормативные документы рекомендательного характера, регламентирующие проведение переговорного процесса, что позволит упорядочить эти процедуры и стимулировать более широкое их использование. В этих целях перспективными представляются типовые документы, фиксирующие согласие сторон на досудебное разрешение споров и конфликтов, их права и обязанности при проведении переговоров и др.

Одним из сдерживающих факторов в развитии претензионного порядка урегулирования разногласий является отсутствие документа, на который субъекты конфликта могли бы ориентироваться при выборе претензионной процедуры. В связи с этим необходима разработка единого Положения о претензионном порядке урегулирования споров и придание ему статуса модельного, рекомендатель-

ного акта, применяемого по соглашению сторон. Такую функцию, применительно к спорам, возникающим в сфере предпринимательской деятельности, могла бы взять на себя Торгово-промышленная палата Российской Федерации и торгово-промышленные палаты субъектов РФ.

Государством санкционировано применение посредничества как одной из частных альтернативных процедур в арбитражном процессе. Это также необходимо сделать в гражданском процессе, и подходящими для этой цели являются, на наш взгляд, нормы, закрепляющие право на обращение в третейский суд, т.е. к ним необходимо добавить и право на обращение за разрешением спора к посреднику, содействующему достижению соглашения сторон. Уточнение в законе функций посредника будет иметь немаловажное значение, так как позволит сторонам ориентироваться в сущности процедуры и отграничивать ее от третейского суда. Право на обращение к посреднику должно также разъясняться сторонам судьей в ходе подготовки или разбирательства дела в суде. В арбитражном процессуальном законодательстве подобная норма имеется, ее необходимо включить и в Гражданско-процессуальный кодекс (ГПК).

Посредничество, как более формализованная, чем переговоры, процедура, для большей эффективности должно осуществляться в определенных границах и последовательности. Стороны, выбирая по соглашению посредника и не зная порядка процедуры, вряд ли сами в состоянии заранее определить все необходимые процессуальные правила, поэтому на законодательном уровне необходимо определить пределы влияния процедуры посредничества на срок исковой давности, уровень конфиденциальности процедуры, подготовки, аккредитации и профессиональной ответственности посредников, юридической силы соглашений о посредничестве и др. Основное внимание в этом процессе, на наш взгляд, должно быть уделено требованиям, предъявляемым к профессиональным посредникам (получение ими специального образования, наличие соответствующей лицензии, установление правил профессиональной этики и т.п.)[2]

Представляется целесообразным осуществлять разработку типовых процедур посредничества органами, заинтересо-

ванными в развитии альтернативного разрешения споров и осуществляющими их поддержку. Ими могли бы быть, например, различные примирительные центры, а также торгово-промышленные палаты, профессиональные ассоциации и иные организации, при которых уже созданы постояннодействующие третейские суды.

Широкое применение института мирового соглашения также тормозится недостаточно совершенным правовым регулированием. Так, в процессуальном праве до сих пор нет понятия мирового соглашения, а в материальном праве нет норм, регулирующих мировое соглашение, поэтому, чтобы существовало единое мнение о понятии, природе, признаках, функциях мирового соглашения необходимо дать ему научное, законодательно закрепленное определение.

Также следует указать на необходимость унификации процессуального законодательства России. Мировое соглашение имеет большое значение и в гражданском, и в арбитражном процессах. Рассредоточение же норм о мировом соглашении по многим разделам и подразделам ГПК РФ не позволяет сформировать мнение о том, что мировое соглашение является самостоятельным институтом гражданско-процессуального права. Если судья предлагает сторонам заключить мировое соглашение, и если стороны не обладают юридическим образованием, то им сложно понять, что представляет собой мировое соглашение. В связи с этим в ГПК РФ следует по аналогии с АПК РФ систематизировать нормы о мировом соглашении в гражданском процессе в отдельную главу, т.е. ввести в ГПК РФ 2002 г. самостоятельную главу о мировом соглашении и других примирительных процедурах, как это сделано в АПК РФ 2002 г. (гл. 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение»).

Появление в уголовном законодательстве материальной нормы (ст. 76 УК РФ) о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, а в уголовно-процессуальном законодательстве — процессуальной нормы (ст. 25 УПК РФ), устанавливающей процессуальный порядок ее применения, порождает возможность разрешать криминальные конфликты путем зак-

лючения мирового (примирительного) соглашения (договора) в рамках уголовного процесса. Примирение в рамках ст. 25 УПК РФ на практике применяется редко. Связано это с недостаточной законодательной урегулированностью этого института. В связи с этим многими авторами предлагается внести изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации чтобы, например, установить надлежащий механизм информирования заинтересованных лиц об их праве на примирение, а также предусмотреть иные меры, позволяющие участникам криминального конфликта разрешить его мирным способом. Предлагается принять рекомендательный нормативный акт, регулирующий порядок проведения процедуры примирения по криминальным конфликтам и включить его в структуру УПК РФ в качестве приложения. Специалистами сектора проблем правосудия ИГП РАН подготовлены и обсуждены поправки к УПК РФ, касающиеся, например, введения в ст. 5 определения понятий «посредник», «посредничество», «примирительный договор»; ст. 25 УПК РФ они предлагают дополнить, включив в нее обязанность следователя, дознавателя, прокурора и суда разъяснять обвиняемому (подозреваемому) и потерпевшему их право на примирение; ими также предлагаются и другие изменения[3].

Необходимо отметить, что с принятием Трудового кодекса РФ не только остался нерешенным ряд проблем, возникавших ранее в практике рассмотрения трудовых споров, но и появились дополнительные сложности. Прежде всего при принятии ТК РФ законодатель исходил из презумпции того, что у каждого работодателя, независимо от его организационно-правовой формы и статуса, создана комиссия по трудовым спорам. Иначе трудно объяснить ситуацию, когда на предприятии или у частного предпринимателя отсутствует такая комиссия, а ст. 391 ТК РФ прямо не предусматривает в этом случае возможность обращения работника за разрешением спора непосредственно в суд. В ст. 210 КЗоТ содержалось правило, согласно которому непосредственно в судах рассматривались споры по заявлениям работников предприятий, учреждений, организаций, где комиссии по трудовым спорам не избираются или почему-то не созданы. Думается, что в ТК РФ

следовало бы сохранить это правило, поскольку его отсутствие в тексте кодифицированного акта может вызвать неоднозначность толкования норм о разграничении подведомственности индивидуальных трудовых споров и поставить под сомнение возможность обращения в суд, если комиссия не создана или не может быть создана по объективным причинам. Иными словами, всегда должно быть право выбора альтернативной или судебной формы разрешения спора. Поэтому основным направлением, по которому, на наш взгляд, должна осуществляться государственная поддержка альтернативного разрешения споров и конфликтов (АРСК), должно быть законодательное закрепление альтернативного разрешения споров, а не императивное.

Вместо того, что сейчас называется «альтернативными формами, методами» вскоре появятся способы урегулирования, которые станут частью обычной юриспруденции и будут помогать судьям, адвокатам и судящимся сторонам в достижении скорых, эффективных и удовлетворяющих решений дел. Использование инструментов альтернативного разрешения конфликтов — это часть нового направления, приносящее дыхание свежести отечественной правовой системе.

К общим задачам ближайшего развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в регионах страны следует отнести, во-первых, информирование широких слоев общественности о существовании и возможностях альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов. Особое внимание должно быть обращено на привлечение внимания СМИ к проблемам становления и развития АРСК (издание отчетов, подготовка информационных бюллетеней, специализированных изданий; проведение информационно-обучающих семинаров и т.п.).

Во-вторых, максимальное привлечение к участию в дискуссиях, пресс-конференциях, «круглых столах», посвященных проблематике АРСК, законодательных и исполнительных органов субъектов РФ.

В-третьих, ориентирование в регионах правозащитных организаций, правоохранительных органов на организацию правовой практики по АРСК. Необходимо сконцентрировать усилия на создании прецедентов по альтернативному

разрешению правовых споров и конфликтов. Важно формирование обширной отраслевой базы данных прецедентов.

В-четвертых, получение широкого доступа к опыту зарубежных АРСК-образований учеными и преподавателями региональных вузов. В учебные программы вузов необходимо включить курсы и спецкурсы по зарубежным и отечественным АРСК. Преподавание подобных курсов («Юридическая конфликтология», «Коллизионное право», «Третейский суд», «Альтернативные способы разрешения правовых споров и конфликтов» и др.) должно быть основано на формировании у студентов-юристов новой психологии, ориентированной на альтернативное разрешение споров, а не на неизбежность судебной тяжбы, на приобретение практических навыков участия в примирительных процедурах. Существует необходимость внесения изменений в действующий Государственный образовательный стандарт относительно включения в него изучения юридической конфликтологии в качестве обязательного элемента профессиональной программы подготовки юристов. Имеет смысл уже сейчас в рамках правового обучения (общего и клинического) включить в образовательную программу дисциплины по АРСК (в качестве регионального (вузовского) компонента).

Весьма перспективным представляется создание в регионах курсов повышения квалификации юристов-практиков в области АРСК, подготовки профессиональных посредников и арбитров. Важно формирование общественного движения по АРСК. Представляется перспективным проведение межрегиональных конференций и семинаров для обсуждения принципов формирования и функционирования АРСК, регламентов, процедуры посредничества, положений третейских судов, этических и квалификационных норм и требований к персональному составу посредников и судей.

Необходимо также активизировать деятельность по созданию региональных центров разрешения конфликтов, установлению рабочих связей между ними и организациями, занимающимися проблемами альтернативного разрешения споров за рубежом. Также имеет смысл создание национальной (общероссийской) организации, объединяющей региональных специалистов в области АРСК.

Таким образом, развитая система несудебных процедур отвечает приоритетам правового государства. Эти приоритеты заключаются в создании эффективной судебной системы, снижении объема судебных дел и затрат, связанных с их рассмотрением, обеспечении быстрого урегулирования конфликтов и погашении их отрицательных последствий, поощрении такого урегулирования конфликтов, обеспечении доступности и разнообразия процессуальных форм. Необходимо использовать все возможности в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Arnold T.* Why ADR? // Alternative Dispute Resolution: How to Use it to Your Advantage. ALI-ABA course of study. 1996.

[2] См.: *Худойкина Т.В.* Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. М., 2002. С. 222.

[3] См.: Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия: Мировые тенденции и перспективы в России // Государство и право. № 10. 2003. С. 111—112.

Поступила 05.09.2005.

Министерство финансов Российской Федерации

ПИСЬМО

от 20 июня 2005 г. № 06-06-01

г. Москва

Настоящим письмом Министерство финансов Российской Федерации направляет концепцию и методику формирования межбюджетных отношений Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на 2006 г. и на среднесрочную перспективу.

Директор Департамента
межбюджетных отношений
А.Г.СИЛУАНОВ

КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2006 ГОД И НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

Основные подходы к формированию финансовых взаимоотношений федерального бюджета с бюджетами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на 2006 г. и на среднесрочную перспективу разработаны в соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и основными показателями перспективного финансового плана на 2006—2008 гг.

В 2006—2008 гг. предполагается предоставление межбюджетных трансфертов в соответствии с созданными во исполнение Бюджетного кодекса Российской Федерации формами финансовой поддержки.

Основу раздела «Межбюджетные трансферты», как и в предшествующие годы, составляют Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации, Федеральный фонд софинансирования социальных расходов, Фонд реформирования региональных и муниципальных финансов, Федеральный фонд регионального развития и Федеральный фонд компенсаций.

Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации образуется в составе федерального бюджета в целях выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и распределяется между субъектами Российской Федерации в соответствии с методикой, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2004 г. № 670 «О распределении дотаций из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации».

В соответствии с действующим бюджетным законодательством объем Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации, подлежащий утверждению на очередной финансовый год, определяется путем увеличения объема указанного Фонда, утвержденного на текущий финансовый год, на прогнозируемый в очередном

финансовом году уровень инфляции (индекс потребительских цен).

На 2006 г. планируется сформировать Фонд в объеме 203 167,0 млн руб. исходя из объема, утвержденного Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2005 год», увеличенного на прогнозный уровень роста потребительских цен в 2006 г. в размере 7 %. На 2007—2008 гг. объем Фонда определяется исходя из прогнозируемого роста потребительских цен в размере 6 и 4 % соответственно.

В целях финансирования субъектами Российской Федерации в полном объеме расходов, отнесенных к приоритетным расходным обязательствам субъектов Российской Федерации, в составе расходов федерального бюджета образуется Федеральный фонд софинансирования социальных расходов. В составе Фонда на 2006—2008 гг. предусматриваются субсидии на частичное возмещение расходов бюджетов субъектов Российской Федерации по осуществлению мер социальной поддержки ветеранов труда и тружеников тыла; выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей; обеспечению социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, за исключением выплат, предусмотренных статьями 15 и 16.1 от 18 октября 1991 г. № 1761-1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»; предоставлению гражданам адресных субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг.

Объем Фонда на 2006—2008 гг. сформирован исходя из размеров Фонда, предусмотренного на 2005 г., увеличенного на прогнозируемый в очередном финансовом году уровень инфляции (индекс потребительских цен), а также с учетом доведения уровня софинансирования из федерального бюджета расходов по предоставлению гражданам субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг до 15 % от расчетных расходов бюджетов регионов. На 2006 г. объем Фонда составит 25 853,5 млн руб.

Распределение средств Федерального фонда софинансирования социальных расходов по оказанию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан и выплате детских пособий (кроме предоставления гражданам субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг) производится

исходя из численности соответствующих категорий граждан с учетом уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения средств Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации.

Фонд реформирования региональных и муниципальных финансов является правопреемником действовавшего в 2002—2004 гг. Фонда реформирования региональных финансов.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 2005 г. № 2 «Об утверждении Положения о предоставлении субсидий из Фонда реформирования региональных и муниципальных финансов» субсидии из Фонда предоставляются субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям, отобранным на конкурсной основе, двумя частями в течение 2 лет по итогам выполнения этапов реализации программ реформирования региональных и муниципальных финансов.

На 2006 г. планируется увеличение объема Фонда по сравнению с 2005 г. в 2,4 раза или до 1 412,4 млн руб. Указанное увеличение связано с тем, что предполагается выделение средств субъектам Российской Федерации, отобранным в рамках первого и второго конкурсных отборов, двумя частями, рассчитанных исходя из объема Фонда, утвержденного на 2005 г. и увеличенного на уровень роста потребительских цен в размере 7 %. Кроме того, для успешной реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в составе Фонда учтены средства в сумме 128,4 млн руб. для муниципальных образований, отбор которых будет произведен в 2005 г. В 2007—2008 гг. из Фонда предполагается выделение средств субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям, претендующим на получение субсидий из Фонда и отобранным в рамках проведения двух последующих конкурсов.

Использование средств Фонда направлено на реализацию программ реформирования региональных и муниципальных финансов, погашение и обслуживание долговых обязательств, развитие социальной инфраструктуры, реализацию социально значимых мероприятий и проектов.

В 2006 г. в составе федерального бюджета образован Федеральный фонд регионального развития в объеме 2 679,3 млн руб. Федеральный фонд регионального развития сформирован с целью повышения уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, в том числе путем улучшения обеспеченности регионов инженерной и социальной инфраструктурой. Начиная с 2006 г. формирование и распределение средств Фонда предполагается осуществлять на формализованной основе в рамках единой системы межбюджетных трансфертов. Предоставление средств Фонда будет осуществляться на условиях софинансирования с учетом уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и потребности в получении соответствующей финансовой помощи.

При расчете средств Фонда на 2007—2008 гг. использован прогнозируемый уровень роста потребительских цен на соответствующий год.

В целях оказания финансовой поддержки территориальных бюджетов в связи с изменением налогового и бюджетного законодательства, объема расходных обязательств в составе расходов федерального бюджета образуются дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации.

В 2006 г. предусматривается реализация Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которая потребует дополнительных средств субъектов Российской Федерации на обеспечение межбюджетного выравнивания муниципальных образований, выполнение ими возложенных обязательств.

В этой связи объем дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации в 2006 г. существенно возрастет. Размер средств увеличится по сравнению с 2005 г. в 2,8 раза и составит 55 319,7 млн руб. Часть указанных дотаций в сумме 34 454,7 млн руб. сформирована за счет безвозмездных перечислений от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, поступивших в федеральный бюджет в 2005 г.

Распределение средств будет производиться с учетом реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г.

№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и изменения налогового законодательства, приводящего к снижению налоговой базы бюджетов субъектов Российской Федерации.

На 2007—2008 гг. объем дотаций определен исходя из базового объема дотаций, сложившегося в 2005 г. в сумме 19 500 млн руб., и прогнозируемого уровня роста потребительских цен в размере 6 и 4 % соответственно.

Объем финансирования расходов на возмещение убытков от содержания объектов жилищно-коммунального хозяйства и социально-культурной сферы, переданных в ведение органов местного самоуправления на 2006 г., определен в сумме 12 942,9 млн руб. с учетом завершения расчетов по погашению задолженности, необеспеченной финансированием в 2005 г., и расходов, определенных по актам приема-передачи, представленным субъектами Российской Федерации в 2004 г. в связи с завершением сроков передачи объектов, установленных Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ.

В бюджетах на 2006—2008 гг. предусмотрено сохранить финансовую поддержку закрытых административно-территориальных образований.

В соответствии со статьей 5.1 Закона Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» межбюджетные трансферты закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО) выделяются с учетом финансирования дополнительных расходов, связанных с особым режимом безопасного функционирования ЗАТО. Правила компенсации дополнительных расходов и (или) потерь бюджетов ЗАТО, связанных с особым режимом безопасного функционирования, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2005 г. № 232.

За счет указанных межбюджетных трансфертов будут обеспечены меры социальной защиты, занятость населения в условиях ограничения права ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности, владения, пользования и распоряжения землей, природными ресурсами, недвижимым имуществом.

Объем дотаций бюджетам ЗАТО на 2006 г. определен в сумме 9 620,7 млн руб. исходя из объема, предусмотрен-

ного на 2005 г., увеличенного на прогнозируемый уровень роста потребительских цен.

Распределение указанных средств бюджетам ЗАТО будет осуществляться по единой методике, исходя из численности населения, с учетом удорожающих или удешевляющих факторов стоимости предоставления бюджетных услуг в субъектах Российской Федерации.

Кроме того, предусматривается оказание финансовой помощи из федерального бюджета в виде субвенций на переселение граждан, утративших производственную, служебную связь с организациями (объектами), расположенными на территории ЗАТО и на развитие социальной и инженерной инфраструктуры.

Объем субвенций на переселение граждан на 2006 г. в сумме 1 088,1 млн руб. будет распределяться исходя из числа поставленных в ЗАТО на учет граждан, которые могут выехать в 2006 г. на новое место жительства, средней рыночной стоимости одного квадратного метра жилья в Российской Федерации, установленных жилищным законодательством социальных норм жилья.

Объем субвенций на развитие социальной и инженерной инфраструктуры на 2006 г. в сумме 5 128,3 млн руб. будет распределяться с учетом доведения уровня фактической обеспеченности объектами образования, здравоохранения, культуры, жилищного строительства, коммунальной и инженерной инфраструктуры до уровня, установленного нормативами.

На 2007—2008 гг. объемы дотаций и субвенций определяются исходя из индексации на прогнозируемый уровень роста потребительских цен суммы средств предыдущего финансового года.

Начиная с 2006 г. бюджеты муниципальных образований, имеющих статус ЗАТО, включаются в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации. В связи с этим изменится порядок зачисления межбюджетных трансфертов, которые будут перечисляться из федерального бюджета в бюджеты субъектов Российской Федерации, на территории которых находятся ЗАТО, для последующей передачи средств соответствующим бюджетам ЗАТО. Вместе с тем, указанные средства не учитываются при распределении межбюджетных трансфертов из федераль-

ного бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

В соответствии со статьей 12 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе г. Байконура, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г. в федеральном бюджете на 2006 г. предусмотрены средства на обеспечение сбалансированности бюджета г. Байконур.

В 2004—2005 гг. средства в федеральном бюджете г. Байконуру не предусматривались в связи с наличием значительных остатков средств на счетах бюджета на начало соответствующего года в результате поступления в 2003 г. дополнительных доходов в бюджет г. Байконура от крупных плательщиков, имевших налоговые льготы в 2001 г.

Начиная с 2006 г. расходы бюджета города по финансированию капитальных вложений и отселению не обеспечиваются в полном объеме собственными источниками, в связи с чем из федерального бюджета бюджету г. Байконура предусматриваются дотации на содержание объектов инфраструктуры города, связанных с арендой космодрома, в сумме 671,8 млн руб., субвенции на капитальные вложения в сумме 208,7 млн руб. и субвенции на отселение граждан — 154,1 млн руб.

В последующие годы объем дотаций и субвенций определен исходя из прогнозируемого уровня роста потребительских цен.

В расходах федерального бюджета на 2006 г. и последующие годы сохраняется финансовая поддержка города-курорта Сочи. Объем средств на 2006—2008 гг. определен исходя из объема средств, утвержденных на 2005 г. с учетом прогнозируемого индекса потребительских цен.

Финансирование дополнительных расходов наукоградов Российской Федерации осуществляется в виде субвенций из федерального бюджета в соответствии с Федеральным законом от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации».

В настоящее время статус наукограда Российской Федерации имеют 7 муниципальных образований: г. Обнинск Калужской области, гг. Королев, Дубна, Реутов, Фрязино

Московской области, п. Кольцово Новосибирской области, г. Мичуринск Тамбовской области.

Объем субвенций для финансирования дополнительных расходов наукоградов Российской Федерации на 2006 г. определен в сумме 749,0 млн руб. с учетом продолжения финансирования мероприятий, реализуемых в 2005 г., в последующие годы — исходя из коэффициентов индексации.

Финансирование Всероссийского конкурса на звание «Самый благоустроенный город России» будет производиться на основании Указа Президента Российской Федерации от 21 мая 1997 г. № 528. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 27 июля 1997 г. № 922, финансирование названного конкурса должно производиться за счет средств федерального бюджета.

В проекте федерального бюджета на 2006 г. предусмотрено 100,0 млн руб., в том числе 98,5 млн руб. — на премирование городов-победителей указанного конкурса и 1,5 млн руб. — на расходы по проведению конкурса.

Проведение Всероссийского конкурса способствует реализации реформы в жилищно-коммунальном комплексе, возрождению и обновлению городов, модернизации действующих и строительству новых объектов, освещения, озеленения и улично-дорожной сети.

В соответствии с Федеральным законом от 3 апреля 1996 г. № 29-ФЗ «О финансировании особо радиационно-опасных и ядерно-опасных производств и объектов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 марта 1995 г. № 238 за счет средств федерального бюджета осуществляется финансирование ГУП МосНПО «Радон». Финансирование работ, проводимых вышеназванными предприятиями, направляется на мероприятия по сбору, переработке, утилизации и хранению радиоактивных отходов.

В федеральном бюджете на 2006 г. предусмотрено финансирование указанного предприятия в сумме 1 315,0 млн руб., что превышает уровень финансирования текущего года на 30 %.

Указанное увеличение связано с необходимостью принятия срочных мер к усилению защиты ядерно- и радиационно-опасных объектов от вредного влияния техногенных, природных факторов и террористических проявлений; по-

вышению защищенности населения и окружающей среды от воздействия неблагоприятных факторов, связанных с использованием атомной энергии и природных источников ионизирующих излучений.

В целях финансового обеспечения полномочий Российской Федерации, делегируемых для исполнения органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, в составе расходов федерального бюджета по подразделу «Фонды компенсаций» образуется Федеральный фонд компенсаций.

В состав Федерального фонда компенсаций включены субвенции на обеспечение мер социальной поддержки для лиц, награжденных знаком «Почетный донор России (СССР)», на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан и на регистрацию актов гражданского состояния.

Распределение средств Федерального фонда компенсаций производится с учетом нормативов финансовых затрат на выполнение соответствующих полномочий и численности отдельных категорий граждан.

На 2006 г. планируется сформировать Фонд в сумме на 62 366,9 млн руб. (без учета расходов на выполнение федеральных полномочий по регистрации актов гражданского состояния).

Средства на обеспечение мер социальной поддержки для лиц, награжденных знаком «Почетный донор России (СССР)», рассчитаны исходя из объема, утвержденного Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2005 год», увеличенного на рост потребительских цен в 2006 г. в размере 7 %. На 2007—2008 гг. объем указанных средств определен, исходя из прогнозируемого уровня роста потребительских цен в размере 6 и 4 % соответственно.

В 2005 г. объем средств в Федеральном фонде компенсации на реализацию мер социальной поддержки инвалидам, гражданам, подвергшимся радиационному воздействию, ветеранам (кроме ветеранов труда и тыла) был определен с учетом численности лиц, обращающихся за получением льгот по оплате жилья и коммунальных услуг и затрат организаций жилищно-коммунального комплекса, предоставивших эти услуги.

Федеральным законом от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам местного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований» установлены новые подходы формирования Федерального фонда компенсаций.

В соответствии с этим Законом расчет необходимого объема средств на финансирование данных мер социальной поддержки граждан должен производиться исходя из численности граждан, имеющих право на указанные льготы, федеральных стандартов предельной стоимости жилищно-коммунальных услуг на 1 кв. м общей площади жилья в месяц и социальной нормы площади жилья. В результате объем средств, выделяемых из Федерального фонда компенсаций на оплату отдельным категориям граждан жилья и коммунальных услуг, возрастет в 2006 г. по сравнению с 2005 г. в 2 раза и составит 58 658,4 млн руб.

В состав подраздела также будут включены средства на реализацию других расходных обязательств Российской Федерации с учетом положений федеральных законов от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам местного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований» такие, как: на осуществление

полномочий по тушению лесных пожаров в сумме 500,0 млн руб., на осуществление прав владения, пользования и распоряжения лесами, ранее находящимися во владении сельскохозяйственных организаций — 726,0 млн руб.

В составе межбюджетных трансфертов в 2006 г. на финансирование мероприятий по реструктуризации угольной промышленности в части реализации программ местного развития и обеспечения занятости для шахтерских городов и поселков предусмотрено 2 036,6 млн руб. Указанные средства будут направлены на снос и переселение граждан из ветхого жилья, содействие созданию новых рабочих мест для высвобождаемых в процессе реструктуризации работников угольной отрасли, а также переселение граждан из неперспективных шахтерских городов и поселков.

В связи с разграничением расходных полномочий и централизацией средств водного налога в федеральном бюджете предусматриваются средства на капитальный ремонт гидротехнических сооружений, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности и бесхозных гидротехнических сооружений в сумме 670 млн руб.

В связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения на 2006—2008 гг. ежегодно предусматриваются средства в сумме 30,7 млн руб. на осуществление полномочий в области охраны и использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты.

Кроме того, для дополнительного финансирования полномочий субъектов Российской Федерации по поддержке сельскохозяйственного производства на 2006 г. предусмотрены ассигнования в объеме 11 285 млн руб. Указанные средства будут направлены бюджетам субъектов Российской Федерации в виде субсидий с последующим их использованием на государственную поддержку растениеводства и животноводства, субсидирование процентных ставок по кредитованию сельхозтоваропроизводителей, страхование посевов сельскохозяйственных культур.

Текст взят с сайта министерства финансов Российской Федерации http://www.minfin.ru/

О.А.ХОХЛОВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

Среди множества направлений анализа экономики региона изучение ее структуры и структурных изменений занимает одно из центральных мест. Это объясняется тем, что формирование и совершенствование структуры хозяйства региона имеет определяющее значение для обеспечения устойчивых темпов регионального экономического роста.

Наиболее показательным и информативным с точки зрения динамики и механизмов перехода страны на рыночные отношения является период 1991—2002 гг. Именно в эти годы проявили себя основные направления экономических реформ, обусловивших возникновение ряда кризисных явлений и структурные изменения экономик.

Структура экономики региона представляет собой сложную хозяйственную систему, поэтому весьма актуальным представляется анализ структурных изменений в экономике региона именно за этот период при помощи шкалы отношений, в которой интервальные значения имеют абсолютную нулевую точку. Предлагаемая методика позволяет оценить насколько была «подвижной» или, наоборот, стабильной и устойчивой структура экономики региона за рассматриваемый период.

В качестве обобщающих характеристик структурных изменений использовались линейный и квадратичный коэффициенты «абсолютных» структурных сдвигов, позволяющие получить сводную оценку скорости изменения удель-

ХОХЛОВА Оксана Анатольевна, старший научный сотрудник кафедры макроэкономики, экономической информатики и статистики Восточно-Сибирского государственного технологического университета, кандидат экономических наук, доцент.

ных весов отдельных частей совокупности[1], а также интегральный коэффициент структурных различий J_r, необходимый для получения объективной оценки меры существенности различий двух структур[2].

Достоинство показателя J_r — его независимость от числа градаций структуры совокупности, его знаменатель означает максимально возможную величину расхождений между компонентами структуры, формирующуюся в условиях их экстремальных значений. Критерий J_r определяется как отношение фактической меры расхождения значений компонентов двух структур с максимально возможным значением. Для интерпретации была использована шкала оценки меры существенности различий структур[3]

Обобщающие цепные и базисные показатели структурных сдвигов были рассчитаны для следующих экономических явлений, которые наилучшим образом характеризуют структуру экономики региона: структура произведенного валового регионального продукта (ВРП) Республики Бурятия (РБ) в разрезе производства товаров и услуг в рыночных ценах («общая структура» ВРП РБ в рыночных ценах); отраслевая структура произведенного ВРП РБ; структура производства промышленной продукции РБ[4].

Цепные коэффициенты (линейный, квадратичный и интегральный) «абсолютных» структурных сдвигов, характеризующие интенсивность структурных изменений за каждый интервал (год) изучаемого периода, свидетельствуют о «подвижности» структуры экономики республики в разрезе производства товаров и услуг за период 1991—2002 гг. На рис. 1 видно, что значительные структурные изменения произошли в производстве ВРП РБ на начальном этапе перехода страны на рыночные отношения в 1991—1997 гг., наивысший показатель изменения структуры пришелся на 1994 г. Это объясняется снижением производства товаров и увеличением производства услуг. Резкий «скачок» этих показателей также был заметен в 1996 г., после чего их значения стали постепенно снижаться, однако в 1999 г. после экономического кризиса 1998 г. произошло небольшое усиление интенсивности структурных сдвигов. Затем последовала недолгая стабилизация структуры экономики региона, и в 2002 г. из-за изменения удельного веса ры-

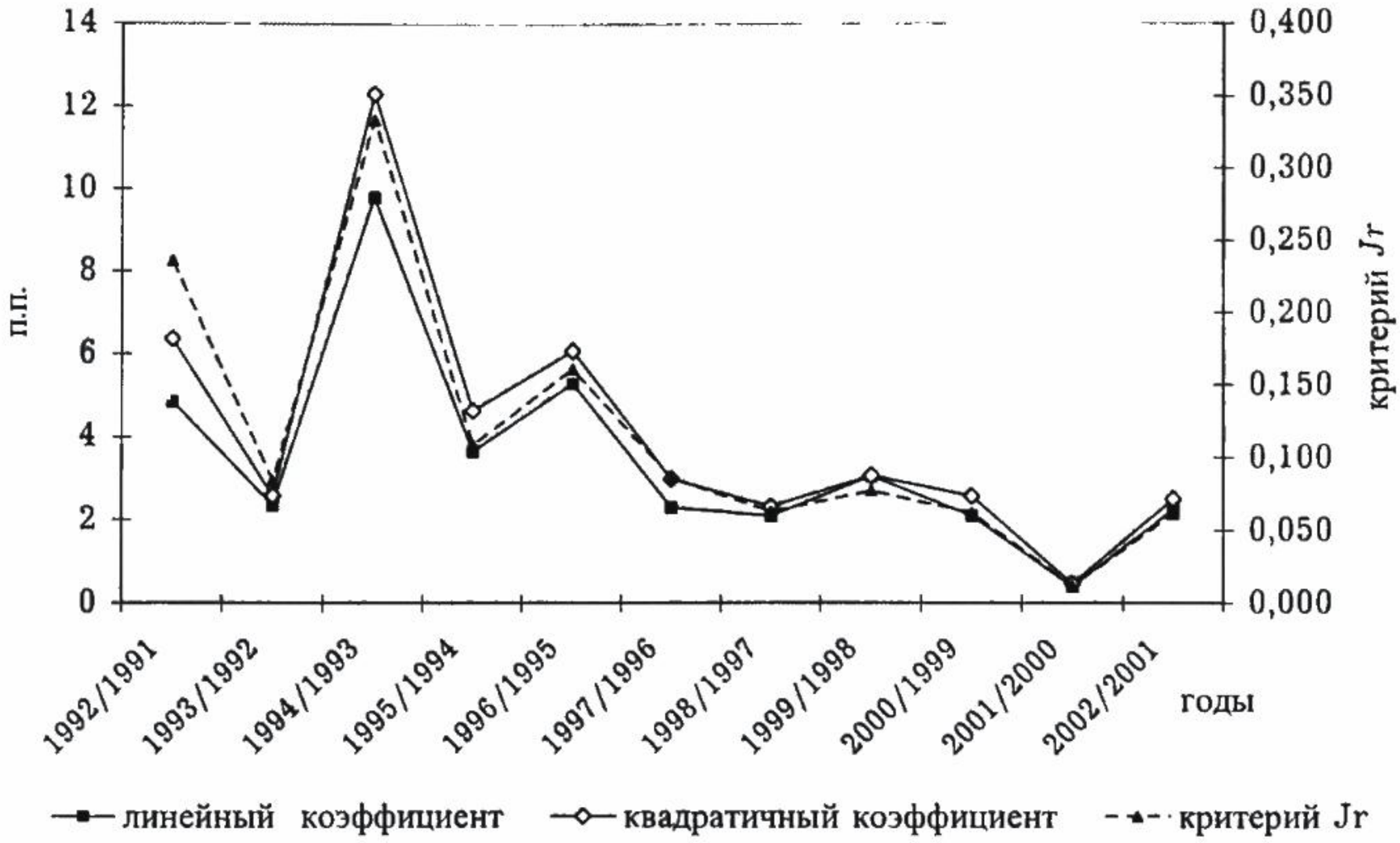


Рис. 1. Цепные обобщающие показатели структурных сдвигов в производстве ВРП РБ (для общей структуры ВРП в рыночных ценах)

ночных и нерыночных услуг произошли небольшие колебания в структуре производства ВРП РБ по сравнению с предыдущим годом.

В целом, несмотря на «подвижность» общей структуры произведенного ВРП РБ, в период с 1993 по 2002 г. существенных изменений не наблюдалось (табл. 1).

Более подробную картину структурных изменений в создании ВРП РБ за рассматриваемый период отражает его отраслевая структура. Существенные структурные изменения произошли в таких отраслях, как сельское хозяйство, транспорт и связь, промышленность, жилищное хозяйство, строительство, торговля и др.

Цепные обобщающие показатели структурных сдвигов, рассчитанные по отраслевой структуре ВРП РБ, более ярко подтверждают тенденции, произошедшие в общей структуре ВРП (рис. 2). Резкие «всплески» показателей наблюдались в 1994 г. и в 1996 г. по сравнению с предыдущими годами в результате экономических реформ, значительный «скачок» виден в 1999 г. после экономического кризиса 1998 г.

Таблица 1

Характеристика существенности различий структур по критерию J_r (в сравнении с предыдущим периодом)*

Период сравнения, год	Для общей структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры промышленности РБ	
	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий
1992/1991	0,236	Существенный уровень различий	0,109	Низкий уровень различий	—	—
1993/1992	0,084	Низкий уровень различий	0,073	Низкий уровень различий	—	—
1994/1993	0,334	Значительный уровень различий	0,224	Существенный уровень различий	—	—
1995/1994	0,109	Низкий уровень различий	0,155	Существенный уровень различий	—	—
1996/1995	0,094	Низкий уровень различий	0,214	Существенный уровень различий	0,077	Низкий уровень различий
1997/1996	0,047	Весьма низкий уровень различий	0,106	Низкий уровень различий	0,050	Весьма низкий уровень различий
1998/1997	0,038	Весьма низкий уровень различий	0,057	Весьма низкий уровень различий	0,092	Низкий уровень различий
1999/1998	0,051	Весьма низкий уровень различий	0,102	Низкий уровень различий	0,178	Существенный уровень различий
2000/1999	0,042	Весьма низкий уровень различий	0,073	Низкий уровень различий	0,117	Низкий уровень различий
2001/2000	0,008	Тождественность структур	0,065	Весьма низкий уровень различий	0,101	Низкий уровень различий
2002/2001	0,041	Весьма низкий уровень различий	0,057	Весьма низкий уровень различий	0,033	Весьма низкий уровень различий

* Нет данных по отраслевой структуре промышленности РБ за 1991—1994 гг.

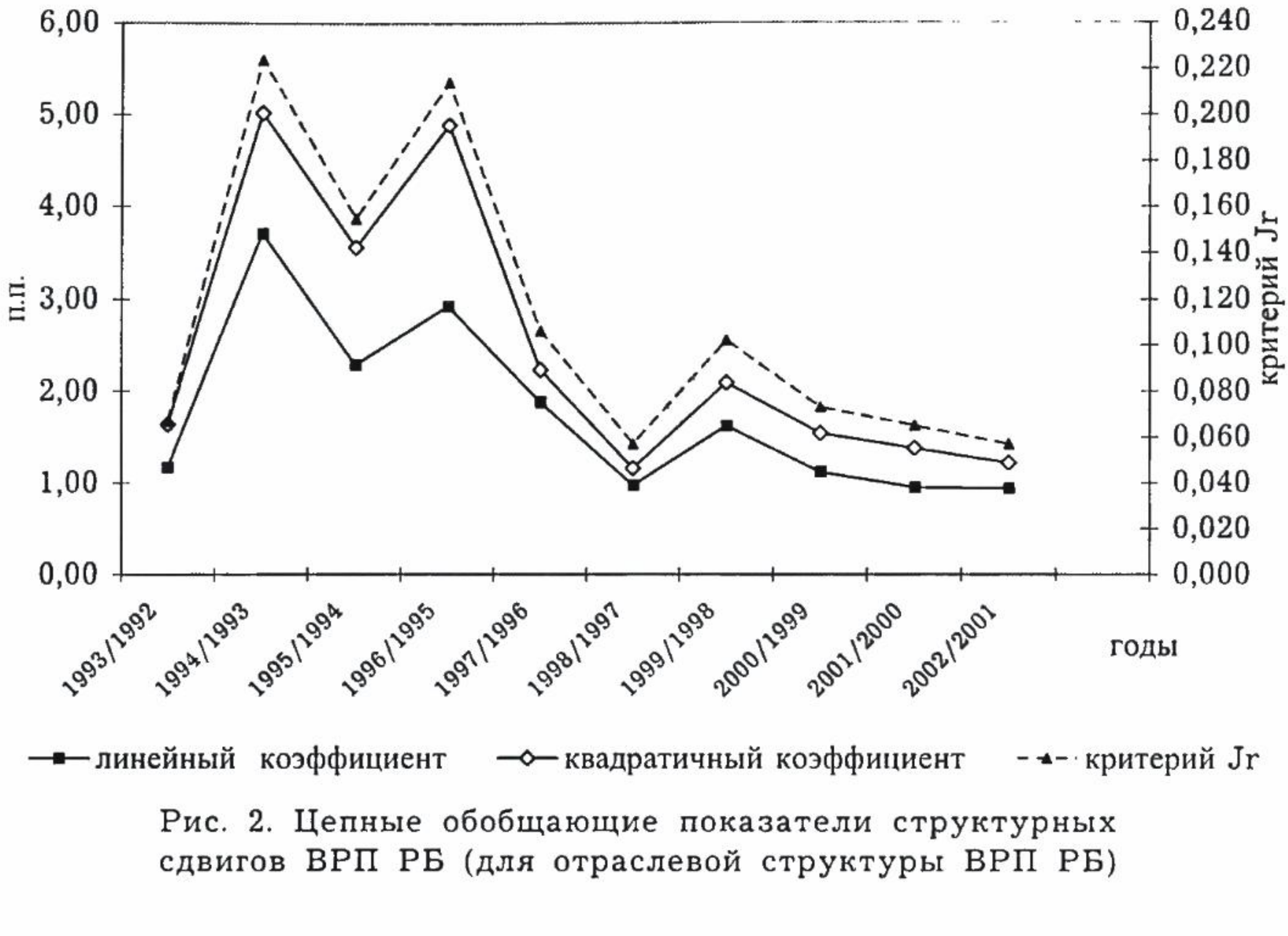


Рис. 2. Цепные обобщающие показатели структурных сдвигов ВРП РБ (для отраслевой структуры ВРП РБ)

В отраслевой структуре ВРП РБ существенные изменения были заметны в период с 1994 по 1996 г., о чем свидетельствуют значения интегрального показателя J_r (см. табл. 1). За остальные временные отрезки с 1997 по 2002 г. уровень различий структур оставался «низким» или «весьма низким» в сравнении с предыдущим периодом.

Промышленность республики является основной отраслью ее экономики (на нее приходится более четверти производства валового регионального продукта), поэтому можно предположить, что изменения в структуре производства промышленной продукции повлияли на изменения в общей структуре экономики региона. Для этого нами рассмотрена интенсивность структурных сдвигов в отраслевой структуре промышленности за 1995—2002 гг.

Анализ цепных обобщающих показателей структурных сдвигов в промышленном производстве РБ показал «кульминацию» в 1999 г. в изменении ее отраслевой структуры в связи с экономическим кризисом 1998 г. (рис. 3). В частности, уменьшились доли электроэнергетики, топливной

промышленности, черной металлургии, и, наоборот, возрос удельный вес машиностроения и металлообработки, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности и т.д. Начиная с 2000 г. наметилась тенденция сокращения различий структур в промышленном производстве.

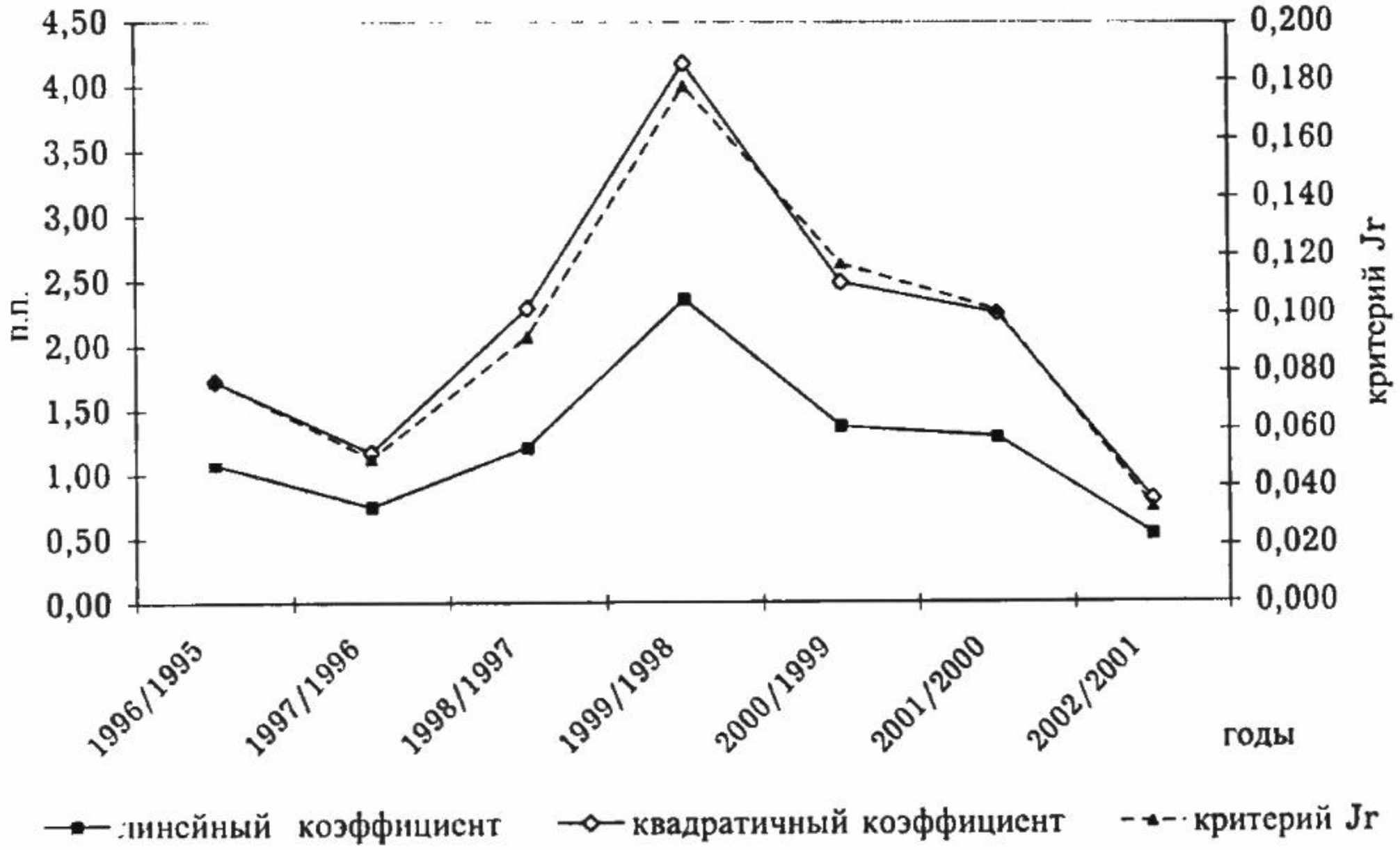


Рис. 3. Цепные обобщающие показатели структурных сдвигов в промышленном производстве РБ (для отраслевой структуры промышленности)

Эту тенденцию подтверждают значения критерия J_r (см. табл. 1): до 1999 г. отмечался низкий уровень структурных различий в промышленности республики, в 1999 г. — существенный уровень, а с 2000 г. заметно «ослабление» в изменении отраслевой структуры промышленности РБ.

Наряду с анализом цепных обобщающих показателей структурных сдвигов, характеризующих интенсивность изменений за единичный временной интервал, в исследовании были рассмотрены структурные изменения в экономике региона по сравнению с базисными периодами.

В структуре созданного ВРП РБ значительные структурные различия по сравнению с 1991 г. наблюдались в производстве товаров и рыночных услуг. На рис. 4 видно, что общая структура экономики региона за период с 1991

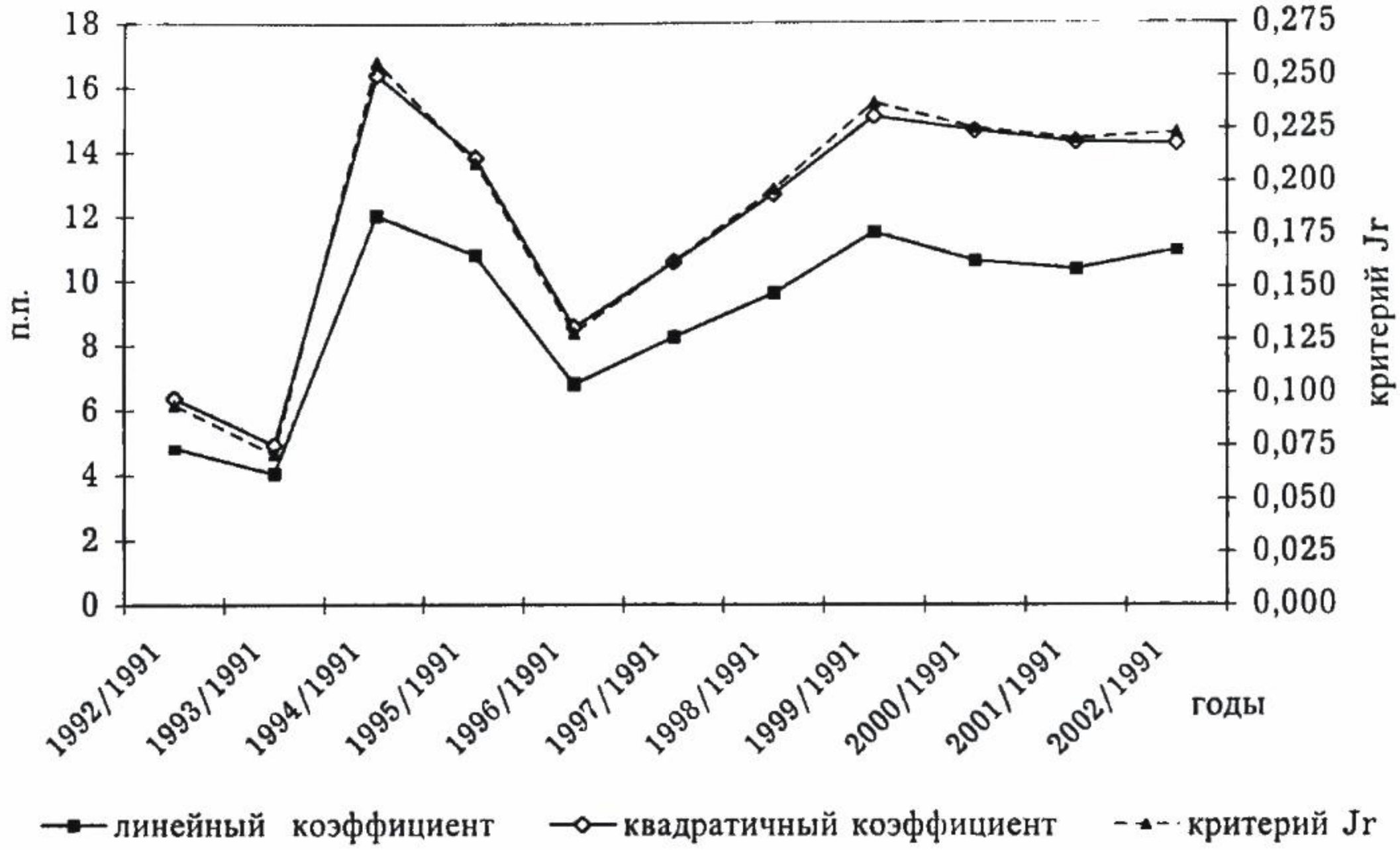


Рис. 4. Базисные обобщающие показатели структурных сдвигов в производстве ВРП РБ в сравнении с 1991 г. (для общей структуры ВРП в рыночных ценах)

по 2002 г. была весьма «подвижной». Если в 1992—1993 гг. структурные различия по сравнению с 1991 г. были незначительны, то в 1994 г. произошел их резкий «скачок», который затем сопровождался снижением структурных сдвигов. Начиная с 1997 г., опять наблюдалось усиление интенсивности исследуемых характеристик до 1999 г., сменившееся затем периодом стабилизации структуры.

Характеристики меры существенности различий структур по интегральному критерию J_r подтверждают отмеченные выше тенденции структурных сдвигов в общей структуре ВРП РБ (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика существенности различий структур по критерию J_r (в сравнении с 1991 г.)

Период сравнения, год	Для общей структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры ВРП РБ	
	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий
1	2	3	4	5
1992	0,094	Низкий уровень различий	0,106	Низкий уровень различий
1993	0,071	Низкий уровень различий	0,095	Низкий уровень различий

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
1994	0,257	Существенный уровень различий	0,273	Существенный уровень различий
1995	0,209	Существенный уровень различий	0,231	Существенный уровень различий
1996	0,128	Низкий уровень различий	0,152	Существенный уровень различий
1997	0,162	Существенный уровень различий	0,185	Существенный уровень различий
1998	0,196	Существенный уровень различий	0,215	Существенный уровень различий
1999	0,237	Существенный уровень различий	0,270	Существенный уровень различий
2000	0,225	Существенный уровень различий	0,237	Существенный уровень различий
2001	0,220	Существенный уровень различий	0,239	Существенный уровень различий
2002	0,223	Существенный уровень различий	0,228	Существенный уровень различий

Более детально структурные различия произведенного ВРП РБ в сравнении с 1991 г. показывает его отраслевая структура, которая была достаточно «изменчивой» за период с 1991 по 2002 г. (рис. 5). Структурные изменения

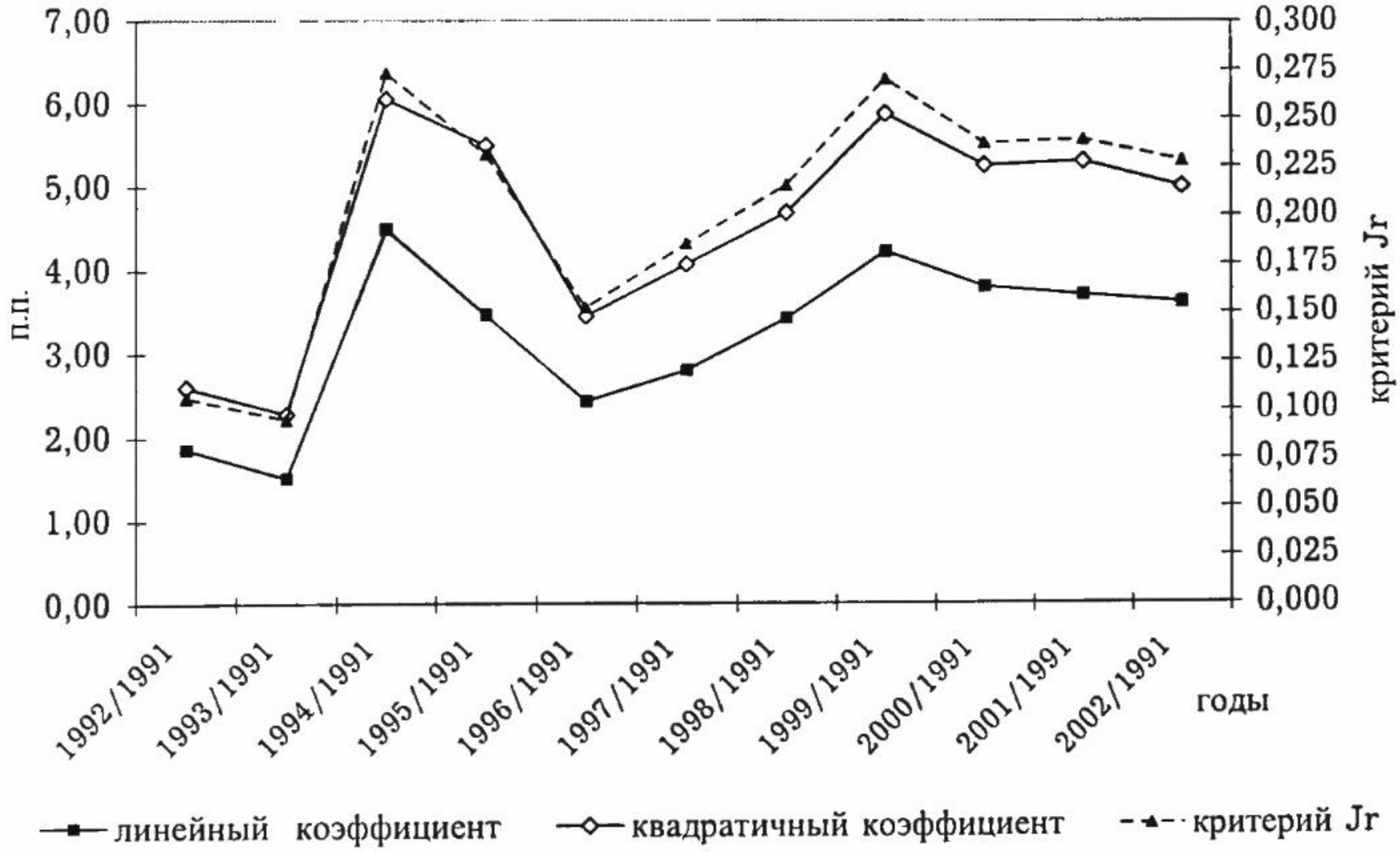


Рис. 5. Базисные обобщающие показатели структурных сдвигов в производстве ВРП РБ в сравнении с 1991 г. (для отраслевой структуры ВРП)

произошли почти во всех отраслях экономики региона, но особенно в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и связи.

Тенденции, происходящие в изменении отраслевой структуры производства ВРП РБ, совпадают с изменениями в общей структуре ВРП РБ: выделяются те же спады и подъемы в развитии обобщающих показателей структурных сдвигов (см. табл. 2).

Сравнивая общую структуру произведенного ВРП РБ текущего периода с базисным 1995 г., можно отметить тенденцию «сближения» пропорций структуры производства ВРП РБ за последние годы в сравнении с 1995 г. (рис. 6).

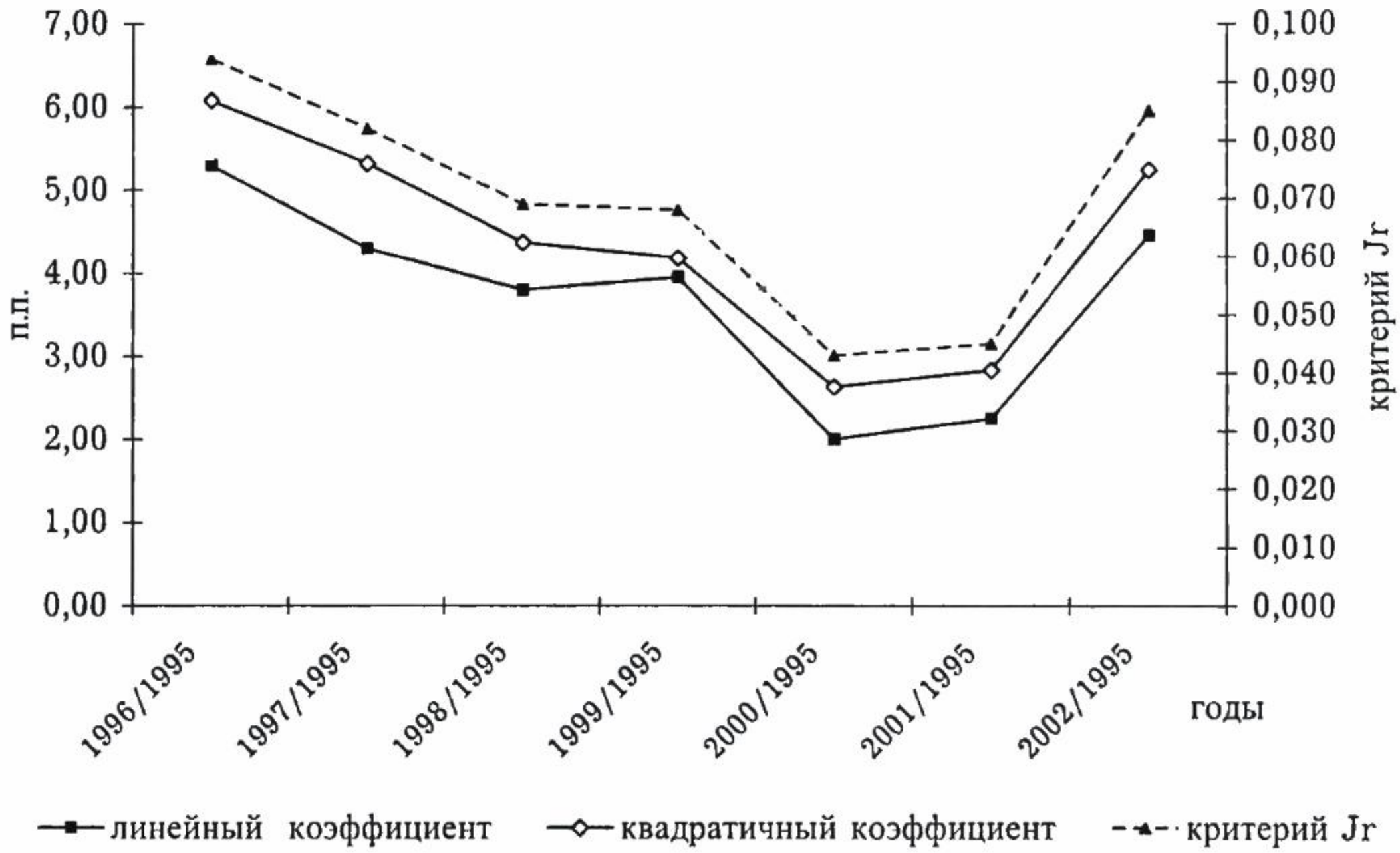


Рис. 6. Базисные обобщающие показатели структурных сдвигов в производстве ВРП РБ в сравнении с 1995 г. (для общей структуры ВРП в рыночных ценах)

В целом общая структура произведенного ВРП РБ в рыночных ценах (в разрезе производства товаров и услуг) за период с 1995 по 2002 г. существенно не изменилась, о чем свидетельствуют значения интегрального коэффициента структурных различий J_r (табл. 3). На рис. 7 базисные

Таблица 3

Характеристика существенности различий структур по критерию J_r (в сравнении с 1995 г.)

Сравниваемый период времени, год	Для общей структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры промышленности РБ	
	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий
1996	0,094	Низкий уровень различий	0,214	Существенный уровень различий	0,077	Низкий уровень различий
1997	0,082	Низкий уровень различий	0,225	Существенный уровень различий	0,124	Низкий уровень различий
1998	0,069	Весьма низкий уровень различий	0,210	Существенный уровень различий	0,196	Существенный уровень различий
1999	0,068	Весьма низкий уровень различий	0,190	Существенный уровень различий	0,127	Низкий уровень различий
2000	0,043	Весьма низкий уровень различий	0,149	Низкий уровень различий	0,122	Низкий уровень различий
2001	0,045	Весьма низкий уровень различий	0,117	Низкий уровень различий	0,121	Низкий уровень различий
2002	0,085	Низкий уровень различий	0,133	Низкий уровень различий	0,145	Низкий уровень различий

обобщающие показатели структурных сдвигов в сравнении с 1995 г. показывают существенные различия в отраслевой структуре, которые наблюдались в период 1996—1999 гг. при снижении роста ВРП, и, наоборот, ослабление различий структур с 2000 по 2002 г. по сравнению с базисным уровнем при росте ВРП РБ. Данную тенденцию в изменениях в отраслевой структуре ВРП РБ подтверждают значения интегрального показателя J_r.

В отраслевой структуре промышленного производства РБ наблюдаются значительные базисные (в сравнении с 1995 г.) структурные сдвиги почти во всех отраслях промышленности, кроме черной металлургии, химической, стекольной, легкой, полиграфической и медицинской, ввиду того, что в республике они не развиты (их доли в промышленности РБ составляют менее 1 %).

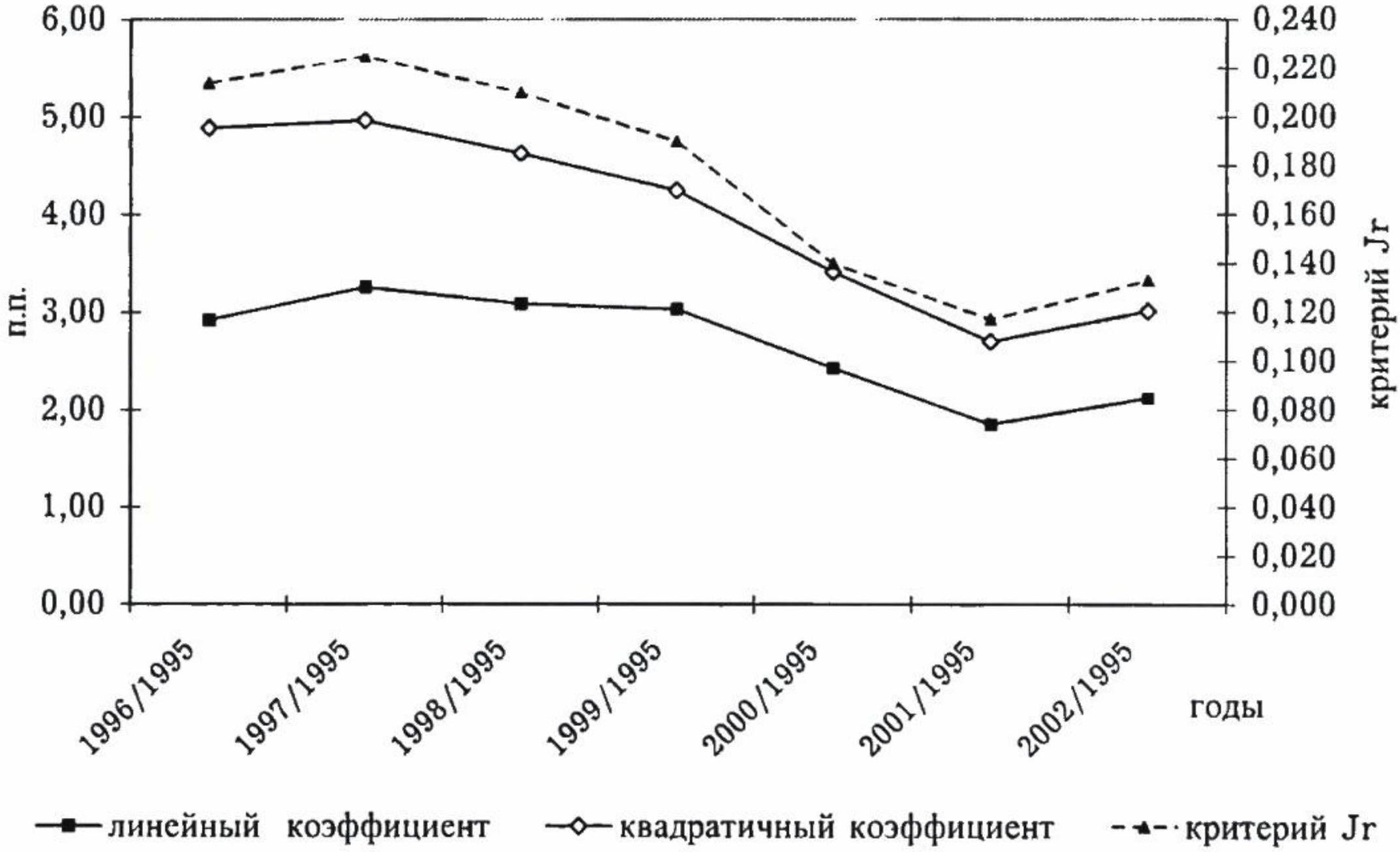


Рис. 7. Базисные обобщающие показатели структурных сдвигов в производстве ВРП РБ в сравнении с 1995 г. (для отраслевой структуры ВРП)

Базисные линейный и квадратичный коэффициенты «абсолютных» структурных сдвигов отраслевой структуры промышленности РБ (рис. 8) показали, что наибольшее различие текущей структуры от базисной наблюдалось в 1999 г. после кризиса 1998 г. (самой нижней точке спада промышленного производства). При росте промышленности в 2000 г. произошло ослабление различий структур, а начиная с 2001 г. опять наметилась тенденция незначительного увеличения структурных сдвигов в промышленности по сравнению с 1995 г.

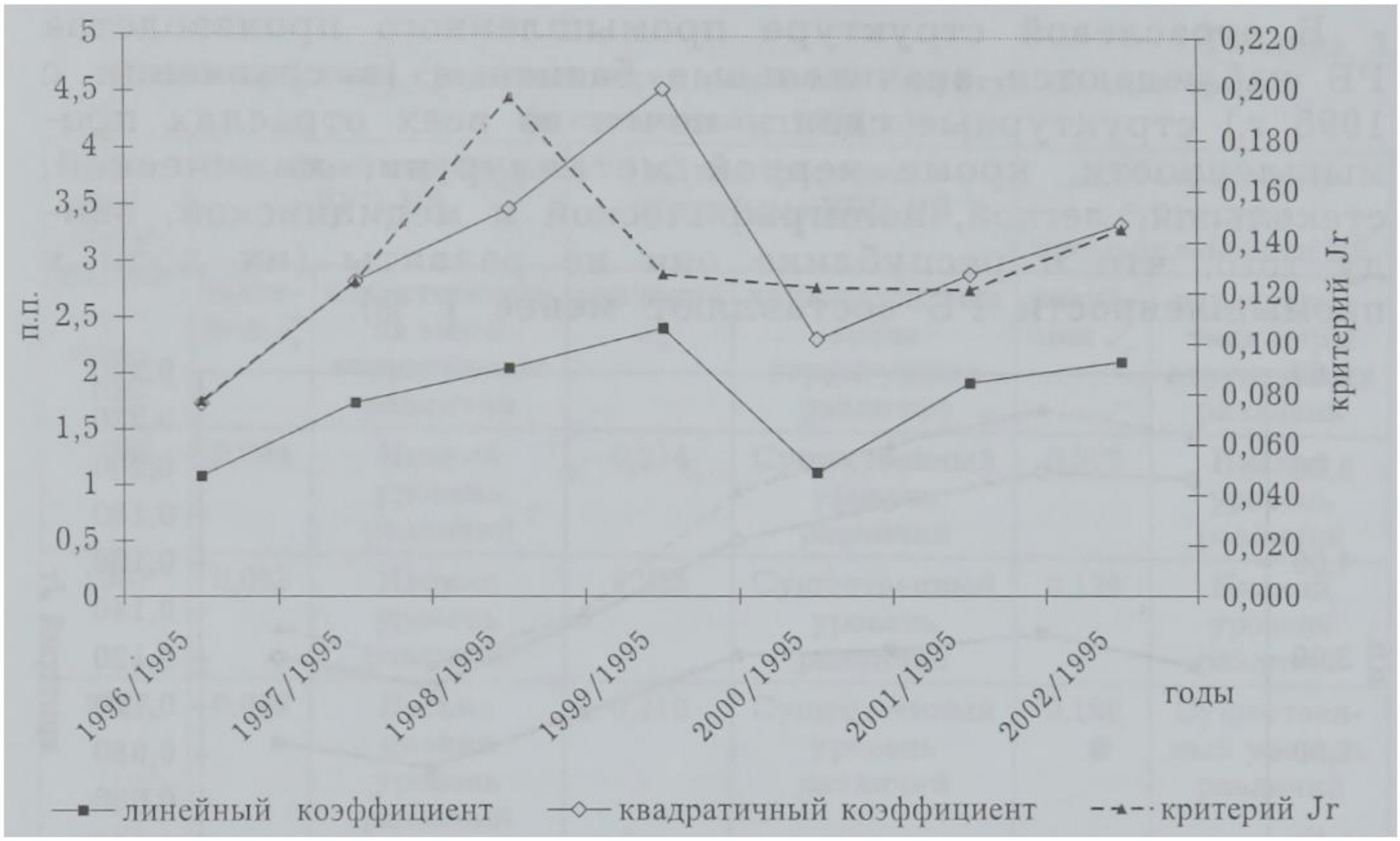


Рис. 8. Базисные обобщающие показатели структурных сдвигов в промышленном производстве РБ (для отраслевой структуры промышленности)

Интегральный коэффициент структурных различий J_r в целом также характеризует неравномерность структурных сдвигов и показывает, что существенные изменения в отраслевой структуре промышленности уже наблюдались в 1998 г. (см. рис. 8). Это означает, что промышленность сразу же «отреагировала» на кризис 1998 г. (см. табл. 3).

Для полноты картины, характеризующей состояние экономики региона на современном этапе, необходим сравнительный анализ ее структуры, сложившейся в 2002 г., в сравнении с 1995, 1996, ... 2001 г. Интегральный коэффициент структурных различий J_r был рассчитан для общей структуры ВРП РБ, отраслевой структуры ВРП РБ, а также для отраслевой структуры промышленности РБ, основной отрасли экономики республики.

На рис. 9 видно, что тенденции структурных сдвигов общей структуры ВРП РБ и отраслевой структуры ВРП РБ схожи. Наибольшее удаление пропорций общей структуры ВРП 2002 г. наблюдалось в сравнении с 1996 г. (так же как и отраслевая структура ВРП РБ), наименьшее —

в сравнении с 1998 г., а начиная с 1999 г. изменения в общей структуре ВРП 2002 г. в сравнении с предыдущими годами незначительны и стабильны.

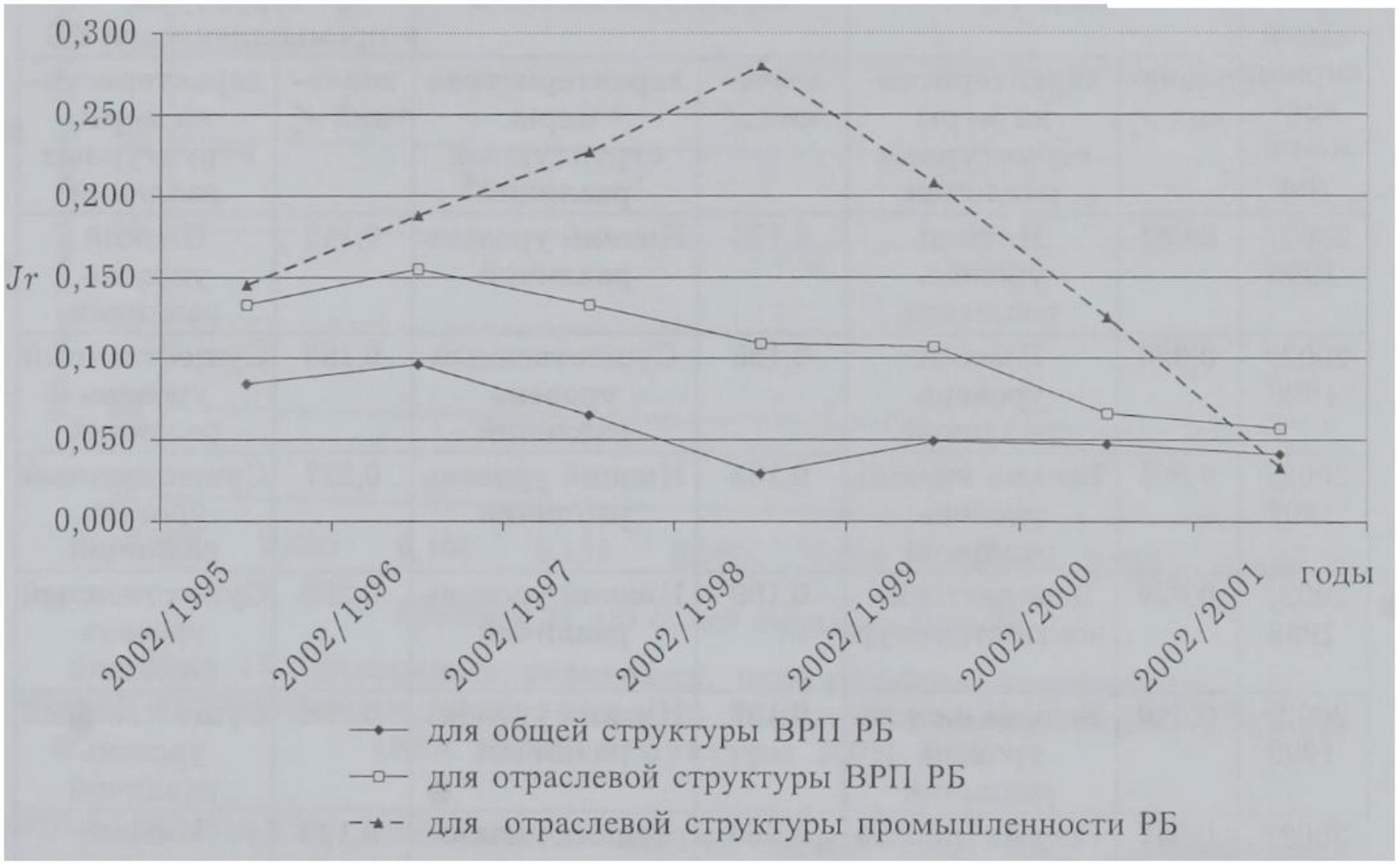


Рис. 9. Интегральный критерий структурных различий J_r

По отраслевой структуре ВРП РБ можно отметить, что начиная с 1997 г. наблюдается тенденция сокращения структурных различий отраслевой структуры ВРП РБ 2002 г. со сложившимися структурами предыдущих лет. Тенденция к увеличению структурных сдвигов заметна в отраслевой структуре промышленности 2002 г. в сравнении с 1995—1998 гг., «пик» структурных различий приходится на 1998 г., после которого происходит резкий спад, снижение интенсивности изменений.

Шкала оценок меры существенности различий структур по критерию J_r лучшим образом характеризует указанные тенденции (табл. 4).

Диаграмма рассеяния (рис. 10) отражает линейную зависимость, которая, однако, частично скрадывается действием фактора «случайности» (разбросом точек). Несмотря на это корреляция $r = -0{,}751$ характеризует достаточно силь-

Таблица 4

Характеристика существенности различий структур по критерию J_r

Сравниваемый период времени, год	Для общей структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры ВРП РБ		Для отраслевой структуры промышленности РБ	
	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий	значения J_r	характеристика меры структурных различий
2002/1995	0,084	Низкий уровень различий	0,133	Низкий уровень различий	0,145	Низкий уровень различий
2002/1996	0,096	Низкий уровень различий	0,155	Существенный уровень различий	0,188	Существенный уровень различий
2002/1997	0,065	Весьма низкий уровень различий	0,133	Низкий уровень различий	0,227	Существенный уровень различий
2002/1998	0,029	Тождественность структур	0,109	Низкий уровень различий	0,280	Существенный уровень различий
2002/1999	0,049	Весьма низкий уровень различий	0,107	Низкий уровень различий	0,208	Существенный уровень различий
2002/2000	0,047	Весьма низкий уровень различий	0,066	Весьма низкий уровень различий	0,125	Низкий уровень различий
2002/2001	0,041	Весьма низкий уровень различий	0,057	Весьма низкий уровень различий	0,033	Низкий уровень различий

ную отрицательную взаимосвязь между цепным интегральным коэффициентом структурных сдвигов J_r, рассчитанного для общей структуры произведенного ВРП РБ, и цепными темпами роста ВРП РБ. По показателю детерминации $R^2 = 0,564$ видно, что изменения произведенного ВРП РБ по сравнению с предыдущим годом на 56,4 % были обусловлены цепными структурными сдвигами в общей структуре произведенного ВРП РБ.

Линейный и квадратичный коэффициенты структурных сдвигов, рассчитанные для общей структуры ВРП, подтверждают взаимосвязь понижения: более высоким темпам роста ВРП соответствует более низкое значение обобщающего показателя структурных сдвигов (табл. 5). Для отраслевой структуры произведенного ВРП РБ поле рассе-

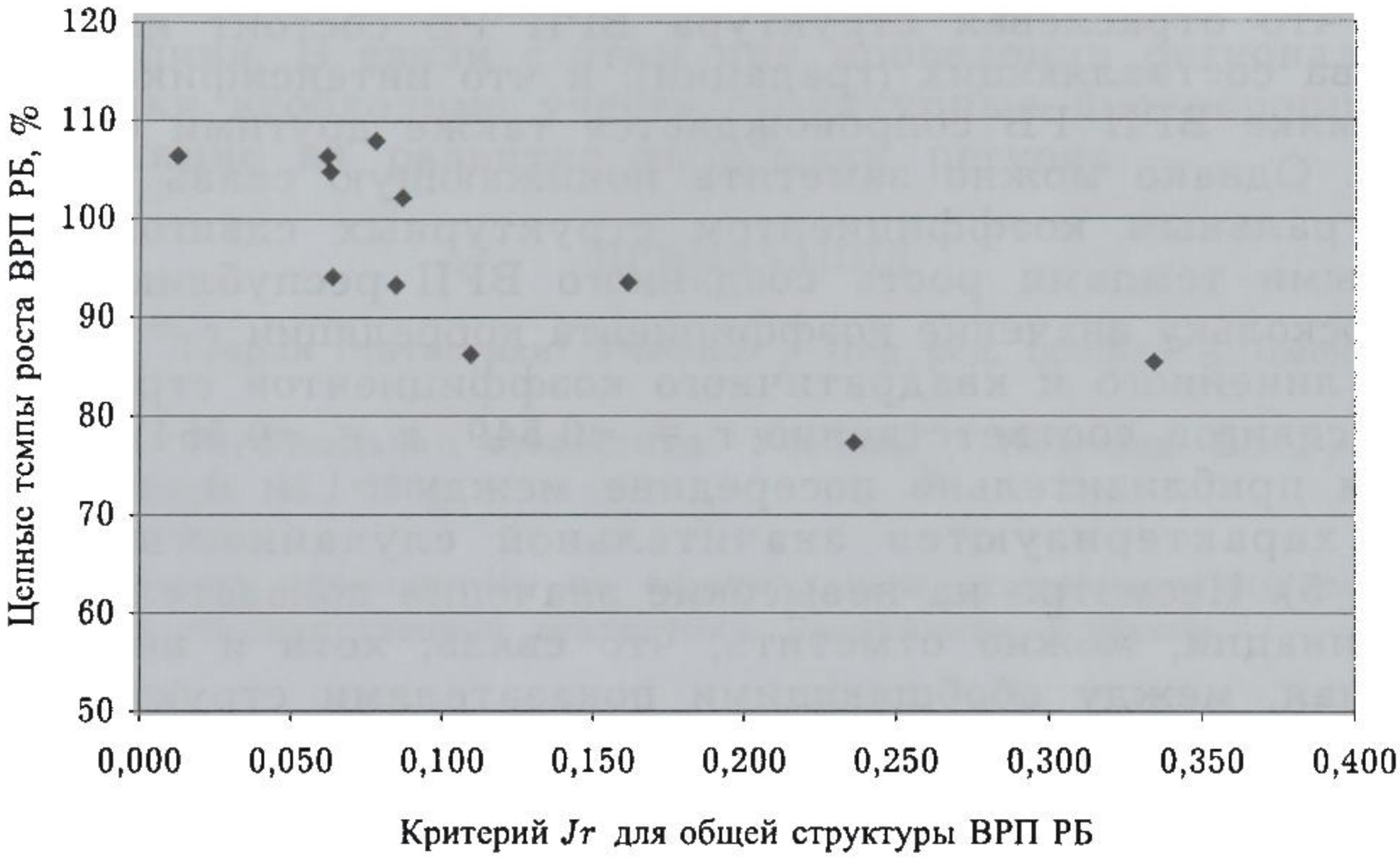


Рис. 10. Диаграмма рассеяния, отражающая взаимосвязь между интегральным критерием J_r и цепными темпами роста ВРП РБ (для общей структуры ВРП РБ)

яния выглядит несколько иначе (рис. 11), оно характеризуется значительно большей степенью разброса или случайности, чем в предыдущем случае. Это можно объяснить

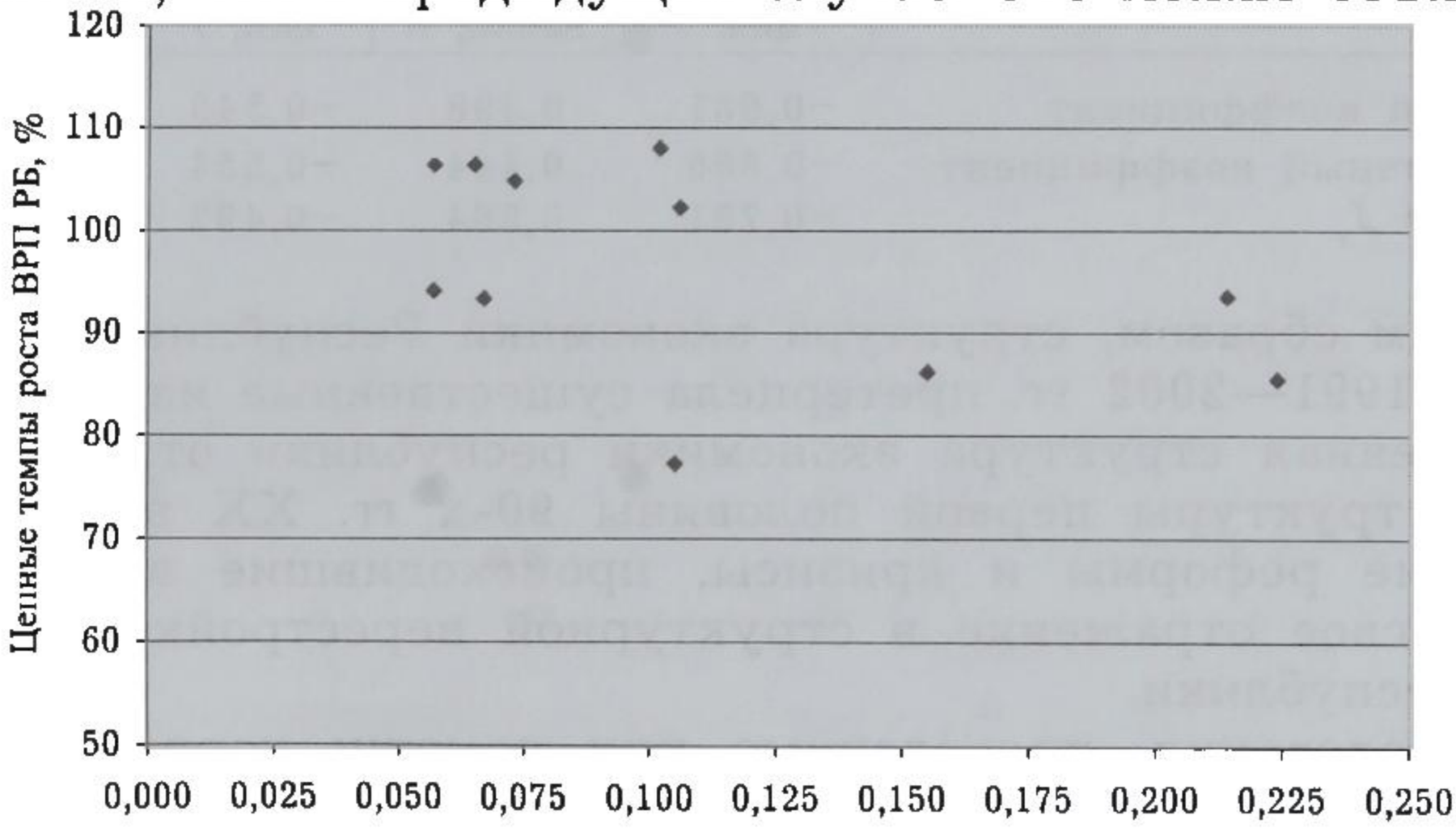


Рис. 11. Диаграмма рассеяния, отражающая взаимосвязь между интегральным критерием J_r и цепными темпами роста ВРП РБ (для отраслевой структуры ВРП РБ)

Заказ № 6429

тем, что отраслевая структура ВРП РБ состоит из множества составляющих (градаций), и что интенсификация в динамике ВРП РБ сопровождается также другими факторами. Однако можно заметить понижающую связь между интегральным коэффициентом структурных сдвигов J_r и цепными темпами роста созданного ВРП республики.

Поскольку значение коэффициента корреляции $r = -0{,}492$ (для линейного и квадратичного коэффициентов структурных сдвигов соответственно $r = -0{,}549$, $r = -0{,}554$) находится приблизительно посередине между -1 и 0, то данные характеризуются значительной случайностью (см. табл. 5). Несмотря на невысокие значения показателей детерминации, можно отметить, что связь, хотя и незначительная, между обобщающими показателями структурных сдвигов отраслевой структуры ВРП РБ и цепными темпами роста ВРП все же существует.

Таблица 5

Корреляция, отражающая силу взаимосвязи между обобщающими показателями структурных сдвигов и цепными темпами роста ВРП РБ

Обобщающий показатель структурных сдвигов	Общая структура ВРП РБ в рыночных ценах		Отраслевая структура ВРП РБ	
	коэффициент корреляции, r	показатель детерминации, R^2	коэффициент корреляции, r	показатель детерминации, R^2
Линейный коэффициент	−0,631	0,398	−0,549	0,301
Квадратичный коэффициент	−0,666	0,444	−0,554	0,307
Критерий J_r	−0,751	0,564	−0,492	0,242

Таким образом, структура экономики Республики Бурятия за 1991—2002 гг. претерпела существенные изменения. Современная структура экономики республики отличается от ее структуры первой половины 90-х гг. XX в. Экономические реформы и кризисы, происходившие в стране, нашли свое отражение в структурной перестройке хозяйства республики.

Исследования, проведенные при помощи корреляционного анализа, показали, что структурные сдвиги в экономике региона и ВРП за рассматриваемый период находились в достаточно сильной обратной взаимосвязи, т.е. изменения, произошедшие в структуре экономики региона,

отрицательно воздействовали на экономическое развитие республики. В связи с этим при проведении региональной политики необходимо учесть структурные диспропорции и их влияние на развитие экономики региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Теория статистики: Учебник / Под ред. проф. Р.А.Шмойловой. М., 1996.

[2] См.: Региональная статистика: Учебник / Под ред. В.М.Рябцева, Г.И.Чудилина. М., 2001.

[3] Там же.

[4] Расчеты проводились по официальным статистическим данным Комитета государственной статистики Республики Бурятия.

Поступила 08.09.2005.

Т.А.БУРЦЕВА

В.И.БЕСПЯТЫХ

ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ РЕШЕНИЙ

В условиях усиливающейся роли информационного фактора в развитии производства и в рыночной системе агропромышленного комплекса особое значение приобретает эффективность информационного обеспечения маркетинговых решений. В связи с этим проблема информационно-консультационного обеспечения должна рассматриваться в первую очередь как один из инструментов развития рынка молочной продукции. Взаимосвязь между конкурентной позицией предприятия и эффективностью информационного обеспечения маркетинговых решений можно рассмотреть на примере исследования рынка молочной продукции Кировской области.

Диагностику конкурентной среды рынка следует считать важнейшим звеном маркетинговых исследований. В зависимости от величины рыночной доли фирма может быть на

БУРЦЕВА Татьяна Алексеевна, доцент кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук.

БЕСПЯТЫХ Василий Ильич, профессор кафедры организации производства и предпринимательства Вятской государственной сельскохозяйственной академии, доктор экономических наук.

рынке лидером или аутсайдером, иметь сильную или слабую конкурентную позицию. Динамика доли достаточно объективно характеризует круг конкурентов, чьи интересы затрагивает деятельность фирмы; цели, которые могут быть поставлены и достигнуты фирмой. Для анализа поведения фирмы на рынке, постановки стратегических задач маркетинга, разработки плана маркетинга строятся конкурентные карты рынка. Построение конкурентных карт осуществляется в виде матрицы, в которой по строкам откладываются темпы роста рыночной доли предприятий, а по столбцам размещаются фирмы в зависимости от занимаемой ими рыночной доли. Конкурентную карту рынка мы рекомендуем строить по схеме, представленной на рисунке. Для определения рыночных границ однородной группы предлагается использование закона вариации индивидуальных значений признака (правило «трех сигм»), а для неоднородных групп — закона вариации средних величин.

Чем меньше средняя величина и дисперсия, тем однороднее изучаемая совокупность явлений и надежнее полученная средняя. Согласно рассматриваемому математической статистикой правилу «трех сигм», в нормально распределенных или близких к ним рядах отклонения от средней арифметической, не превосходящие $\pm 3\sigma$, встречаются в 997 случаях из 1000. Считается, что отклонение $\tilde{x} - \bar{x}$ в пределах $\pm 3\sigma$ вполне гарантирует удовлетворительное решение подавляющего большинства задач[1] Неправильно сводить роль средних только к характеристике типичных значений признаков в однородных по данному признаку совокупностях. На практике часто современная статистика использует средние величины, обобщающие явно неоднородные явления[2]

Проведем классификацию конкурентов по величине рыночной доли, занимаемой ими на рынке молочной продукции Кировской области (в пересчете на условное молоко). Результаты расчетов представлены в табл. 1.

Вся совокупность предприятий в соответствии с занимаемой рыночной долей делится на два сектора: первый — предприятия, рыночная доля которых больше среднего значения в целом по всему рынку, второй — предприятия, рыночная доля которых меньше среднего значения.

Рисунок. Последовательность построения конкурентной карты рынка

Таблица 1

Классификация предприятий по величине рыночной доли

Предприятия	Рын. доля в период t, %	Сектор		Темп прироста за 2 года, %
		1-й	2-й	
А	0,02	—	0,02	−95,35
Б	0,36	—	0,36	5,64
В	1,49	—	1,49	−15,66
Г	2,04	—	2,04	90,38
Д	0,05	—	0,05	−74,22
Е	10,63	10,63	—	−16,49
Ж	1,38	—	1,38	17,58
З	5,28	5,28	—	18,60
И	1,00	—	1,00	106,28
К	0,34	—	0,34	−31,77
Л	1,68	—	1,68	−26,89
М	1,04	—	1,04	47,61
Н	1,38	—	1,38	−5,99
О	0,66	—	0,66	−19,39
П	2,00	—	2,00	−23,18
Р	0,34	—	0,34	−35,51
С	0,97	—	0,97	−54,91
Т	0,87	—	0,87	−20,99
У	2,51	—	2,51	23,35
Ф	1,26	—	1,26	121,09
Х	2,93	—	2,93	−12,52
Ц	3,40	—	3,40	7,02
Ч	3,87	3,87	—	−0,90
Ш	1,97	—	1,97	−47,81
Щ	0,26	—	0,26	35,10
Э	11,91	11,91	—	9,29
Ю	27,65	27,65	—	12,11
Я	12,72	12,72	—	0,61
Итого	100	72,06	27,94	x

Средняя рыночная доля в каждом из секторов определяется по формуле средней арифметической. Далее производится оценка совокупности по варьирующим признакам. Если в совокупности имеются показатели резко отличающиеся, то их следует исключить из изучаемой совокупности. Для того чтобы средний показатель был действительно типизирующим, он должен определяться не для любых совокупностей, а только для совокупностей, состоящих из качественно однородных единиц[3].

В каждом секторе рассчитывается среднее значение рыночной доли предприятий по формулам:

$$D_{ср.1} = \frac{1}{K_1} \times \sum D_c, \quad c = 1, \ldots, K_1 \qquad (1)$$

$$D_{ср.2} = \frac{1}{n - K_1} \times \sum D_t, \quad t = 1, \ldots, n - K_1 \qquad (2)$$

где $D_{ср.1}$, $D_{ср.2}$ — среднее арифметическое значение рыночной доли предприятий, для которых $D_c < D_{ср}$ ($D_t \geq D_{ср}$); K_1, ($n - K_1$) — количество предприятий, для которых $D_c < D_{ср}$ ($D_t \geq D_{ср}$); D_c, D_t — рыночные доли предприятий, для которых $D_c < D_{ср}$ ($D_t \geq D_{ср}$).

Так как рыночная доля предприятия ***Ю*** значительно превышает долю остальных предприятий, а доля предприятий ***А*** и ***Щ*** на рынке невелика, то при расчете средней величины и среднеквадратического отклонения первого сектора мы исключаем рыночную долю этих предприятий из совокупности. Получили, что для первого сектора средняя величина рыночной доли составляет 11,75 %, для второго — 1,27 %.

В каждом из секторов рассчитывается среднеквадратическое отклонение, которое совместно с минимальным и максимальным значениями определяют границы представленных групп. Среднеквадратическое отклонение рыночной доли предприятий рассчитывается по секторам $D_i \geq (\leq) D_{ср.}$:

$$_1 \sqrt{(1/K_1) \quad (D_c - D_{ср.1})^2}, \quad c = 1, \ldots, K_1 \qquad (3)$$

$$\sigma_2 = \sqrt{(\frac{1}{n - K_1}) \times \sum (D_t - D_{ср.2})^2}, \quad t = 1, \ldots, n - K_1, \qquad (4)$$

Среднеквадратическое отклонение рыночной доли для каждого сектора составило соответственно: $\sigma_1 = 0{,}86$ и $\sigma_2 = 0{,}91$.

В зависимости от величины роста рыночной доли предприятия выделяют четыре состояния: лидер рынка, предприятие с сильной конкурентной позицией, предприятие со слабой конкурентной позицией, аутсайдер.

Стандартный расчет границ производится по следующей системе:

$$D_{ср} + 3\ \sigma_2;\ D_{max}$$
$$D_{ср};\ D_{ср} + 3\ \sigma_2$$
$$D_{ср} - 3 \cdot \sigma_1;\ D_{ср} \qquad (5)$$
$$D_{min};\ D_{ср} - 3 \cdot \sigma_1$$

Если совокупность сектора неоднородна, то для определения границ рынка мы предлагаем использовать закон вариации средних величин:

$$D_{ср} + \frac{3\sigma_2}{\sqrt{n}};\ D_{max}$$
$$D_{ср};\ D_{ср} + \frac{3\sigma_2}{\sqrt{n}}$$
$$D_{ср} - \frac{3\sigma_1}{\sqrt{n}};\ D_{ср} \qquad (6)$$
$$D_{min};\ D_{ср} - \frac{3\sigma_1}{\sqrt{n}}$$

В результате получаем группировку предприятий (табл. 2).

Таблица 2

Критерии отнесения предприятий к классификационным группам

Формула	Граница классификационных групп, %	Характеристика	Предприятия
Классификация предприятий по величине рыночной доли			
$D_{ср}+3 \cdot \sigma_2;\ D_{max}$	6,3...27,65	лидер рынка	*Ю, Я, Э, Е*
$D_{ср};\ D_{ср} + 3 \cdot \sigma_2$	3,57...6,29	предприятие с сильной конкурентной позицией	*З, Ч*
$D_{ср} - \frac{3\sigma_1}{\sqrt{n}};\ D_{ср}$	2,51...3,56	предприятие со слабой конкурентной позицией	*У, Х, Ц*
$D_{min};\ D_{ср} - \frac{3\sigma_1}{\sqrt{n}}$	0,02...2,50	аутсайдер	*А,Б, В, Г, Д, Ж, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, Ф, Щ, Ш*
Классификация предприятий по степени изменения конкурентной позиции			
$T_{ср} + \frac{3\sigma}{\sqrt{n}};\ T_{max}$	38,54...121,09	предприятие с быстрорастущей конкурентной позицией	*Г, И, М, Ф*
$T_{ср};\ T_{ср} + \frac{3\sigma}{\sqrt{n}}$	10,79...38,53	предприятие с улучшающейся конкурентной позицией	*Ж, З, У, Ш, Ю*
$T_{ср} - \frac{3\sigma}{\sqrt{n}};\ T_{ср}$	-16,96...10,78	предприятие с ухудшающейся конкурентной позицией	*Б, В, Е, Н, Х, Ц, Ч, Э, Я*
$T_{min};\ T_{ср} - \frac{3\sigma}{\sqrt{n}}$	-95,35...-16,97	предприятие с быстро ухудшающейся конкурентной позицией	*А, Д, К, Л, О, П, Р, С, Т, Щ*

Для классификации предприятий по степени изменения конкурентной позиции, которая определяется в данном случае величиной рыночной доли, необходимо рассчитать средний темп прироста рыночной доли и его среднеквадратическое отклонение. Для учета конъюнктурной ситуации на рынке рассчитывается показатель тенденции изменения этого показателя и связанное с ней изменение конкурентной позиции предприятия. Тенденция оценивается с помощью показателя темпа прироста доли, который рассчитывается по формуле:

$$T_i = \frac{1}{m} \cdot \frac{D_i^t - D_i^{to}}{D_i^{to}} \cdot 100\%, \qquad (7)$$

где T_i — темп прироста рыночной доли i-го предприятия, %; D_i^t (D_i^{to}) — рыночная доля i-го предприятия в период времени $t(t_o)$, %; m — количество лет в рассматриваемом периоде (2 года).

Рассчитывается среднеквадратичное отклонение (T_i от $T_{ср}$):

$$\sigma = \sqrt{\frac{1}{n} \times \Sigma (T_i - T_{cp})^2}, \qquad (8)$$

где $T_{ср}$ — средний темп прироста рыночной доли, %.

Средний темп прироста рыночной доли рассчитывается по одной из формул:

$$T_{cp} = \left(\frac{\Sigma K_i^t}{\Sigma K_i^{to}} - 1\right) \times 100\% \qquad (9)$$

$$T_{cp} = \left(\frac{\Sigma K_i^t \times Ц_i^t}{\Sigma K_i^{to} \times Ц_i^{to}} - 1\right) \times 100\% \qquad (10)$$

где — K_i^t (K_i^{to}) — количество изделий анализируемой товарной группы, реализованных i-м предприятием в период времени t (t_o), ед.; $Ц_i^t$ ($Ц_i^{to}$) — цена изделий, реализованных i-м предприятием в период времени t (t_o), тыс. руб.; n (n_{to}) – количество предприятий, работающих на рассматриваемом товарном рынке в период времени t (t_o), ед.

Производится расчет границ рынка по динамике изменения рыночных долей предприятия. Для оценки степени

изменения конкурентной позиции выделяются четыре типовых состояния предприятия по величине роста его рыночной доли: предприятия с быстрорастущей конкурентной позицией, с улучшающейся конкурентной позицией, ухудшающейся конкурентной позицией и с быстро ухудшающейся конкурентной позицией.

Стандартный расчет границ производится по следующей системе:

$$\begin{array}{l} T_{ср} + 3\ \sigma;\ T_{max} \\ T_{ср};\ T_{ср} + 3\ \sigma \\ T_{ср} - 3\ \sigma;\ T_{ср} \\ T_{min};\ T_{ср} - 3 \cdot \sigma \end{array} \qquad (11)$$

Если совокупность сектора неоднородная, то для определения границ рынка мы предлагаем использовать закон вариации средних величин:

$$\begin{array}{l} T_{ср} + \dfrac{3 \cdot \sigma}{\sqrt{n}};\ T_{max} \\ T_{ср};\ T_{ср} + \dfrac{3 \cdot \sigma}{\sqrt{n}} \\ T_{ср} - \dfrac{3 \cdot \sigma}{\sqrt{n}};\ T_{ср} \\ T_{min};\ T_{ср} - \dfrac{3 \cdot \sigma}{\sqrt{n}} \end{array} \qquad (12)$$

Проведем классификацию предприятий по степени изменения конкурентной позиции (см. табл. 2). Тенденция оценивается с помощью показателя темпа прироста доли (T_i), который составил 10,79 %. Рассчитанное среднеквадратическое отклонение σ = 48,94 % показывает, что вариация единиц в изучаемой совокупности достаточно высока, следовательно, группа неоднородна по данному признаку. В этом случае с точки зрения статистики правильнее использовать закон средних величин.

На основе полученных данных строится матрица конкурентной карты рынка, проводится расчет границ рынка по общепринятой методике[4]

Таким образом, при группировке предприятий по величине роста рыночной доли предприятия-аутсайдеры рынка включаются в состав предприятий со слабой конкурентной позицией. Аналогичная картина наблюдается и по распределению предприятий по степени изменения конкурентной

позиции на рынке. Здесь также происходит смещение группы предприятий с быстро ухудшающейся позиции в группу предприятий с медленно ухудшающейся позицией. Следовательно, при построении матрицы конкурентной карты рынка молока и молочной продукции по общепринятой методике происходит объединение границ предприятий со слабой конкурентной позицией с предприятиями-аутсайдерами, а также предприятий с ухудшающейся конкурентной позицией с предприятиями с быстро ухудшающейся конкурентной позицией, т.е. происходит смещение места предприятий на рынке.

Предлагаемая методика расчета дает достоверные результаты, тогда как по общепринятой методике получаются недостоверные границы классификации предприятий на исследуемом рынке. Правильное определение таких границ необходимо для обоснованной разработки маркетинговой стратегии предприятия. Итогом маркетинговых исследований должны быть выводы и предложения о мерах, которые необходимо принять для улучшения положения предприятия и его продукции на рынке.

Для принятия эффективных управленческих решений необходима маркетинговая информация, которая собирается, анализируется и распределяется в рамках маркетинговой информационной системы (МИС), являющейся частью информационной системы управления предприятием. Специалисты в области маркетинга считают, что дальнейшее развитие МИС приведет к ее трансформации в систему поддержки маркетинговых решений, являющейся более гибкой, простой в использовании, в основу функционирования которой положены интерактивные процедуры, и ориентированной на принятие нестандартных, творческих решений[5].

Исследования показывают, что в настоящее время большинство предприятий, действующих на рынке молочной продукции, не имеют маркетинговых информационных систем или принимают решение о построении МИС как дань моде. Руководство не всегда отдает себе отчет относительно экономической выгоды, которую система может принести предприятию.

Концепция управления маркетинговой информационной системой интегрируется в систему управления маркетин-

говой деятельностью предприятия и в систему управления предприятием на самом высшем уровне. Оценку эффективности функционирования маркетинговой информационной системы необходимо начинать с оценки эффективности маркетинговой деятельности предприятия. От эффективности информационного обеспечения маркетинговых решений во многом зависит эффективность управления маркетингом в целом. Мы согласны с мнением, что по состоянию МИС можно оценивать степень эффективности маркетинга на предприятии. Считаем целесообразным матрицу карты эффективности маркетинговой деятельности предприятия строить по двум измерениям, таким как эффективность управления маркетингом на предприятии и эффективность информационного обеспечения маркетинговых решений.

Определение величины разрыва между текущим и желаемым уровнем эффективности системы управления маркетингом рассмотрим на примере 10 предприятий рынка молочной продукции Кировской области (предприятия ***Е, И, П, У, Х, Ц, Щ, Э, Ю, Я***), выделенных по наибольшей величине рыночной доли. Считаем целесообразным для анализа эффективности системы управления маркетингом на предприятии применить методику, предложенную В.Похабовым и И.Пономарченко[6], которая, на наш взгляд, является одной из наиболее интересных.

Результаты, полученные в ходе исследования по этой методике, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Группировка предприятий по показателю эффективности управления маркетингом (в баллах)

Группы	Номера предприятий	Средний показатель по группе
Группа № 1 (0—5,0)	***З***	4,80
Группа № 2 (5,1—8,0)	***Б, Г, Д, И, К***	6,33
Группа № 3 (8,1—16,0)	***В, Е, Ж***	8,56
Группа № 4 (16,1—24,0)	***А***	16,30

Наиболее комплексный подход к определению эффективности функционирования маркетинговой информационной системы вытекает из определения МИС. Маркетинговая

информационная система — это совокупность процедур и методов, разработанных для создания, анализа и распространения информации для опережающих маркетинговых решений на постоянной основе. Поэтому мы считаем, что оценку эффективности функционирования МИС необходимо проводить по трем составляющим определения, таким как оценка эффективности создания Э(СИ), эффективности анализа Э(АИ) и эффективности распространения маркетинговой информации Э(РИ). В качестве экспертов при проведении маркетинговых исследований выступили специалисты высшего и среднего звена, занимающиеся вопросами маркетинга на изучаемых предприятиях и хорошо знающие текущую маркетинговую ситуацию на рынке молочной продукции Кировской области.

Для более обоснованного вывода эффективности информационного обеспечения маркетинговых решений была определена важность каждой составляющей МИС. С учетом этого показателя рассчитывается среднее балльное значение.

Группировка предприятий по показателю эффективности информационного обеспечения маркетинговой деятельности производится по следующей шкале: 0—2,0 балла (система информационного обеспечения маркетинговых решений на предприятии имеет случайный фрагментарный характер, самый низкий уровень); 2,1—3,0 балла (предприятия со слабой системой развития информационного обеспечения маркетинговых решений; руководству следует пересмотреть свое отношение к роли информационного обеспечения в принятии эффективных управленческих решений); 3,1—4,0 балла (средний уровень развития системы информационного обеспечения маркетингового управления; однако стоит глубже изучить аспекты, мешающие его прогрессивному развитию. Возможно, они кроются в антимаркетинговом поведении некоторых управленцев); 4,1—5,0 балла (предприятие имеет развитую МИС; специалисты предприятия осознают всю важность информационного обеспечения маркетинга). Рассчитываются также частные показатели в абсолютном выражении и в соотнесенном к максимальным показателям виде.

Матрица карты эффективности маркетинга на предприятии в зависимости от эффективности информационного

обеспечения маркетинговых решений и эффективности системы управления маркетингом на предприятии делится на 16 полей (табл. 4). Каждое поле характеризуется определенным состоянием уровня эффективности маркетинга. Сопоставляя матрицу формирования конкурентной карты рынка и матрицу карты эффективности маркетинга, можно сделать вывод о месте и роли информационного фактора в развитии рынка молока и молочной продукции региона.

Таблица 4

Матрица карты эффективности маркетинга на предприятии

<table>
<tr><td>Эффективность информационного обеспечения маркетинга

Эффективность системы управления маркетингом</td><td>Предприятия с развитой МИС

5,0...4,1</td><td>Предприятия со средним уровнем развития МИС

4,0...3,1</td><td>Предприятия со слабым уровнем МИС

3,0...2,1</td><td>Аутсайдеры рынка

2,0...0</td></tr>
<tr><td>Предприятия с развитой системой управления маркетингом</td><td rowspan="6"></td><td rowspan="2">Ю</td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>Предприятия со средним уровнем развития системы управления маркетингом
16,0...8,1</td></tr>
<tr><td>Предприятия со слабым уровнем системы управления маркетингом</td><td rowspan="2">Э</td><td rowspan="2">Я, И</td><td rowspan="2">У</td></tr>
<tr><td>8,0...2,1</td></tr>
<tr><td>Предприятия с низким уровнем развития системы управления маркетингом</td><td rowspan="2">Е, Х, Ц, П</td><td rowspan="2">Щ</td></tr>
<tr><td>2,0...0</td></tr>
</table>

Сегодня на рынке молочной продукции региона предприятий с развитой маркетинговой информационной системой пока нет. К предприятиям со средним уровнем развития МИС относятся два — ***Э*** и ***Ю***. По величине роста рыночной доли оба предприятия — лидеры рынка, но с различной динамикой изменения рыночной доли. Практи-

чески все предприятия с ухудшающейся конкурентной позицией имеют слабый конкурентный статус и неразвитую систему информационного обеспечения и маркетинга в целом. Поэтому на основе проведенного анализа текущей маркетинговой ситуации на рынке и исследования эффективности маркетинга и функционирования маркетинговых информационных систем можно сделать вывод, что в условиях конкуренции прослеживается прямая зависимость эффективного функционирования предприятия на рынке от эффективности функционирования МИС и в целом от эффективности системы управления маркетингом на предприятии.

Кроме того, оценка конкурентного статуса и уровня развития маркетинга на предприятии позволяет определить особенности развития конкурентной ситуации, установить степень доминирования предприятий на рынке, выявить ближайших конкурентов и установить относительную позицию предприятия среди других участников рынка, использовать полученную информацию для формирования досье конкурентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Общая теория статистики: Учебник / А.Л.Боярский, Л.Л.Викторова, А.М.Гольдберг и др.; Под ред. А.М.Гольдберга, В.С.Козлова. М., 1985; Общая теория статистики: Учебник / Г.С.Кильдишев, В.Е.Овсиенко, П.М.Рабинович, Т.В.Рябушкин. М., 1980; *Ряузов Н.Н.* Общая теория статистики: Учебник для студ. экон. спец. вузов. М., 1984.

[2] См., например: *Елисеева И.И., Юзбашев Н.Н.* Общая теория статистики. Учебник / Под ред. И.И.Елисеевой. М., 1999.

[3] См.: *Гусаров В.М.* Теория статистики: Учеб. пособие для вузов. М., 2000.

[4] См.: *Азоев Г.Л.* Конкуренция: анализ, стратегия и практика. М., 1996; Маркетинг: Учебник для вузов / Г.Л.Багиев, В.М.Тарасевич, Х.Анн; Под общ. ред. Г.Л.Багиева. М., 1999.

[5] См.: *Голубков Е.П.* Маркетинговые исследования: теория, методология и практика: Учебник. М., 2003.

[6] См.: *Похабов В., Пономарченко И.* Методика оценки эффективности системы управления маркетингом на предприятии // Маркетинг. 2001. № 5. С. 102—120.

Поступила 06.10.2005.

П.А.ЛЕВЧАЕВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Перспективы развития региональной составляющей национальной экономики нельзя оценивать изолированно от современных тенденций. Это тем более очевидно на фоне эволюционного этапа развития процессов глобализации и в контексте определяющих новый миропорядок положений. Сегодня приходится говорить не только об определяющем влиянии мирового хозяйства на отечественную экономику, но и о формировании нового качества мирохозяйственной системы, а именно ее целостности. От того насколько успешно, органично будут интегрированы субъекты хозяйствования в складывающийся миропорядок, будет зависеть судьба России. Показательным является тот факт, что в рейтинге 2004 г. «Глобальная конкурентоспособность», подготовленном специалистами экономического форума, среди 104 стран Россия занимает лишь 70-е место, а к тройке лидеров относятся Финляндия, США, Швеция[1]

Поиск Россией собственного места происходит в условиях реструктуризации отечественной экономики и мирового экономического пространства, когда закладываются стратегические основы будущего. Основными действующими лицами на мировой арене сегодня выступают транснациональные образования экономических субъектов — корпорации, банки, финансовые институты, часто отстаивающие совместные интересы. Именно они способны распределять огромные финансовые потоки и определять правила игры в современной экономике. Глобальные процессы

ЛЕВЧАЕВ Петр Александрович, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

интеграции обусловили глобализацию и регионализацию, которые сопровождаются усложненностью, взаимообусловленностью всех видов хозяйственных рынков и связей и, в первую очередь, финансово-кредитных.

Глобализация и интеграция всех видов связей (финансовых, производственных, информационных) привела к концентрации производства и капитала, сочетанию, государственного и частного интересов в мировом разделении труда, инновационности стратегического развития. Эти особенности развития мировой экономики характеризуют ее как *постиндустриальную*. Наиболее значимыми чертами складывающейся «новой» экономики являются *финансовый признак*, огромное влияние информационно-коммуникационных технологий, транснационализация сделок, возрастающая значимость сферы услуг, изменение и управление сознанием. Определяющее влияние этих факторов привело к инновационному скачку развития стран.

Исходным здесь является ответ на вопрос о преимуществах крупной формы хозяйствования. Через концентрацию капитала и производства лежит путь к ряду стратегических преимуществ такой формы организации. Помимо действия классического закона экономии на масштабе производства и уникальных конкурентных преимуществ крупной системы финансовых ресурсов, здесь действует и специфический закон чендлеровской экономии на масштабах производства.

Закон экономии на масштабе производства позволяет минимизировать средние постоянные издержки, поскольку при увеличении выпуска продукции снижается фиксированная величина издержек, приходящихся на возросший объем выпуска. Так достигается экономический эффект, который тем заметнее, чем более превышен объем производства. Конкурентные преимущества крупной системы финансовых ресурсов позволяют не только обеспечить финансирование наиболее выгодных из доступных на рынке проектов и получить практически неограниченные ресурсы финансового рынка, но и побеждать в конкурентной борьбе за счет функционирования на пороговом значении себестоимости имеющихся в распоряжении ресурсов.

А.Д.Чендлер ввел понятие квазипостоянных издержек, снижение которых обеспечивается только крупной формой

организации и за счет которых происходит финансирование ключевых направлений капиталовложений (в частности, достижений НТР) и соответственно достижение стратегических преимуществ. Например, «при росте размеров предприятия в 1,5—2 раза, уровень средних квазипостоянных издержек сокращается на 1/3 и 1/2 соответственно»[2] Ключевыми направлениями вложений считаются производство, сбытовая сеть, менеджмент, а центральной проблемой при этом выступает максимальная степень задействования потенциала этих сфер, т.е. эффект зависит от размеров предприятия и его мощностей, скорости и интенсивности их использования.

Финансируя разработки перспективного программного продукта, фирма осуществляет крупные разовые капиталовложения на НИОКР. В последующем затраченный объем ресурсов будет не только определять направленность производства многих предприятий рынка, но и обусловливать лидирующее положение разработчика на нем. Показательным является тот факт, что в 2002 г. на десять крупнейших компаний мира приходилось свыше 53 млрд. дол. США затрат на исследования. Отраслями специализации таких компаний являлись автомобилестроение, электроника, фармацевтика, высокие технологии. Часто взаимовыгодный интерес приводит к сотрудничеству лидеров из различных отраслей[3].

Постоянный, фиксированный характер осуществленных вложений будет тем дешевле, чем больше производственная программа, построенная на основе результатов НИОКР. Аналогичный эффект достигается при осуществлении вложений в сбытовую сеть. Она обеспечивает реализацию продукции и тиражирует становящийся все дешевле продукт НИОКР и в случае наращивания дополнительных производственных мощностей не требует существенных дополнительных затрат. Менеджмент крупной фирмы также не потребует пропорциональных затрат на поддержание достигнутого уровня развития и используемых финансовых технологий, но будет обеспечивать реализацию уже апробированных эффективных управленческих и финансовых решений.

Формой реализации конкурентных преимуществ выступает транснациональная корпорация (ТНК), в наибольшей

степени обеспечивающая эффективную форму интеграции различных составляющих ее компонентов (производственного, сбытового, информационного, финансово-кредитного, организационно-правового и т.д.) на основе внутренней целостности и синергии посредством сочетания кооперации и специализации. Крупной форме организации производства в современной экономике принадлежит решающая роль, поскольку такой механизм позволяет путем концентрации производственного потенциала, капитала участников согласовывать их взаимные интересы и занимать стратегические позиции в конкурентной борьбе за потребителя, решать проблемы участников рынка, определять передовые направления научных разработок и делать эталоном собственную линию поведения.

Особо следует сказать о финансовой специфике этой организационной формы. Масштабы и «размах» группы делают возможным наиболее выгодное сочетание доступных пространственно-временных характеристик состояния системы в целях ее роста. Целостность структуры основана на общей долгосрочной финансовой политике, предполагающей при любом раскладе рост стоимости центральной компании. Распределение имеющихся ресурсов в структуре корпорации обеспечивает интеграционные связи ее элементов, направлений деятельности. Такая структура имеет «иммунитет» против негативного влияния внешней среды, поскольку составляет значительную ее часть. В арсенале ТНК имеются всевозможные варианты финансирования и практически неограниченный доступ к национальным и мировому финансовым рынкам. При осуществлении крупных финансовых вложений часто используются комбинированные методы финансирования. Возможность ТНК создать собственный замкнутый контур (финансовый, технологический, воспроизводственный) в странах пребывания означает одностороннюю форму развития, поскольку в деятельности компании не участвуют нежелательные элементы, а принимающие страны, часто в ущерб себе, поставляют в мегаструктуру только желательные ей компоненты для дальнейшего разрастания.

Что же касается России, то необходимо отметить, что имеющиеся формы организации производства мало соответ-

ствуют требованиям динамично развивающейся экономики, а модель развития можно определить как индустриальную с элементами постиндустриального развития общества. Речь в первую очередь идет о недостаточной концентрации капитала товаропроизводителей, для этого часто просто не хватает имеющегося потенциала. Наблюдаемые процессы капитализации российских компаний пока недостаточны. Согласно рейтингу «РосБизнесКонсалтинг», суммарная капитализация российского рынка в марте 2005 г. составила 329 млрд дол. Тройка безусловных лидеров: ОАО «Газпром» (68,29 млрд дол.); ОАО «ЛУКОЙЛ» (28,91 млрд дол.); ОАО «Сургутнефтегаз» (25,61 млрд дол.). Согласно «Forbes», среди крупнейших компаний мирового бизнеса (2 тыс. компаний, оцениваемых по рыночной капитализации, объему продаж, размерам прибылей и активов) 13 российских расположились на большом отдалении друг от друга. Тройка первых с соответствующими местами была представлена: ОАО «Газпром» (67), ОАО «ЛУКОЙЛ» (161), РАО «ЕЭС России» (252)[4]

Специфика России обусловила сочетание высокой доли крупных предприятий и недостаточного количества предприятий мелкого и среднего бизнеса. Крупные предприятия несравнимы по масштабам с западными фирмами или корпорациями. Сильное впечатление оставляет отсутствие в числе 200 крупнейших предприятий России компаний ряда отраслей, относящихся во всем мире к сфере деятельности крупного бизнеса: аэрокосмической промышленности, производству компьютеров и офисного оборудования, электронной промышленности, инжинирингу, производству напитков, фармацевтике, резиновой промышленности[5] В таких условиях об эффективной окупаемости затрат на НИОКР говорить не приходится, поскольку предприятию, фирме придется расстаться с большой долей стоимости.

Недостаток концентрации стоимости носит явно выраженный характер и будет еще долгое время одним из предопределяющих факторов развития регионов страны, поскольку в борьбе за конечного потребителя продукция западных фирм оказывается более дешевой при повышенном уровне качества. *Укрупнение предприятий* (в различ-

ных формах) и *качественный рост стоимости* является *непременным условием повышения уровня концентрации производства и капитала.*

Для крупных форм организации «питательной средой» выступает малый бизнес. Подобный альянс должен образовывать единый вектор, направленный на реализацию национальных интересов в международном разделении труда. Процессы минитюаризации и компьютеризации привели к тому, что высокопроизводительное и технологичное оборудование стало доступно и малым предприятиям. Мобильность малого бизнеса в сочетании с технологическими особенностями создает уникальную нишу функционирования. Более того, «Эксперты ООН отмечают появление „новой расы" ТНК — относительно небольших по размеру компаний, активно развивающих зарубежную деятельность. В Великобритании эти „малые ТНК" с числом занятых от 20 до 499 чел. составляют около 80 % всех ТНК, во Франции — 89 %, в США доля „малых ТНК" составляет около 44 %, в Японии — 23 %»[6].

В развитых странах происходит становление и активное формирование «новой экономики» (занимающей порядка 20—25 % удельного веса), характеризующейся высокими темпами роста и концентрации, основанными на производстве наукоемкой продукции, сетевых структурах организации, высокотехнологичном компьютерно-информационном обеспечении. Определяющим отличительным фактором здесь является высокий уровень затрат на НИОКР, возможный по причине способности нести высокие квазипостоянные издержки, в отличие от экономики традиционного типа. Считается, что именно микроэлектроника и телекоммуникация выступают материальной инфраструктурой, на которую опирается неоэкономика. Новая экономика «раскручивается» до предела, когда возможно финансирование определяющих НТП разработок и тиражирование продукции. Отрасли новой экономики характеризуются: интеллектуальным капиталом как главным ресурсом развития, уникальностью нематериальных активов, высокой долей инновационности и обновления продуктов.

Мировой опыт свидетельствует, что перспективными секторами экономики выступают аэрокосмическая отрасль, автомобилестроение, высокие технологии, связь, электро-

ника, фармацевтика, мультимедиа, экологические и энергосберегающие технологии, биотехнология, информационные и финансовые услуги. Технологическая эра мировой экономики переходит в информационную, основанную на экономике знаний, креативных способностях человека.

В отечественной экономике структурой, способной стать протоформой ТНК, является финансово-промышленная группа (ФПГ). Она может иметь в своем составе производственные, торгово-посреднические, финансовые, информационные, научно-исследовательские элементы. Структурообразующими компонентами выступают производственный и финансовый, что соответствует происходящим в мировой экономике тенденциям концентрации производства и капитала. Организация ФПГ позволяет минимизировать расходы производственного, финансового, информационного характера, поскольку подобные рыночные институты такой специфики уже входят в ее состав, а тесная взаимоувязка технологических процессов делает эффективной специализацию и кооперацию. Взаимовыгодный интерес и перспективы участия в крупном и влиятельном организационном образовании делают потенциальными участниками ФПГ:

— производственные предприятия, получающие возможность целенаправленного, устойчивого функционирования, участия в стратегических разработках, доступа к финансовым ресурсам группы;

— банки и другие финансовые институты, получающие доступ к финансовым ресурсам предприятий и других участников группы, а также возможность осуществления выгодных финансовых вложений, контроля за средствами, их привлечения под гарантии;

— научно-исследовательские учреждения, которые получают источники финансирования своих разработок, стратегические ориентиры развития;

— учебные заведения, получающие возможность сочетать учебную, производственную, научную деятельность и привлекать внебюджетные ресурсы для развития;

— государственные органы власти, которые тем самым повышают инвестиционную привлекательность региона, получают дополнительные внешние источники финансовых ресурсов, а также возможность влиять на структурные преобразования, параметры развития, хозяйственные про-

цессы с целью реализации приоритетов развития региона, сегментов национальной экономики;

— торговые и внешнеторговые дома, посреднические, консалтинговые, информационно-рекламные компании, страховые, инвестиционные институты, фонды и др.

Наличие в Республике Мордовия развитой базы электротехнической промышленности делает привлекательным создание Электротехнической ФПГ. Основными предпосылками этого выступают, во-первых, наличие в регионе значительной базы электро- и светотехники. Предприятия группы ОАО «Лисма», ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Завод „Саранскккабель“» являются во многом градообразующими и известны в дальнем и ближнем зарубежье. На этих предприятиях активно идут процессы обновления. Во-вторых, наличие банковских учреждений, страховых институтов. В-третьих, интеллектуальный потенциал: Мордовский государственный университет является классическим типом высшего учебного заведения, располагающим квалифицированными кадрами инженерно-технических специальностей. В-четвертых, высокий инвестиционный рейтинг Мордовии обеспечивает интерес потенциальных инвесторов, а следовательно, возможность привлечения и прибыльного использования средств в регионе.

Перспективы развития ФПГ могут затрагивать стратегические интересы как региональных товаропроизводителей, так и находящихся за пределами региона. На первоначальном этапе речь может идти о горизонтальной форме взаимодействия, характерной в основном для одной отрасли при производстве однородной продукции. Здесь возрастающее влияние и выгоды производителя обусловливаются сосредоточенностью у него факторов производства. В последующем ФПГ может предполагать и вертикальную интеграцию: выстраивание технологической цепочки производства и сбыта конечного продукта. В любом случае приоритет производственной деятельности предприятий служит исходным мотивом образования форм сотрудничества и оформления замкнутых воспроизводственных цепочек.

Надо понимать, что ФПГ представляет собой современную форму интеграции промышленного и финансового капиталов, связанным с воспроизводственными процессами

в регионах страны. *Группа* представляет собой органичный механизм сочетания интересов предприятий и банков. Первые получают доступ к финансовым ресурсам для осуществления перманентного расширенного воспроизводственного процесса, а вторые имеют возможность размещать полученные средства в сфере создания стоимости. Финансовая подпитка производственной деятельности предприятий банковскими средствами минимизирует издержки в процессе создания стоимости и способствует синхронизации производственно-финансовой составляющей этого процесса, а ликвидные и доступные средства банка делают процесс воспроизводства непрерывным.

Несмотря на различное институциональное оформление в основе поведения предприятий лежат формы их существования, возникшие как следствие общественного разделения труда, т.е. *специализация и кооперация*. Специфика организации предприятий должна в максимальной степени способствовать синергетическому эффекту этой системы. Выдержать конкуренцию с крупнейшими иностранными производителями сложно, поэтому во многом выход видится только в выборе адекватной формы существования в общественном разделении труда.

Недостаточный размер и капиталоемкость отечественных предприятий предопределяют одну из возможных линий поведения — *специализацию*. В этом случае малый размер занимаемой ниши выравнивает конкурентные преимущества в сравнении с крупным, универсальным товаропроизводителем, не считающим целесообразным осуществлять массированную рекламу с огромным бюджетом расходов в таком «неблагодарном» сегменте. Специализация выгодна и малым предприятиям, которые могут действовать в составе ФПГ, сосредоточившись на выпуске отдельных деталей, узлов, агрегатов в рамках технологической цепочки крупного предприятия, ориентированного на совершенствование всего изделия, освоение рынка. Доступное высокотехнологичное, производственное оборудование, обученный персонал, небольшой ассортимент производимой продукции снижают издержки такого предприятия.

Взаимодополняющей формой поведения выступает *кооперация* — организация взаимосогласованного производства, основанная на коммерческом сотрудничестве, взаимной га-

рантии рисков, общей защиты интересов. Эта форма достаточно наглядно рассмотрена в механизме действия ТНК.

Разрушение устоявшихся хозяйственных связей, низкая концентрация капитала, отсутствие координирующего механизма деятельности заставляют региональные предприятия объединять усилия в конкурентной борьбе. В этих условиях кооперация как форма сотрудничества позволяет добиться высокой степени интеграции и диверсификации производства, вовлечь дополнительные объемы капитала и собственности в сферу реализуемого интереса. Основанная на экономических преимуществах партнеров, она позволяет выстроить и вектор стратегического развития входящих в систему предприятий. Становятся доступными углубленная специализация, выход за пределы технологической цепочки, экономическая и географическая диверсификация деятельности.

Такая форма взаимодействия выгодна всем участникам: ведущее предприятие получает возможность сосредоточиться на оптимизации собственного производственного процесса и реализации планов стратегической направленности, а предприятия, выступающие как субподрядчики и располагающие хозяйственной самостоятельностью, гораздо эффективнее осуществляют выпуск комплектующих деталей и узлов, гибко реагируя на конъюнктуру рынка. Последние получают и гарантированный платежеспособный спрос долгосрочного характера. Считается также, что именно эта форма сотрудничества наиболее эффективна для малого бизнеса.

Что касается структуры региональной экономики и соответствия ее обозначенным тенденциям развития новой экономики, то можно отметить следующее. Анализ отраслевой структуры производимой в Мордовии промышленной продукции за период 1990—2003 гг. позволяет говорить о существенном увеличении удельного веса электроэнергетики (от 2 до 11 %) и промышленности строительных материалов (от 6 до 12 %). Вместе с тем за указанный период сократилась доля продукции таких отраслей, как машиностроение и металлообработка (с 56 до 44 %), легкая (с 10 до 2 %), пищевая (с 12 до 19 %) и медицинская (с 5 до 3 %) промышленности. Степень износа основных фондов

2003 г. в среднем составила 54 %. Наибольшей она была в электроэнергетике, химической и нефтехимической отраслях (63 %), медицине (60 %) и машиностроении (51 %), а наименьшей — в пищевой подотрасли (31 %)[7] Таким образом, в условиях возрастания значимости электроэнергетики отрицательным следует признать понижение роли пищевой и медицинской отраслей, относящихся к перспективным секторам развития. Учитывая степень износа основных фондов в секторах промышленности и перспективность их развития, наиболее привлекательной следует считать пищевую отрасль региона. В других отраслях фонды имеют более высокую степень изношенности (следовательно, продукция потенциально имеет высокую себестоимость и низкую конкурентоспособность), что потребует привлечения дополнительных затрат.

Изношенность основных фондов в среднем по экономике составляла 51,2 %, а коэффициент обновления — 4%. Значение этих показателей для перспективных с точки зрения новой экономики отраслей выглядело соответственно: торговля и общественное питание — 60 и 0 %; наука — 47 и 7 %; связь — 43 и 14 %; здравоохранение — 25 и 27 %; финансы — 21 и 15 %. Очевидно, что относительно благоприятным можно признать состояние в отраслях финансы и здравоохранение. Что касается состояния, степени развития, задействования таких определяющих для новой экономики сегментов как наука и связь, то в регионе они еще имеют потенциал для совершенствования.

Происходящие положительные изменения в отрасли связи еще недостаточны. С 1990 г. по 2003 г. при сокращении количества предприятий с 952 до 865 единиц, возросло число телефонных аппаратов сети общего пользования (со 170 тыс. шт. до 204 тыс. шт.) и увеличилась обеспеченность населения домашними телефонами (по городской сети с 58 до 67 %, по сельской — с 21 до 29 %). Однако не изменилось число телевизионных станций. О перспективности этого сегмента экономики говорит тот факт, что по оценкам Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации, 2003 г. стал лучшим за последние 10 лет: в сравнении с 2002 г. рост рынка информационно-коммуникационных технологий составил более 20 % (темп

роста в мире — 10 %), а оборота его услуг — 36 %. Этот рынок сегодня перерос из стадии формирования в стадию структуризации и консолидации. Перспективной тенденцией развития здесь представляется привлечение средних и мелких частных компаний[8].

Что касается роли малых предприятий в экономике региона, то можно отметить следующее. Удельный вес малых предприятий в общем составе и доля их выпуска составили соответственно по отраслям: черная металлургия — 0 и 0 %; цветная металлургия — 1 и 0 %; химическая и нефтехимическая подотрасли — 5 и 6 %; машиностроение и металлообработка — 30 и 34 %; лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность — 16 и 15 %; промышленность строительных материалов — 9 и 5 %; легкая промышленность — 9 и 2 %; пищевая промышленность — 16 и 20 %; медицинская промышленность — 1 и 0 %. На эти показатели накладывает отпечаток отраслевая специфика деятельности и очевидно, что, например, в металлургии количество малых предприятий ничтожно. Вместе с тем необходимо всячески стимулировать развитие этой формы бизнеса в благоприятных для этого секторах, что, в свою очередь, будет способствовать не только росту количества предприятий, но и повышению эффективности их деятельности, а именно возрастанию значимости в структуре региональной экономики. По приведенным данным можно заметить, что еще недостаточен вклад малых предприятий в секторах промышленности строительных материалов, легкой промышленности, медицинской отрасли.

Понятно, что неразвитость малого бизнеса есть фактор, сдерживающий развитие предприятий крупных форм хозяйствования и в целом негативно влияющий на непрерывность воспроизводственного процесса в экономике. Процесс концентрации производства в малом бизнесе сегодня заметен в формировании фирм розничной и оптовой торговли, отраслях пищевой промышленности, сфере услуг. Не надо забывать, что в развитых странах помимо традиционных сфер деятельности малого бизнеса наблюдается его активность в венчурном финансировании, деятельности научных парков, интернет-сфере, приборостроении, электронике, оптике.

Относительная замкнутость предприятий в региональных и национальных границах, неразвитый финансовый рынок усугубляют проблему привлечения стоимости в оборот, но это лишь видимая часть проблемы. Основная причина, на наш взгляд, заключается в нарушении пропорций воспроизводственного процесса на уровне субъектов экономики: в несоответствии спроса, предъявляемого потребителем, к продукции, которую готовы поставлять или выпускать производители.

По оценкам специалистов Высшей школы экономики, при вступлении России в ВТО от обострения конкуренции с импортерами пострадают авиапром, медицинская, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленности. Возможны проблемы в машиностроении, пищепроме, образовании, легкой промышленности. Напротив, повысится доход предприятий металлургии, химической промышленности[9] Происходящие в регионах экономические преобразования должны непременно «преломляться» через особенности развития мировой экономики, где помимо эффективно функционирующей прежней ее составляющей быстрыми темпами развивается и новый ее сегмент — высокотехнологичный, определяющий мировое разделение труда.

Рассматривая организационно-технологическое взаимодействие и интеграцию крупнейших участников разделения труда в региональной экономике, следует учитывать так называемые «технологические пирамиды», поскольку сегодня определяющим в мировом разделении труда является противостояние господствующих технологий[10] Здесь наиболее передовыми выступают субъекты, разрабатывающие и продающие новые фундаментальные технологические принципы. Вторую ступень занимают те, кто доводят эти принципы до промышленных технологий. Третью группу формируют образования покупающие и размещающие у себя эти технологии и производящие с их применением товары, которые экспортируются в четвертую группу, наименее развитую. Взаимодействие возникает между не одноуровневыми, но дополняющими друг друга в рамках подобных пирамид образованиями.

Взаимодействие частей пирамиды обусловливает интенсивность и характер конкуренции: она максимальна на

первом уровне — несовместимых, базовых технологий; достаточно ожесточенна на втором; ослабляется и трансформируется в конкуренцию за инвестиции на третьем; минимизируется на четвертом уровне, где представлена борьбой за товаропотоки. Регионы неоднородно интегрированы в эти процессы. Очевидно, что получило и имеет развитие только то, что сохранилось за годы реформ. «Примитивная» экономика имеет максимальные шансы воспользоваться догоняющим типом развития, основанном на освоении и усовершенствовании достижений наиболее развитых производителей с движением к вершине «технологической пирамиды».

Чтобы вхождение в технологические составляющие пирамиды было результативным следует учитывать так называемое «пространство готовности»[11], которое показывает реальные возможности адаптации хозяйствующих субъектов регионов к нововведениям. Это поле принятия нового опыта и внешних факторов с последующим использованием их в своей деятельности и органичной интеграцией. Знание пространства готовности позволяет выработать программу действий в рамках стратегических полей взаимодействия: совокупности возможностей и ограничений, которые следует учитывать в реализации общей направленности развития в контексте трансформаций. Следует учитывать, что сегодня сформированы не только «поля» производственного или финансового характера, но и информационного, телекоммуникационного, транспортного и других пространств функционирования. Вне этих сегментов взаимной деятельности развитие региональной, национальной экономики невозможно.

Конкуренция предприятий в разделении труда обусловливает необходимость определения оптимальных режимов и параметров стоимостного функционирования. Говоря о формах реализации (т.е. специализации и кооперации), напомним, что формирование стоимости может быть основано либо на абсолютных значениях аккумулируемой системой стоимости, либо на ее оборачиваемости. Эти режимы обеспечения стоимостного прироста и функционирования предполагают и соответствующую конкурентную тактику поведения и соперничества.

Если финансовая система незначительна по размеру и противостоит системе более мощной, то вполне обоснованным будет режим, основанный на оборачиваемости ресурсов. Такая система объективно имеет улучшенные параметры обеспечения стоимостного прироста за счет оборачиваемости ресурсов в единицу времени. Этот параметр будет определять и интеграцию финансовой системы во внешней среде. Только ускоренная оборачиваемость и мобильность ресурсов дадут возможность в перспективе профинансировать более капиталоемкие проекты. Напротив, если имеется перевес в финансовой мощи, то ее поведение строится главным образом на получении на рынке максимально возможных прибылей, а оборачиваемость такой системы ресурсов будет ниже.

Таким образом, стоимостной аспект существования предприятия в современных финансово-кредитных трансформациях немыслим без концентрации стоимости и связан с такой организационной формой как ТНК, позволяющей получать значительные прибыли и нести соответствующие затраты минуя территориальные границы[12] Размах, диверсифицированность деятельности позволяют наилучшим образом сочетать пространственно-временные параметры финансовой системы, максимизируя ее стоимость. Адаптивное существование систем реализуется посредством сочетания таких форм поведения в разделении труда, как специализация и кооперация и режимов обеспечения функционирования и стоимостного роста предприятий. Только на основе знания современных особенностей функционирования мировой экономики необходимо искать и определять наиболее выгодные сегменты взаимодействия. Современная экономика имеет «точки роста». Критерием эффективности интеграции этих разнопорядковых структур будет максимизация стоимости участвующих в воспроизводственном процессе экономических субъектов региона, страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Трушин А.* Клуб изобретателей. Отечественная наука и ее вклад в удвоение ВВП // Прямые инвестиции. 2004. № 11. С. 14—18.

[2] В поисках новой теории: Книга для чтения по экономической теории с проблемными ситуациями: Учеб. пособ. / Под ред. А.Г.Грязновой и Н.Н.Думной. М., 2004. С. 104.

[3] См.: *Иванова Н.* Идея на продажу. Зарубежный опыт создания инновационных систем // Прямые инвестиции. 2004. № 11. С. 22—26.

[4] *Черкасов Д.* Внутренний резерв // Forbes. 2005. № 2. С. 120—121.

[5] В поисках новой теории... С. 108.

[6] Там же. С. 344.

[7] См.: Мордовия: Стат. ежегодник / Федеральная служба госстатистики, Комитет госстатистики РМ. Саранск, 2004.

[8] См.: *Полюбина И.Б.* Новая экономика: теория и практика // Дайджест-финансы. 2005. № 2. С. 14—25.

[9] См.: Зачем России ВТО? // Прямые инвестиции. 2005. № 5. С. 11.

[10] *Делягин М.Г.* Мировой кризис: общая теория глобализации: Курс лекций М., 2003.

[11] В поисках новой теории... С. 290, 303.

[12] См.: *Левчаев П.А.* Финансовые ресурсы и стоимостные отношения предприятий национальной экономики. Саранск, 2004.

Поступила 23.06.2005.

Е.В.НЕЧАЕВА

МАРКЕТИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА КОМПАНИЙ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Современная экономика характеризуется взаимодействием основных ее субъектов: производителя, потребителя и государства. Каждый из этих участников хозяйственных процессов имеет цели, в соответствии с которыми и строит свою деятельность. В условиях рыночного хозяйства для успешной работы его субъектов особое значение приобретают знание рынка и способность умело применять современные инструменты воздействия на складывающуюся ситуацию. Совокупность подобных инструментов и составляет основу маркетинга.

Главное в маркетинге — ориентация бизнеса на успешное решение рыночных задач. Кредо — производить только то, что может быть продано и позволит удовлетворить запросы потребителей. Покупатель должен получать все, что ему необходимо в нужном объеме, соответствующего качества, в удобном месте и в точное время. Методы маркетинга представляют собой органический элемент экономической культуры, цивилизованного предпринимательства. Комплекс маркетинга включает в себя систему организации сбыта продукции и услуг, совершенствование взаимоотношений с покупателями, активное воздействие на спрос и рынок в целом, а также инструменты конкурентной борьбы.

Комплексное исследование товарных рынков является одной из главных функций маркетинга. Это основа маркетинговой стратегии. Товарный рынок — категория, обозначающая область экономических отношений между производителями (продавцами) и потребителями (покупателями)

НЕЧАЕВА Елена Викторовна, заместитель директора по финансовым вопросам, главный бухгалтер Саранского филиала ОАО «ВымпелКом».

Заказ № 6429

продукции. Только на рынке продаваемая продукция получает объективную оценку со стороны покупателей. Цель исследования рынка — получение информации о состоянии, конъюнктуре и его динамике. Сбор информации позволяет после ее анализа и обработки получить сведения об особенностях потребностей отдельных групп потребителей, деятельности конкурентов, уровне цен, политике местных властей по регулированию рынков. В рыночно развитых странах потребители привыкли к тому, что их могут остановить на улице и задать вопросы о том, нравится ли им тот или иной товар, какой обуви они отдают предпочтение, какие телевизионные каналы чаще смотрят и т.д. Сведения о вкусах потребителей позволяют фирме иметь неоценимое преимущество по сравнению с конкурентами. В настоящее время исследование рынка, как составная часть маркетинговой деятельности, стало полноправной профессией и является серьезным бизнесом.

Необходимость проведения маркетинговых исследований очевидна для компаний, стремящихся завоевать рынок. В качестве примера проведения маркетингового исследования нами был выбран рынок сотовой связи, не так давно сформировавшийся в Республике Мордовия. Сотовая связь в республике продолжает уверенно расширять рынок предоставления услуг. На смену аналоговым пришли цифровые системы второго поколения, на которые приходится 95 % абонентской базы республики, ведется подготовка систем третьего поколения. Коммерческая эксплуатация сотовой связи в Мордовии началась в 1998 г. с появлением первого оператора сотовой связи Волжского GSM (сейчас МегаФон). ОАО «ВымпелКом» — торговая марка Би Лайн вышла на рынок республики в декабре 2003 г. Через год после начала эксплуатации сети число абонентов составило 89 900 чел., доля рынка — 37,2 %[1] На конец первого полугодия 2005 г. число абонентов составило 135 тыс. чел., а доля рынка — 39,4 %, это число постоянно увеличивается (рис. 1, 2). В настоящее время на рынке услуг сотовой связи Мордовии работают компании: МегаФон, Би Лайн (с декабря 2003 г.), МТС (с декáбря 2004 г.), Смартс (с 2001 г.). На конец июля 2005 г. лидирующее положение на рынке занимает Мегафон, на него приходится большая часть всей

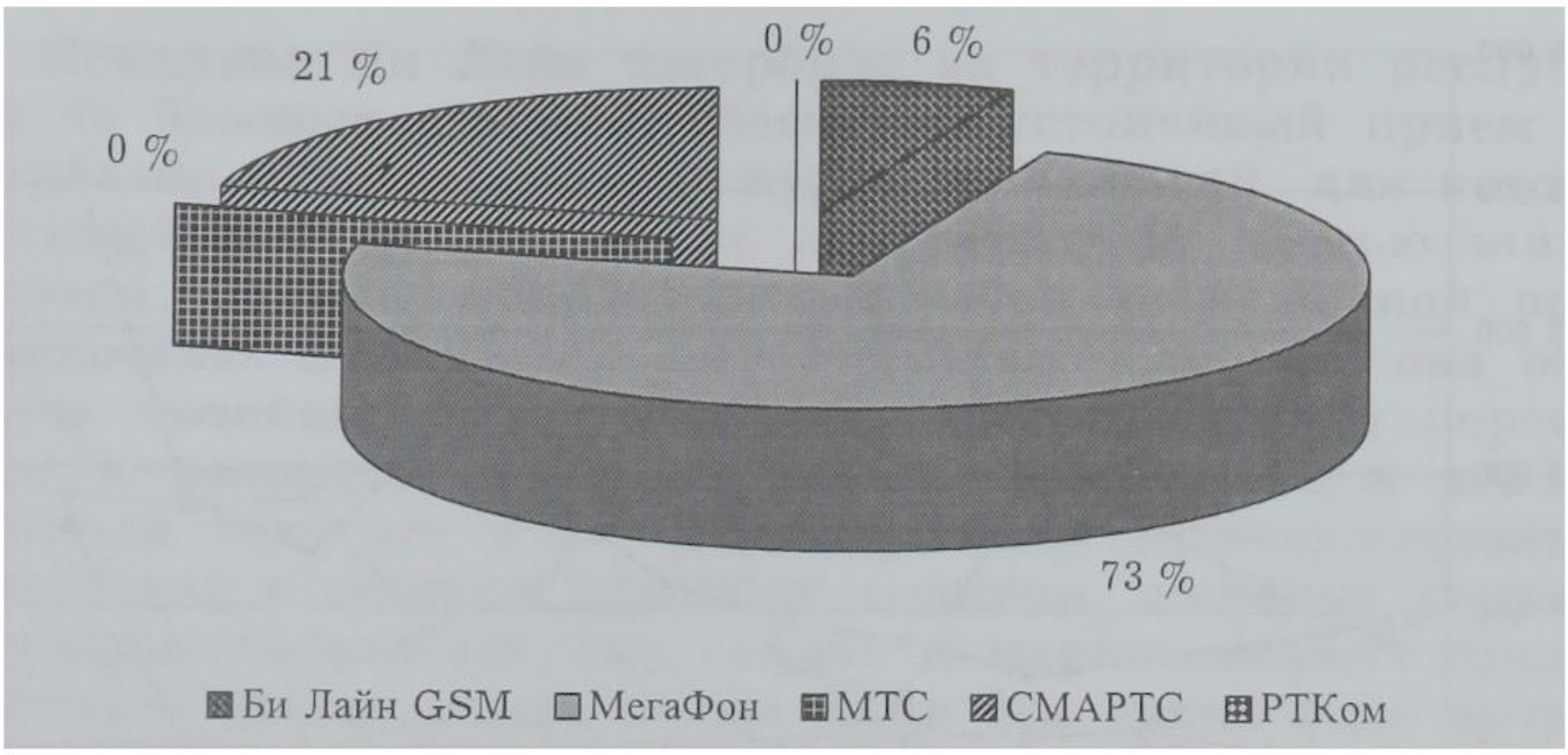


Рис 1. Доля рынка сотовых операторов Республики Мордовия (декабрь 2003 г.)

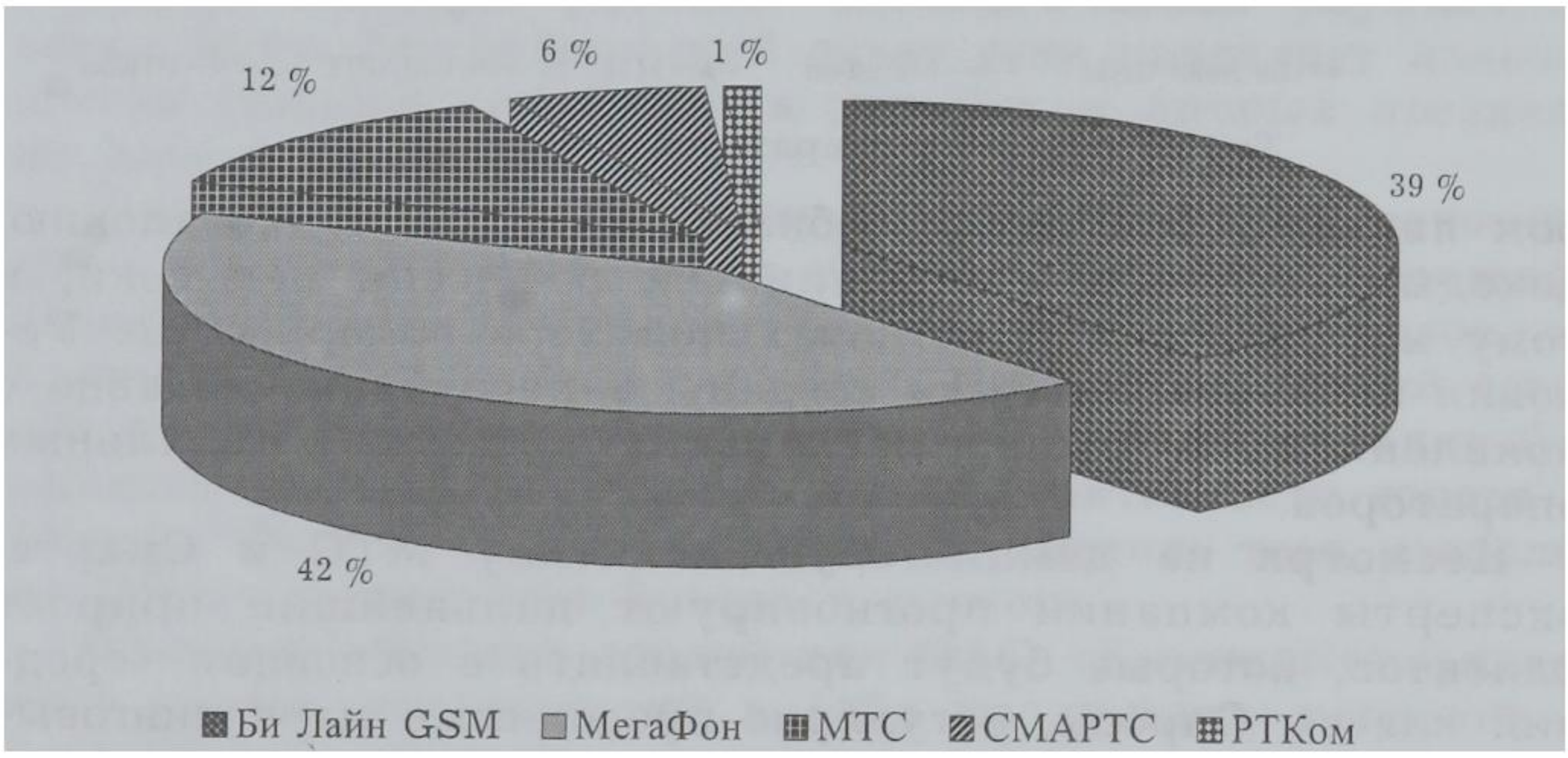
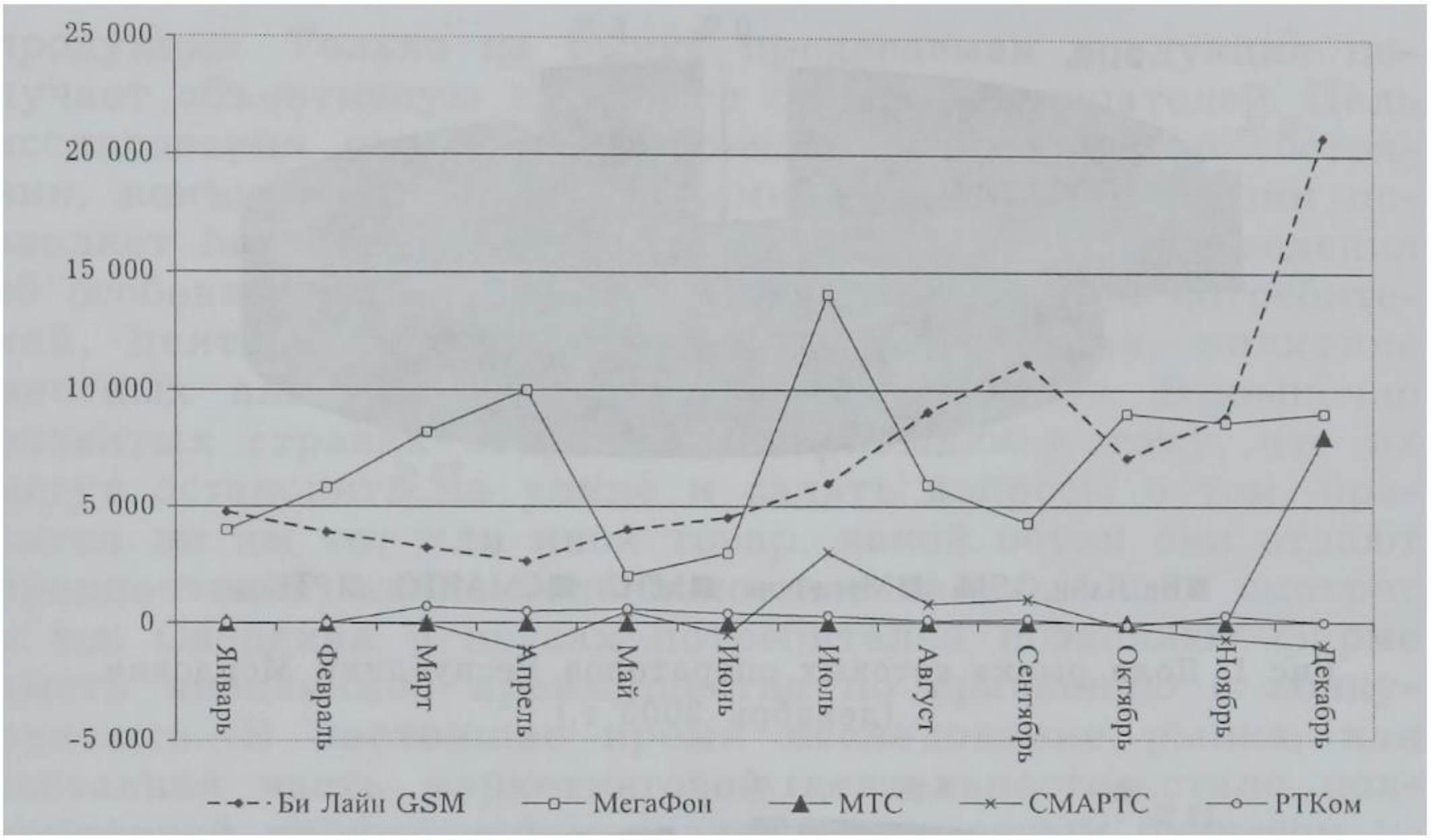


Рис 2. Доля рынка сотовых операторов Республики Мордовия (декабрь 2004 г.)

абонентской базы — 42,5 %; на втором месте компания Би Лайн — 39,5 %; на долю МТС приходится 12 %; Смартс остается с 6 % абонентской базой (график).

Существенное влияние на рост числа абонентов сотовых сетей оказывает конкуренция. С ее появлением поставщики услуг связи становятся доступнее пользователям, а их цены снижаются. Но низкая стоимость абонентских услуг это только один из факторов, обеспечивающих рост числа пользователей сотовых сетей. Равным по значению факто-



Темпы развития операторов в течение года

ром является платежеспособность абонента. К сожалению, доходы населения и предприятий в России невысоки, к тому же отличаются региональной неравномерностью. Условия конкуренции были созданы в республике недавно с появлением на рынке нескольких компаний мобильных операторов.

Несмотря на демпинговую политику МТС и Смартс, эксперты компании прогнозируют дальнейший прирост клиентов, которые будут представлять в основном «средний класс». Опросы, регулярно проводимые маркетинговыми службами Би Лайн, показывают заметный рост положительных отзывов о качестве услуг, популярности нового бренда, необходимости использования сотового телефона, который из средства роскоши превратился в необходимый атрибут бизнесмена, студента. Главные причины успеха компании — высокий уровень обслуживания, постоянное введение инноваций и современная маркетинговая политика, а это прежде всего доходчивая реклама, адресный маркетинг, поддержка продаж, связь с общественностью, развитие внешней дилерской сети, регулярные маркетинговые исследования, продуманная тарифная политика.

Компания Би Лайн построила на территории республики 40 базовых станций, обеспечив устойчивый прием в г. Саранске и 20 районах республики. У людей, для которых сотовый телефон является неотъемлемой частью жизни, работы, отдыха, компания пользуется заслуженной популярностью. Это объясняется не только тем, что она оснащена новейшим оборудованием, подготовленным персоналом и развитой сетью сервисных центров, но в немалой степени тем, что у Би Лайн при всех преимуществах — доступная стоимость эфирного времени, широкий диапазон тарифов, гибкая система скидок и маркетинговых предложений. Сегодня абоненты Би Лайн без каких-либо затруднений пользуются мобильной связью не только на территории республики, но и по всей России по выгодным тарифам. Успешно работает автоматический роуминг по всему миру. Географический охват сети позволяет пользоваться сотовым телефоном в деловых и личных поездках по всей стране.

Специалисты по маркетингу сотовых компаний, рекомендуют предварять инвестиции сбором информации о деловой активности региона (из прессы, статистических сводок, но изначально обращаются к отчетам местных компаний сотовой связи). Темпы развития средств телекоммуникации без прикрас показывают уровень деловой активности города и региона. Сотовая связь — лучший показатель того, насколько бурно развивается бизнес в регионе.

Основной внешней средой для ОАО «ВымпелКом» является рынок, включающий в себя продукцию, клиентов и конкурентов, поэтому в качестве аксиом взаимодействия с этой средой в компании предлагают продукты и оказывают услуги, отвечающие ожиданиям и потребностям рынка, отдают приоритет диалогу с клиентами (существующими и потенциальными), «смотрят в лицо» конкурентам, изучают все аспекты конкуренции (оборудование и услуги, сбыт и информацию, а также способ ее подачи), постоянно приспосабливаются к изменению среды (учитывают желания клиентов, внедряют новые технологии).

Компания считает, что суть маркетинга услуг сотовой связи заключается в их постоянном обновлении, ориентировании деятельности компании на запросы потенциальных

потребителей, т.е. постоянный учет событий, понимание того, что только высокое качество оборудования и услуг не гарантирует их продажи. Еще до начала своей деятельности компания собрала полную информацию о предполагаемом рынке, затем определила цели и способы действий своей работы на рынке и только затем начала проведение политики в области сбыта.

Стать лидером на рынке услуг высококачественной мобильной связи в республике — основная цель. Ее достижение предполагает подготовку к работе в условиях насыщенного рынка; стремление стать привлекательным работодателем России; создание максимально благоприятного имиджа компании; активное внедрение на рынке услуг мобильной связи; увеличение прибыли. Факторами успеха, которые определили акционеры компании, являются скорость и эффективность построения сети, постоянное маркетинговое давление на рынок, укрепление лояльности абонентской базы и управление ценностью каждого абонента, развитие бизнес-сегмента, операционная эффективность.

Типы исследований, наиболее востребованных в сотовой компании, следующие: анализ структуры абонентской базы и трафика, востребованности услуг, структуры доходов населения, конкурентный анализ, комплексные опросы в целевой группе, интервьюирование новых клиентов, интервьюирование абонентов, рекламные исследования.

Анализ структуры абонентской базы и трафика, востребованности услуг создает информационную базу для тарифной политики. Результаты конкурентногой анализа представлены в таблице.

Структура доходов населения — отправная точка формирования ценовой политики компании-оператора. В России имеет место непропорциональное распределение доходов. Верхний пик распределения (в целом по России он составляет около 3-х млн чел.) является основным источником абонентов сотовых сетей. Определение структуры доходов населения производится посредством обработки статистической информации по ВВП, личным доходам и социальным трансферам, а также экспертным оценкам, позволяющим определить долю теневых доходов.

Таблица

Название компании-оператора	Би Лайн	МегаФон	МТС	Смартс
Начало коммерческой эксплуатации сети	2003	1998	2004	2001
Количество коммутаторов	1	1	1	1
Количество базовых станций	55	60	25	40
Зона уверенного приема %	96	100	30	50
Роуминг в России	+	+	+	+
Роуминг за рубежом	+	+	+	+
Голосовая почта	+	+	+	+
Переадресация вызова	+	+	+	+
SMS, MMS, GPRS, EDGE	++++	+++-	+++-	+++-
Доля рынка, %	39	42	6	12
Количество абонентов на 31.12.2004	89 900	130 900	8 000	14 900
Наличие агентской сети	+	+	+	+
Качество связи по10-балльной шкале	10	10	8	7
Стоимость подключения к сети	—	—	—	—
Стоимость междугородного и международного доступа (г. Москва, ТФОП)	$ 0,34	9,68 руб.	$ 0,41	11,48 руб.
Макс/мин. стоимость телефона	2000/ 10000	2000/ 10000	2000/ 10000	2000/ 10000
Сумма первоначального авансового платежа	$ 3	150 руб.	$ 3	150 руб
Абонентская плата по базовому тарифному плану	—	—	—	—
Стоимость минуты исходящего вызова на ТФОП РМ, пик	$ 0,14	3,94 руб. (1,31 руб. после 2 мин. в день)	$ 0,12	2,71 руб.
Стоимость первой минуты исходящего вызова по базовому тарифному плану	$ 0,12	3,94 руб. (на ТФОП) 2,46 (на моб.)	$ 0,12 (на ТФОП) $ 0,04 (на моб.)	2,71 руб. (на ТФОП) 1,07 руб. (на моб.) 0,25 руб. (сеть)
Интервал округления	сек.	сек.	сек.	сек.
Стоимость входящего звонка (с мобильного)	—	—	—	—
Стоимость исходящего внутрисистемного звонка	$ 0,07	2,46 руб. (0,82 руб. после 3 мин. в день)	$ 0,04	0,25 руб.

Задача опросов в целевой группе заключается в статистически точном определении состояния рынка и позиции компании на нем. В ходе такого исследования определяется уровень знаний и понимания потребителем предоставляемых услуг, их востребованности; потребительская ценность («желание платить»); спонтанная узнаваемость торговых марок действующих на рынке операторов. Проводятся также интервьюирование новых клиентов, абонентов, рекламные исследования и т.д.

Анализ результатов исследований позволяет говорить, что сотовая связь продолжает уверенно расширять рынок предоставления услуг. Сотовые телефоны получают все более широкое распространение, услуги на пользование сотовой связью становятся дешевле, а преимущества, предоставляемые ею, очевидны. Соответственно растет и роль систем связи, повышаются требования к качеству передачи информации, пропускной способности, надежности работы. На рынке сотовой связи требуется умело строить программу продвижения товара, в частности, грамотно распределять рекламный бюджет.

В 2004 г. Би Лайн не удалось отвоевать у МегаФона достаточное число «богатых» корпоративных клиентов. В республике «корпоративщики» составляют значительную часть абонентской базы МегаФона. Несмотря на стремительное продвижение Би Лайн, МегаФон остается лидером рынка сотовой связи республики. В то же время у других участников рынка (Смартс и МТС) прирост выручки существенно замедлился, чему отчасти способствует демпинговая ценовая политика. МегаФон вышел на рынок сотовой связи на пять лет раньше, следовательно, налаженных связей имеет больше, что оказало влияние на корпоративный сектор абонентской базы. Би Лайн в свою очередь опережает по темпу прироста абонентской базы.

Большинство операторов перешли к активной политике снижения цен на услуги связи, входящие вызовы, звонки внутри сети и т.п. Несмотря на определившиеся позиции того или иного оператора, рынок нестабилен. Операторы проводят политику переподключения абонентов других компаний, в основном достигая этого путем внедрения выгодных тарифных планов, проведения многочисленных

рекламных акций. Основные стимулы при подключении: сумма первичных вложений (цена подключения), предоплата, величина ежемесячной абонентской платы, качество предоставляемых услуг связи. При решении вопроса о переходе в другую компанию большое значение имеют наличие/отсутствие абонентской платы, качество предоставляемых услуг связи, возможность дозвониться, скорость приема и передачи, работа абонентского отдела (предупреждение о задолженности, четкая система внесения, регистрации, корректировки информации об оплате и пользовании дополнительными услугами, вежливость и квалификация сотрудников отдела, скорость совершения операций с подключением, документами и т.п.), наличие необходимых для абонента дополнительных услуг (автоматического роуминга, более широкой зоны обслуживания и др.) При реализации услуг сотовой связи следует использовать стимулирование сбыта: предоставление скидки, отказ от абонентской платы, привлечение покупателя с использованием рекламных акций в местах продаж, реклама в различных печатных изданиях, предоставление при покупке небольшого подарка от фирмы и т.д. Цена является важным показателем в процессе маркетинга, так как при проведении политики в области ценообразования не следует забывать об активном воздействии на объем продаж и величину получаемой прибыли.

Уровень проникновения сотовой связи в г. Саранске преодолел рубеж в 30 %, и рынок вплотную приблизился к точке первоначального насыщения. Уже в первом квартале 2006 г. GSM-операторы могут зафиксировать замедление прироста абонентской базы. До конца 2005 г. все сотовые операторы решают задачу удержания и прироста абонентской базы. Приоритеты лидеров рынка изменились — акцент сделан на максимальную доходность и повышение выручки оператора.

Наблюдается прямая зависимость между объемом продаж, приростом (уменьшением) числа платящих абонентов сотовых компаний, рекламными акциями и снижением цен на услуги мобильной связи в сотовых компаниях. Сегодня они сверяют планы своих рекламных акций с политикой конкурентов. В противном случае, без существенного по-

нижения стоимости услуг и при проведении широкомасштабных рекламных компаний со стороны конкурирующих операторов произойдет если не падение, то снижение темпов роста основных показателей работы компаний.

В 2004 г. началось полномасштабное развитие услуг, реализованных на базе технологии GPRS (General Packet Radio Services — «протокола пакетной передачи данных»). В их числе услуги мобильного доступа в Интернет (на скорости до 40 Кбит/сек) и служба мультимедийных сообщений Multimedia Messaging Services (MMS), которая позволяет абонентам обмениваться графическими, аудио и видеофайлами, размер которых не превышает 30 Кбайт. В 2005 г. суммарная выручка отечественных операторов от продажи второстепенных услуг, реализованных на базе GPRS, составляет около 40 % общей выручки. В сфере инновационных технологий явное лидерство удерживает Би Лайн. В 2005 г. введен сверхскоростной доступ в Интернет (EDGE). Внедрение дополнительных услуг вынудило некоторых GSM-операторов пересмотреть свою стратегию развития как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. Опыт работы операторов на рынке показывает, что набор дополнительных услуг (СМС-сообщения, ММС-сообщения, GPRS, EDGE, наличие автоматического роуминга, широкая зона обслуживания) влияет на сохранение действующих абонентов. Помимо сотовых компаний большие надежды на GPRS возлагают производители и продавцы «трубок», ожидающие существенного увеличения спроса на телефоны с поддержкой пакетной передачи данных.

Основными тенденциями развития рынка связи является персонализация, предполагающая предоставление услуг связи в любом месте и в любое время в соответствии с индивидуальными потребностями клиентов. Индустриальное общество ставило производителя перед дилеммой: создать массовый и дешевый товар, или уникальный, но дорогой. Современный уровень промышленного развития устраняет эту проблему. Потребитель вправе рассчитывать на индивидуальный недорогой продукт, полностью удовлетворяющий его потребности. В результате смещаются акценты в сбытовой политике производителей: от

потребителя не требуется выбор из ограниченного ассортимента, ему предлагается определить свои потребности, чтобы производитель смог ему предоставить необходимый продукт. Такой подход постепенно становится доминирующим на рынке услуг сотовой связи.

Важнейшая проблема всех сотовых компаний России — отсутствие отечественного производства конкурентоспособного оборудования для сетей сотовой связи. Оборудование для базовых станций, телефоны и аксессуары к ним приобретаются за рубежом, что не дает операторам значительно снижать цены на телефоны. Развитие внутреннего производства оборудования сотовой связи — объективная необходимость для России. Дешевое сотовое оборудование с приемлемым качеством интенсифицирует развитие рынка за счет освоения городов с населением менее 100 тыс. жителей и территорий с низкой плотностью заселения.

Рынок сотовых услуг в Республике Мордовия еще достаточно молод, находится в стадии становления и только начинает набирать обороты, предоставляя большое поле деятельности для маркетинга и маркетинговых исследований. Для более эффективной работы на рынке необходимо иметь информационную базу о потребностях в услугах, товарах и их наличии. Необходимо контролировать и управлять товарными запасами, иметь информацию о конкурентах, и в том числе их финансовом положении, что должно учитываться при принятии решений. В последнее время наблюдается возрастание интереса российских сотовых компаний к открытию филиалов в Мордовии. Это обусловливается увеличением объема рынка, его переориентацией от дешевого товара к более дорогому и качественному, ростом уровня жизни населения, динамичным социально-экономическим развитием республики.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее приводятся данные Сранского филиала ОАО «ВымпелКом».

Поступила 19.09.2005.

С.П.ДЫРИН

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО СПРОСА НА СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Планирование численности и качества персонала является одной из основных функций управления персоналом. Наиболее часто при подборе кадров работодатели предъявляют их к квалификации и индивидуальным особенностям личности[1] Планирование квалификационных требований к персоналу осуществляется через организационное проектирование рабочих мест. Организационный проект рабочего места предполагает разработку следующих требований:

— психофизиологических, а также к состоянию здоровья работника. Например, рабочее место монтажника-высотника предполагает отсутствие у работника высотобоязни, рабочее место милиционера — наличие стрессоустойчивости и т. п.;

— правовых (какими правами и обязанностями обладает работник на данном рабочем месте);

— ресурсных (какие материальные и информационные ресурсы должны быть в распоряжении работника на данном рабочем месте);

— квалификационных (какими знаниями и умениями должен обладать работник на данном рабочем месте);

— мотивационных (отношение работника к труду, степень его самостоятельности в процессе осуществления профессиональной деятельности).

Требования к индивидуальным особенностям личности обычно включают в себя умение работать самостоятельно; соответствие специальности, полученной в вузе, выполняемой работе; статус диплома (какой вуз окончил претен-

ДЫРИН Сергей Петрович, ректор Института управления г. Набережные Челны, кандидат педагогических наук, доцент.

дент); опыт работы по данной специальности; пол; возраст; семейное положение; национальность; внешние данные; уровень материальных притязаний и т.д.[2]

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: каково же реальное состояние планирования численности и квалификационных характеристик специалистов служб управления персоналом предприятий регионов? Для ответа на этот вопрос силами лаборатории маркетинговых исследований Института управления проведено исследование народно-хозяйственного спроса на специалистов с высшим образованием г. Набережные Челны[3] В качестве источников информации исследования были использованы данные Центра труда и занятости г. Набережные Челны и ряда частных кадровых агентств; объявления предприятий о вакансиях в местных СМИ (замерялось количество объявлений по поиску специалистов определенных профессий); данные экспертного опроса работодателей (выяснялись их намерения по приему на работу специалистов той или иной профессии; в качестве экспертов выступили руководители и сотрудники кадровых служб 89 предприятий различных сфер деятельности); результаты контент-анализа публикаций по этой проблеме в местной периодической печати.

Перед исследователями стояла задача, во-первых, проанализировать текущую и перспективную потребность рынка труда в специалистах с высшим образованием. Во-вторых, определить основные квалификационные требования, предъявляемые работодателями при приеме новых сотрудников.

Анализ статистической документации позволяет утверждать, что последние 10 лет характеризуются существенным сокращением количества занятых на крупных и средних предприятиях промышленности города, по сравнению с 1995 г. падение численности составило по состоянию на начало 2004 г. 45,9 %. Выявлено существенное уменьшение на предприятиях промышленности удельного веса руководителей, специалистов и служащих. Так, например, на крупнейшем предприятии региона ОАО «КАМАЗ» их удельный вес сократился с 25,1 % в 1995 г. до 18,6 % в 2003 г.[4]

Проведенные исследования показали, что систематическое, научно обоснованное планирование численности и

квалификационных характеристик персонала на предприятиях не ведется. Вместе с тем в рамках экспертного опроса нам удалось получить представление о текущей и перспективной потребности в персонале (таблица). Экспертам было предложено оценить потребность в специалистах на сегодняшний день и ближайшие 5 лет. Набор таких специальностей был объединен в две группы. Первая — персонал, квалификация которого определяется технологическим процессом основного производства предприятия (инженеры, врачи, педагоги). Вторая — персонал, выполняющий функции обеспечения и управления (менеджеры, юристы, экономисты и т.п.).

Таблица

Текущая и перспективная потребность в специалистах (оценки руководителей предприятий), %

Специальность	Потребность сегодня	Потребность через 4—5 лет
Коммерческий представитель	10	2
Бухгалтер	9	8
Специалист по информационным технологиям	9	15
Экономист	8	8
Специалист по управлению персоналом	8	5
Психолог	8	4
Юрист	7	5
Инженер	7	4
Специалист по исследованиям рынка	6	8
Специалист по сбыту	6	8
Специалист по административному управлению	6	5
Делопроизводитель	4	10
Консультант в области управления	3	3
Переводчик с иностранного языка	2	2
Специалист по НИОКР	1	8
Специалист по финансовому менеджменту	1	
Социолог		1

Следует отметить, что необходимость в специалистах задается конъюнктурными условиями, например, отсутствие грамотной политики маркетинга (или непонимание его значения); управление, ориентированное на сбыт, определяет необходимость в специалистах по сбыту (10 %). Сильный налоговый прессинг, изменение форм отчетности

задают потребность в квалифицированных бухгалтерах (9 %) и экономистах (8 %). Процесс перехода к рыночной экономике, активное законотворчество государственных органов, наличие множества правовых актов противоречивого характера обусловливают потребность в юристах (7 %). Спрос на эти специальности можно назвать конъюнктурным, то есть рассчитанным на разрешение проблем, возникающих в данный момент. Любопытно, что высокий спрос на юристов, бухгалтеров и экономистов существует на фоне их весьма внушительного предложения на региональном рынке услуг высшей школы. Однако эксперты не видят в этом никакого противоречия, поскольку дефицит представляют прежде всего квалифицированные специалисты, хорошо подготовленные и имеющие опыт работы.

Спрос на другие специальности также вызван и развитием технологий. Прежде всего это информационные, управленческие специальности, производственные, а также связанные с управлением предприятия в системе рынка технологий. 9 % опрошенных ощущают потребность в специалистах по информационным технологиям, 7 % — инженерах и по 6 % — в специалистах по исследованиям рынка, административному управлению и специалистах по управлению персоналом.

Наблюдается высокий спрос на коммерческих представителей предприятий, делопроизводителей. Это можно объяснить увеличением интеграции предпринимателей, их стремлением охватить широкий рынок региона. Спрос на делопроизводителей связан с увеличением объема информации, которую необходимо переработать менеджеру (руководителю), а также с усложнением требований к квалификации делопроизводителя.

Следует отметить, что большинство предпринимателей в момент опроса недостаточно хорошо представляли себе перспективы развития своих предприятий, поэтому на ответы предпринимателей о перспективной потребности в специалистах существенное влияние оказали ответы о текущей потребности на сегодняшний день. Следовательно, выявление потребности на специалистов целесообразнее определять на основе тенденций развития российской экономики и конъюнктуры рынка.

Наибольшим спросом, по мнению экспертов, будут пользоваться специалисты по рекламе, исследованию рынка, бухгалтеры, экономисты (9 %). Эти профессии призваны обеспечивать деятельность организаций в ситуации конкурентного рынка. Одновременно, как считают эксперты, в ближайшие годы уменьшится потребность в специалистах по административному управлению, работе с персоналом, информационными технологиями (5 %). Несколько уменьшится потребность в юристах (5 %). Это говорит о том, что в представлении руководителей дальнейшее развитие их предприятий будет преимущественно экстенсивным. Резкое уменьшение перспективного спроса на специалистов по сбыту (2 % против 10 %) находится в обратной зависимости от роста спроса на специалистов по рекламе (8 %), исследованию рынка (8%). Возможно, руководители предполагают, что наладив грамотную политику маркетинга, специалисты по сбыту будут нужны в меньшем количестве. Была выявлена потребность в специалистах по политике и безопасности организаций и социологах. Следует отметить, что под социологом руководители предприятий понимают промышленного психолога.

Результаты исследования позволили подтвердить гипотезу о зависимости спроса на специалистов с высшим образованием от тенденций изменения экономической ситуации в регионе. Можно утверждать, что в ближайшее время на региональном рынке профессий будут востребованы в большей степени юристы, бухгалтеры, экономисты, специалисты по исследованию рынка, а также специалисты по информационным технологиям, НИОКР, административному управлению, управлению персоналом.

Гипотеза о зависимости спроса на специалистов от темпов развития отдельных отраслей народного хозяйства также подтверждается. Была выявлена потребность в профессиональных журналистах (количество СМИ за последние несколько лет резко увеличилось), в инженерах-технологах пищевой промышленности. Потребность в коммерческих представителях связана с развитием бизнеса, усилением зависимости деятельности местных предпринимателей от деловых центров (г. Москва, Казань).

В рамках исследования народно-хозяйственного спроса на специалистов экспертам было предложено также оценить квалификационные требования, предъявляемые ими при приеме новых сотрудников. Результаты исследования показали, что из предложенных экспертам 17 критериев отбора наибольшее значение для работодателей имеют умение самостоятельно работать, возраст, умение работать на компьютере, теоретическая подготовка, опыт работы.

Таким образом, в качестве ключевого критерия квалификации выпускника вуза работодатели рассматривают прежде всего наличие у него навыков самостоятельной работы. Это объясняется не только динамикой ситуации на предприятиях, но и тем, что во многих предпринимательских структурах сегодня отсутствуют специалисты по многим направлениям деятельности и передавать опыт молодым специалистам, как это было принято раньше, сегодня просто некому.

Важным показателем, с точки зрения работодателей, является возраст. Анализ объявлений предприятий в прессе о поиске сотрудников показывает, что в основном требуются работники в возрасте от 25 до 40 лет. Этот фактор может стать препятствием при устройстве на работу не только выпускников вузов, но и опытных, высококвалифицированных специалистов. Вместе с тем в рамках экспертного опроса было выявлено различие в отношении к возрастным требованиям на вновь созданных частных коммерческих и муниципальных предприятиях. На вновь созданных частных предприятиях возраст претендента является одним из определяющих условий, причем ограничение проходит по верхней границе (не принимаются лица старше определенного возраста). На большинстве же обследованных муниципальных предприятий требования к возрасту носят заметно менее жесткий характер, а ограничение чаще всего проходит по нижней границе (не принимаются лица младше определенного возраста). Объясняется это более высоким возрастом как руководителей, так и персонала муниципальных предприятий.

Знание теории стоит на 4-й позиции из 17 предложенных. Это говорит о важности теоретических знаний, что обусловлено усложняющимися технологиями работы.

Важность такого фактора, как опыт работы, стоит на 5-м месте. Оптимальный срок опыта работы составляет 2—5 лет. Вместе с тем исследование позволило выявить зависимость требований к опыту претендента на вакантную должность от характера используемых на предприятии технологий и специфики той или иной специальности. Более высокие требования предъявляются к специалистам, работающим в условиях сложных, но одновременно мало меняющихся технологий (бухгалтер), специалистам, от которых требуется хорошая ориентация в ситуации (юрист). Менее высокие требования предъявляются к специалистам, работающим в условиях относительно простых технологий и сложных творческих технологий (маркетолог, специалист по рекламе). Не имеющими значения оказались национальность, пол, наличие протекции, семейное положение. Возможно, однако, эти оценки носят более декларативный характер.

Таким образом, в перспективе при приеме на работу важность наличия опыта работы и стажа уменьшится, а возрастет важность приспособляемости персонала к изменяющимся условиям, способности к самообразованию. Способность работников предприятия самостоятельно осваивать новые технологии станет более важным фактором, чем опыт работы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в корректировке количества и качества подготовки соответствующих специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Журавлев П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г.* Технология управления персоналом: Настольная книга менеджера. М., 2000.

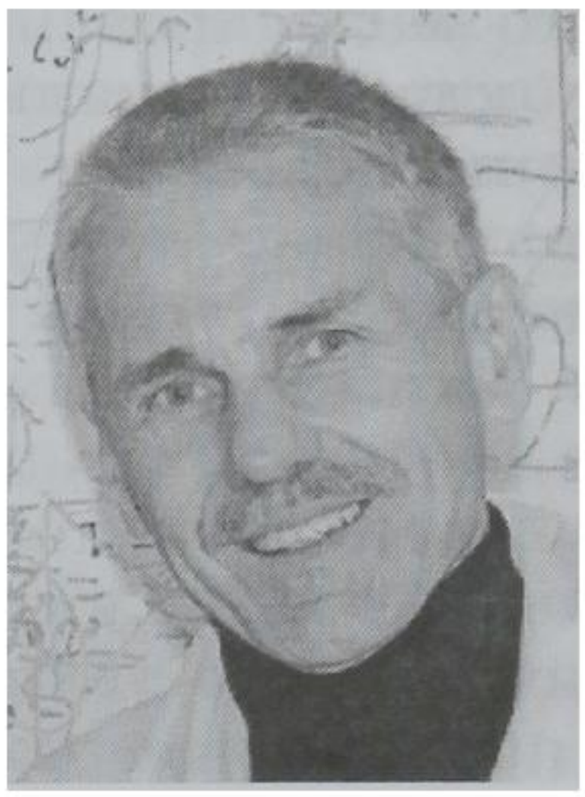
[2] См.: *Вахитов Д.Р.* Инновационная деятельность как фактор становления современного предпринимателя: Дис. ... канд. социол. наук. Казань, 1995; *Журавлев П.В., Карташов С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г.* Технология управления персоналом...

[3] См.: *Дырин С.П.* Особенности российской модели управления персоналом. Ижевск, 2004.

[4] См.: Инженер на стыке тысячелетий: Материалы социол. исслед. / Под ред. Ф.Р.Башарова. Набережные Челны, 2001.

Поступила 24.02.2005.

Ю.Н.НИКУЛИНА



В.Ф.БЕЛОВ

Г.И.ШАБАНОВ

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА[1]

Накопленный зарубежный и отечественный опыт экономического и социального развития регионов показал исключительную эффективность кооперации малых фирм, ведущих производственную деятельность в области высоких технологий. Такие кооперативы (кластеры) в основном известны как научные парки, инновационные центры, инкубаторы инновационного бизнеса. Они являются основой инновационной инфраструктуры регионов и способны оказывать существенное влияние на экономическое развитие территорий. Сила их воздействия на региональное развитие обусловлена в первую очередь нелинейной динамикой процессов производственной и финансовой деятельности, когда эффект от суммы больше, чем сумма составляющих

НИКУЛИНА Юлия Николаевна, программист кафедры систем автоматического проектирования Мордовского государственного университета.

БЕЛОВ Владимир Федорович, заведующий кафедрой систем автоматического проектирования Мордовского государственного университета, доктор технических наук, профессор.

ШАБАНОВ Геннадий Иванович, профессор кафедры систем автоматического проектирования Мордовского государственного университета, кандидат технических наук.

частей. Это явление принято называть синергизмом экономической системы, который может быть вычислен в результате математического моделирования динамики системы (в нашем случае — кластера малых фирм).

Республика Мордовия последовательно развивает региональную инновационную инфраструктуру. Промышленные предприятия, объединенные Торгово-промышленной палатой РМ, создали сеть малых предприятий в областях маркетинга, консалтинга, информатизации, лизинга. Значительное количество малых инновационных фирм создано при поддержке отдела науки и инноваций Правительства РМ, в том числе Инновационно-технологический центр Республики Мордовия, предприятие по производству программного обеспечения «СОФТРИД». Мордовия — участник крупнейших инфраструктурных проектов Министерства экономического развития и торговли РФ по созданию сети бизнес-инкубаторов, технико-внедренческих особых экономических зон.

В последние годы значительно возрос интерес государства к практическому применению возможностей инновационного развития регионов для решения экономических проблем страны в целом. Государственная Дума Российской Федерации 1 декабря 1999 г. приняла Федеральный закон «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике». Этот закон вводит в нормативно-правовой оборот такое важнейшее понятие, как «инновационная деятельность». В ст. 1 закона указано, что «инновационная деятельность — выполнение работ и (или) оказание услуг по созданию, освоению в производстве и (или) практическому применению новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса».

Таким образом, основанная на инновационной деятельности «экономика знаний», становится важным фактором технологического развития республики как в контексте общей политики государства, так и исходя из особенностей структуры ее ресурсов. Вместе с тем имеется явное отставание в инструментальном обеспечении процессов управления инновационным развитием региона — отсутствуют компьютерные модели анализа производственной дея-

тельности инновационных фирм, распространения инноваций на рынке, вычисления величины синергетического эффекта при работе кооператива инновационных фирм, не развиты методы оптимизации инновационной деятельности с учетом характерных для региона ограничений. Слабость инструментального обеспечения является одной из причин практического отсутствия в республике консалтинговых фирм, занимающихся системной интеграцией в области кооперации малых инновационных фирм. Это приводит к попыткам организаций и предприятий самостоятельно решать вопросы управления инновациями и как следствие — к дублированию функций, распылению квалифицированных кадров и снижению эффективности инновационной деятельности в регионе.

Инновационная деятельность реализуется через *инновационный процесс*. Это преобразование научного знания в инновацию. Его можно представить как последовательную цепь событий, в ходе которых инновация вызревает от идеи до конкретного продукта, технологии или услуги и распространяется при практическом использовании. Под *инновацией* мы понимаем проданное или купленное новшество или нововведение.

Как любой другой процесс (информационный, технологический, вычислительный, экологический, политический и др.), инновационный процесс имеет структуру и параметры и подлежит вариантному проектированию. Являясь сложным объектом проектирования, инновационный процесс может рассматриваться в нескольких аспектах. Имеется много работ, посвященных исследованию различных аспектов инновационных процессов. В 1978 г. сделан обзор более чем 4 тыс. научных работ, рассматривающих технические инновации[2]. Инновации стали предметом изучения специалистов различных дисциплин: инженеров, экономистов, специалистов по управлению, социологов, историков, психологов, философов и др. Таким образом, при вариантном проектировании инновационного процесса необходимо рассматривать не только типы элементов и связи между ними, но и реализацию подпроцессов при каждой заданной структуре процесса. Чтобы понять сущность инновационного процесса, необходимо анализировать его с

точки зрения системного подхода, т.е. рассматривая его составляющие и связи между ними.

Инновационный процесс принято представлять в виде трех основных фаз: разработка нового продукта (услуги, технологии), промышленное освоение, коммерциализация его результатов. Последовательные инновационные процессы представляют так же цепь этапов, включающих фундаментальные и прикладные исследования, конструкторские разработки, маркетинг, производство и сбыт. Распространенным является представление инновационного процесса в виде семи последовательных этапов, обладающих специфическими характеристиками: цель; формулирование задачи; генерация (поиск идей); селекция (проверка идей и выбор лучшей); адаптация (идея формализуется, анализируется с позиций совместимости с организационными и технико-технологическими условиями, трансформируется для практического использования); внедрение; диффузия (по мере распространения новшество совершенствуется, делается более эффективным, приобретает ранее не известные потребительские свойства)[3].

Последовательный инновационный процесс относят к инновационному процессу первого поколения. Он был единственным для ведения инновационной деятельности до середины 1960-х гг.[4] Первое поколение инновационного процесса иллюстрирует рис. 1. Основной упор делается на роль научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), а рынок выступает как потребитель результатов технической активности производства. При подобном подходе основная масса управленческих воздействий была направлена на НИОКР.

Рис. 1. Первое поколение инновационного процесса

Второе поколение инновационного процесса (рис. 2) относится к концу 1960-х началу 1970-х гг. Это та же линейно-последовательная модель, но с упором на важность рынка, на потребности которого реагируют НИОКР.

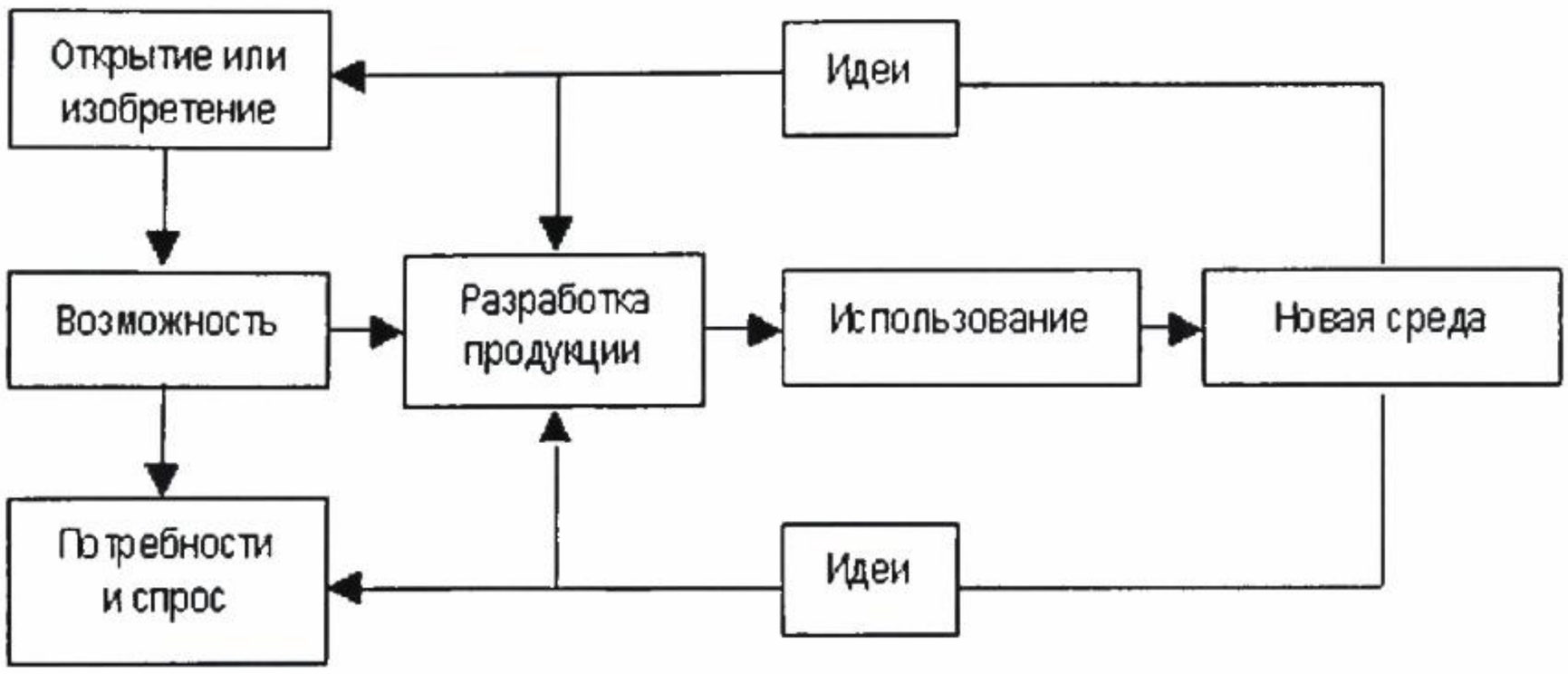


Рис. 2. Второе поколение инновационного процесса

Третье поколение инновационного процесса относится к началу 1970-х — середине 1980-х гг. Это уже интерактивная модель процесса, которая в значительной степени представляет собой комбинацию свойств первых двух поколений с акцентом управляющих воздействий на связи технологических способностей и возможностей с потребностями рынка (рис. 3).

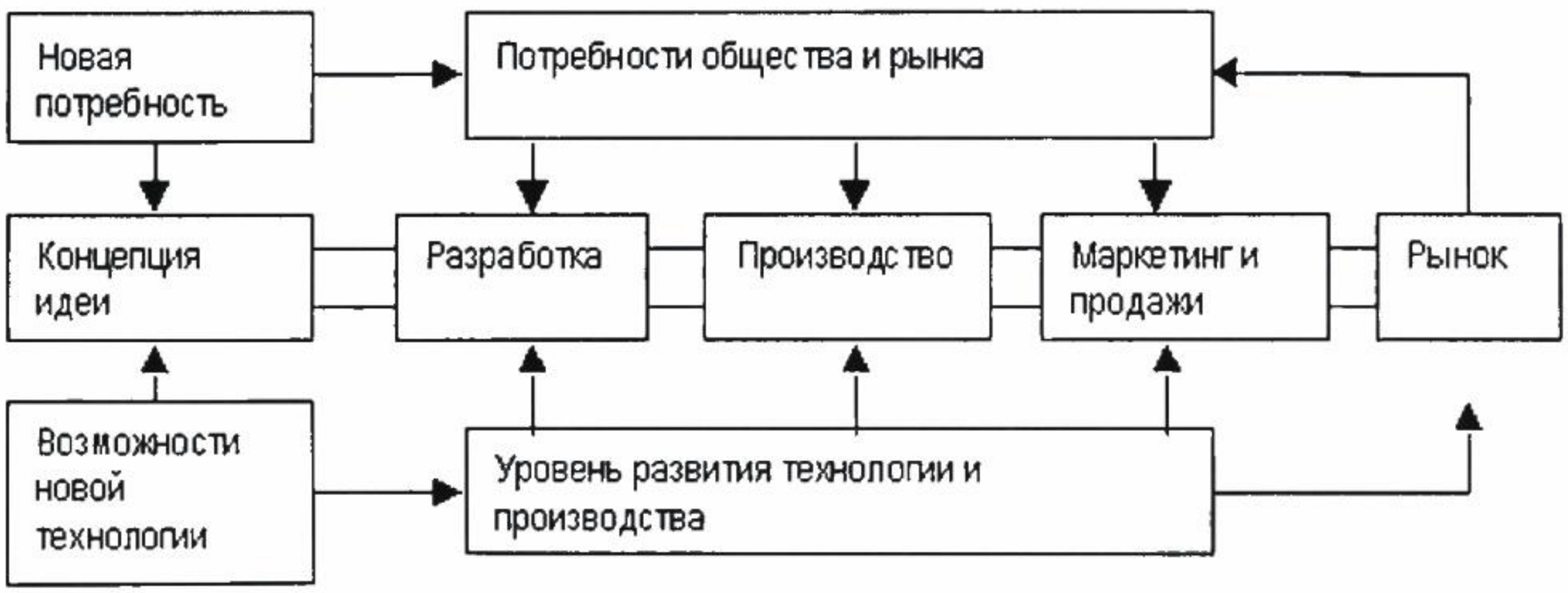


Рис. 3. Третье поколение инновационного процесса

Четвертое поколение инновационного процесса (японская модель передового опыта) действует с середины 1980-х гг. по настоящее время. В ней акцентируется внимание на параллельной деятельности интегрированных

групп. Одновременная работа над идеей нескольких групп специалистов в нескольких направлениях убыстряет решение задачи, а скорость реализации технической идеи и превращения ее в готовую продукцию в современном мире означает выигрыш на рынке.

Пятое поколение инновационного процесса представляет собой модель стратегических сетей. От всех предыдущих моделей отличие заключается в добавлении к параллельному процессу новых функций. Это ведение НИОКР с использованием систем вычислительной техники и информатики, с помощью которых устанавливаются стратегические связи. Новаторы обмениваются электронными данными с поставщиками, партнерами и даже потребителями. При этом маркетинг продолжается на всем пути от фундаментальных исследований до послепродажного обслуживания готовой продукции (диффузия). Управление информационными ресурсами и потоками принимает характер всеобъемлющего процесса, обеспечивающего все стадии создания и последующей реализации инновации.

Необходимо отметить, что приведенная классификация структур инновационного процесса перекликается с принятым в теории сложных систем разделением процессов на линейные, разветвляющиеся, циклические, адаптивные стратегии и стратегии приращений[5].

Для управления инновационным процессом следует иметь его модель и критерии управления. И первое и второе должны быть формализованы. Модель инновационного процесса — это знаковое представление процесса создания инновации в виде взаимосвязей условно выделенных этапов. Этапы отличаются по содержанию и специфике деятельности. На каждом из этапов должны быть отражены особенности воздействия основных факторов влияния. Критерии управления позволяют выбрать наилучший вариант инновационного процесса.

Разным уровням рассмотрения инновационного процесса соответствуют различные формы его знаковых представлений. Это могут быть структурно-параметрические модели на основе И-ИЛИ графа, сети Петри[6], модели функционирования в форме дифференциальных уравнений. При наибольшей степени абстрагирования могут применяться

модели инженерии знаний, основанные на отражении причинно-следственных связей, модели виртуальной реальности, когда исследователь рассматривает графический образ процесса, находясь внутри него[7]

Суммируя сказанное, можно заключить, что при моделировании инновационных процессов применяется иерархическая система моделей, включающая виртуальные, концептуальные и математические модели. Модели виртуальной реальности нашли практическое применение в CAD-системах на этапах инновационного процесса, связанных с разработкой облика нового продукта, но опыт применения таких моделей для анализа вариантов самого инновационного процесса в целом пока отсутствует. Концептуальные модели представляют собой чертежи, схемы, показывающие главные элементы, подпроцессы и связи в инновационном процессе с точки зрения субъекта управления, т.е. это абсолютный минимум информации об инновационном процессе, который пользователь может понять, и тем не менее, успешно ее применять. Концептуальные модели можно «оживить», соединив их с алгоритмами инженерии знаний, имитационного моделирования и со структурно-параметрическими моделями (И-ИЛИ графы и сети Петри). Заметим, что структурно-параметрические модели реализуются на основе аналитических зависимостей, поэтому являются математическими. Наиболее детальное представление об инновационном процессе могут дать дифференциальные модели (в форме дифференциальных уравнений), однако их применение для отражения процесса в целом пока проблематично, но по возможности предпочтение следует отдавать именно им.

Имеет смысл рассмотреть моделирование инновационных процессов в альянсах (группах, кластерах) малых фирм как объектах инновационной деятельности. Как уже отмечалось, примеры таких объектов — научные парки, инкубаторы инновационного бизнеса, инновационно-технологические центры — системообразующие элементы инновационной инфраструктуры региона. Субъектами инновационной деятельности кластеров в свою очередь являются подразделения управления в объектах инновационной деятельности. Группы таких фирм могут образовываться на базе

крупных предприятий при главенствующем положении одной из малых фирм, а так же путем кооперирования нескольких уже работающих без выделения главенствующей фирмы[8]. Управление инновационным процессом в таких объектах имеет ряд особенностей, проявляющихся в наибольшей степени при реализации внутри него инвестиционных проектов. В этом случае при проектировании инновационного процесса и управлении стремятся достичь максимального синергетического эффекта от совместной деятельности малых фирм, минимизировать риски инвестиционного проекта и максимизировать скорость внедрения и диффузии инновации. Максимизация синергетического эффекта — основной критерий управления инновационным процессом в альянсе малых фирм.

Суть подобного симбиотического союза — возникновение синергетического эффекта, обеспечивающего доминирование (превышение) эффекта совместного функционирования объектов над суммой эффектов их автономной деятельности:

$$Э_1 + Э_2 < Э^S, \qquad (1)$$

где $Э_1$, $Э_2$ — эффекты самостоятельного, автономного функционирования предприятий, $Э^S$ — эффект от их совместной деятельности.

Синергетический эффект S^q измеряется величиной разности

$$S^q = Э^S - (Э_1 + Э_2). \qquad (2)$$

При этом чем больше $S^q > 0$, тем глубже процесс экономического симбиоза и тем более устойчив союз рассматриваемых экономических объектов; чем меньше величина $S^q > 0$, тем меньше этот эффект и неустойчивее новообразованная структура; при $S^q < 0$ экономический симбиоз отсутствует и союз объектов достаточно быстро распадается.

Отметим, что феномен экономического симбиоза достаточно хорошо изучен и описан в научной литературе для случаев взаимодействия малого и крупного предприятий[9] Экономический симбиоз малых предприятий практически не изучен, что делает это направление исследований особенно актуальным.

При количестве предприятий больше двух формулы (1) и (2) модифицируются следующим образом:

$$\sum_{j=1}^{n} Э_j \le Э^S, \tag{3}$$

$$S^q = Э^S - \sum_{j=1}^{n} Э_j. \quad i = \overline{1, n} \tag{4}$$

где i — индекс рассматриваемого экономического объекта (малого предприятия); n — число малых предприятий, образующих кластер; $Э_i$, $Э^S$, S^q – переменные, определенные ранее.

Очевидно, что общий эффект от объединения S^q должен некоторым образом распределяться между малыми предприятиями, ведь если хотя бы одно из них не получает выгоды от союза, оно будет стремиться к автономии. Отсюда

$$S^q = \sum_{j=1}^{n} S_j^q, \tag{5}$$

где $S_j^q > 0$ — эффект от объединения (выгода) для i-го малого предприятия.

Используя соотношение (5), получаем следующую формулу для анализа эффектов экономического симбиоза:

$$Э^S = \sum_{j=1}^{n} (Э_j + S_j^q) \tag{6}$$

Формула (6) может быть интерпретирована следующим образом: эффект от совместного функционирования малых предприятий как целого складывается из суммы эффектов их автономного функционирования, скорректированных с учетом возникающих положительных синергетических эффектов.

Различается четыре типа синергизма: реализации продукции (продаж), имеющий место, когда различными производителями используются, например, одни и те же складские помещения; оперативного управления, являющийся результатом совместного и более эффективного использования оборудования, помещений, персонала; финансово-инвестиционный синергизм, который связан главным образом с распределением (или перераспределением) финансово-инвестиционных ресурсов, предназначенных для развития малых предприятий; синергизм менеджмента,

связанный с вопросами стратегического развития малых предприятий, главным образом при освоении ими принципиально новых сфер (отраслей) деятельности[10]

Все виды синергетических эффектов можно описать четырьмя переменными: увеличение прибыли (дохода); снижение затрат; уменьшение потребности в инвестициях; уменьшение времени достижения поставленной цели. Очевидно, что значения этих переменных для малых предприятий возможно вычислить только на математических моделях. Проведение натурных экспериментов на малых предприятиях экономически не целесообразно. Сравнивая значения указанных переменных при деятельности малого предприятия в составе кластера и вне его, легко определить количественные характеристики синергетического эффекта.

С учетом особенностей инновационной деятельности, связанных в первую очередь с большими рисками инвестиционных проектов внутри инновационных процессов и с критическими темпами диффузии инноваций, показатели работы предприятий можно сравнивать только при выполнении условий устойчивой работы кластера. Это достигается управлением рисками и темпами диффузии инновации. Поэтому должна решаться задача устойчивости с применением дифференциальных моделей инновационного процесса. Такая форма представления математических моделей бизнес-процессов в научной литературе рассмотрена недостаточно полно. Несколько иначе обстоит дело для случая однопродуктовой модели одного малого инновационного предприятия, где представлена дифференциальная модель[11], для двухпродуктовой модели[12] рассмотрена производственная функция Солоу (так же для случая одного предприятия), рассмотрена дифференциальная многопродуктовая модель для кластера малых предприятий[13]. В основе подхода в последних указанных работах лежит динамическая система. Это позволило поставить задачу анализа устойчивости системы для выявления областей скрытых банкротств малых фирм.

Математическое моделирование процессов внедрения и диффузии инноваций — сложная научная проблема, ее решение находится в начальной стадии рассмотрения и относится к области нелинейной динамики. Любые модели,

отражающие этот процесс, в настоящее время актуальны для практического применения. Пока можно выделить только один подход к практическому решению этой задачи, основанный на теории клеточных автоматов. Он разрабатывается нами в инновационном проекте, финансирование которого осуществляется Министерством промышленности и транспорта Республики Мордовия.

Таким образом, при разработке проектов инновационного развития республики становится актуальным учет производственной деятельности предприятий инновационного бизнеса — научных парков, инновационных и технологических центров, инкубаторов, представляющих собой кластеры малых предприятий. Эффект от совместного функционирования малых предприятий как целого складывается из суммы эффектов их автономного функционирования, но с учетом возникающего синергизма в системе. Для его вычисления необходимы математические модели, отражающие нелинейную динамику. Всеобъемлющее моделирование инновационных процессов в регионах возможно на основе иерархической системы моделей, включающей виртуальные, концептуальные и математические модели. Актуальной является задача создания комплексов программ иерархического моделирования динамики инновационной деятельности. Математическое моделирование распространения инноваций возможно на основе современных методов нелинейной динамики. Актуальна также проблема построения набора клеточных автоматов, учитывающих специфику инновационного рынка Мордовии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа выполнена при поддержке Отдела науки и технологий Правительства Республики Мордовия.

[2] См.: *Гурков И.Б.* Инновационное развитие и конкурентоспособность (очерки развития российских предприятий). М., 2003.

[3] *Макаркин Н.П., Белов В.Ф., Терешкина (Никулина) Ю.Н.* Моделирование и системный анализ инновационных процессов / Сб. мат. семинара-совещания по итогам выполнения в 2002 г. проектов Научно-технической программы Минобразования России «Инновационная деятельность высшей школы в 2002 году». М., 2003. С. 84—93.

[4] *Roy Rothwell.* The Changing Nature of the Innovation Process. Technovation V.13 Iss. l. Jan. 1993. pp. 23—30.

[6] *Джонс Дж. К.* Методы проектирования: Пер с англ. 2 изд., доп. М., 1986.

[7] *Питерсон Дж.* Теория сетей Петри и моделирование систем. М., 1984; *Беньковичч Е.С., Колесов Ю.Б., Сениченков Ю.Б.* Практическое моделирование динамических систем. СПб., 2002.

[7] *Jeff Butler.* Conceptualising The Innovation Process To Fit Virtual Reality. R&D Management, Manchester Business School and PREST, University of Manchester, j.butler@fs2.mbs.ac.uk/.

[8] *Мареный М.А.* Методы финансового анализа кооперационных взаимодействий малых промышленных предприятий. http://koi.cfin.ru/press/afa/2001-3/03_1.shtml

[9] *Блинов А.* Малое предпринимательство и большая политика // Вопросы экономики. 1996. № 7. С. 46—58.

[10] *Ансофф И.* Новая корпоративная стратегия. СПб., 1999.

[11] *Чернавский Д.С., Щербаков А.В., Соловьев С.А., Зайцев С.В.* Математическая модель деятельности малого инновационного предприятия. Случай одного продукта. Феномен «скрытого банкротства». Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН. Электронный журнал «ИССЛЕДОВАНО В РОССИИ». http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2002/006.pdf 87.

[12] *Пивоварова Н.Б.* Использование производственной функции Солоу при моделировании двухпродуктовой фирмы // Вестник МГТУ, т. 4. 2001. № 2. С. 217—220.

[13] *Белов В.Ф., Никулина Ю.Н.* Многопродуктовая математическая модель совместной деятельности малых инновационных предприятий. / XXXIII Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Естественные и технические науки. Саранск, 2005. С. 60—63; *Никулина Ю.Н., Белов В.Ф., Янгибаев Р.А.* Функциональное моделирование совместной деятельности малых инновационных предприятий / Материалы X науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов МГУ им. Н.П.Огарева: в 2 ч. Ч. 2. Естественные науки. Технические науки. Саранск, 2005. С. 183—186.

Поступила 20.09.2005.

Н.И.НАУМКИН

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕТНИХ НАУЧНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ШКОЛ ПО МЕХАНИКЕ

В институте механики и энергетики Мордовского государственного университета разработана и реализуется, начиная с 2001 г., общеобразовательная программа «Преемственность и непрерывность получения образования в системе ВУЗ — аспирантура — НИР». Ее целью является подготовка кадров для государственных научных центров, вузов и производства, адаптированных к современным условиям работы и отвечающих необходимому научному и производственному уровню[1]

Начиная со второго курса, в рамках студенческого научного кружка «Механик» студенты совершенствуют свои знания в области механики, в апреле этого же года с 3, 4 и 5-м курсами участвуют в традиционном университетском научном фестивале «Студенческая молодежь — науке». Затем сильнейшие из них попадают в III тур Всероссийской студенческой олимпиады (ВСО) по теории механизмов и машин (ТММ). Летом большинство из них становятся слушателями выездной научной школы «Механик», функционирующей по направлениям: механика; земледельческая механика; прогрессивные технологии ремонта, восстановления и упрочнения деталей. С сентября начинается подготовка к участию в III туре ВСО по специальности «Механизация сельского хозяйства» (МСХ), который проводится в ноябре этого же года. Завершается годовой цикл обучения работой в школе ФПК «Современные методы экспериментальных исследований в области механики». Активное участие в ней принимают не только студенты, но и аспиранты, молодые преподаватели и ученые.

НАУМКИН Николай Иванович, доцент кафедры основ конструирования механизмов и машин Мордовского государственного университета, кандидат технических наук.

Кроме того, они регулярно занимаются научной работой, издательской и изобретательской деятельностью. Из всех перечисленных мероприятий этой программы особо подробно следует остановиться на летней научной школе.

Первая такая школа была проведена в 2001 г. с 25 июля по 6 августа в рамках 1-го Молодежного лагеря Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Республики Мордовия «Сура — 2001». Ее деятельность была направлена на реализацию государственного контракта по Федеральной целевой программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки». В ее работе приняли участие студенты и преподаватели Мордовского государственного университета и других вузов Мордовии. Основной костяк слушателей составили студенты Института механики и энергетики (члены научного студенческого кружка «Механик», призеры II тура ВСО по ТММ). Первоначально необходимость в ее проведении была обусловлена вынужденным летним перерывом в круглогодичном цикле работы научных кружков[2], который достигал 2-х месяцев и более. За это время многое забывалось, терялась творческая форма, требовалось время на ее восстановление. В этих условиях школа выступала как одна из форм устранения этих недостатков. Она работала по научному направлению — механика, и ее учебной программой предусматривалось углубленное изучение геометрического синтеза рычажных механизмов, структуры механизмов 3-го семейства различных классов, кинематики и синтеза эпициклических передач, геометрического синтеза трехзвенных зубчатых механизмов, динамики машинных агрегатов. Кроме того, велась подготовка студентов к предстоящим Всероссийским студенческим олимпиадам и конкурсам, а также приглашались в нее для чтения лекций известные ученые. Обучение осуществлялось не только по этому научному направлению, но и по обществознанию, экономике и было направлено на всестороннее развитие обучающихся. Все присутствующие принимали также участие в культурно-массовых, спортивных и туристических мероприятиях, организованных на оздоровительной базе «Сура». Программа работы школы предусматривала дух

соперничества и стремление к развитию творческих способностей у слушателей. По результатам работы было решено проводить такие летние научные школы ежегодно, что сегодня уже стало традицией.

Таким образом, выбранная форма решения одной проблемы стала эффективным механизмом решения других. И если первая школа работала только по одному направлению, то последующие функционировали по трем, соответствующим основным культивируемым научным направлениям.

Учитывая многолетний опыт организации и проведения этих мероприятий, наблюдая за работой других научных студенческих школ, можно сделать некоторые обобщения (табл.).

Статус школы определяется возможностями оргкомитета и вуза-устроителя, а также уровнем значимости решаемых задач. Так, в работе наших школ принимали участие студенты не только разных факультетов университета, но и других вузов республики, следовательно, они имели статус региональных. В перспективе рассматривается вопрос о проведении в 2006 г. Всероссийских школ теории механизмов и машин.

Вид школы обусловлен многими факторами: материальными, целью проведения и задачами. Выездная школа реализуется чаще всего на одной из баз отдыха, профилактории, оздоровительном центре или в палаточном лагере и отличается от других неограниченными возможностями сочетания активного отдыха с научной, творческой, познавательной и другой деятельностью. В этом случае ее слушатели общаются с преподавателями в неформальной, творческой обстановке. Благодаря тому, что одновременно в школе работают студенты разных курсов, аспиранты, преподаватели, профессора, осуществляется преемственность поколений и непрерывность передачи и получения знаний.

Идет процесс обучения на конкретных примерах не только по развитию творческих способностей, но и формированию манеры поведения, культуры, быта. Стационарная школа организуется на базе вуза-организатора, научно-исследовательского центра или НИИ и имеет возможность обеспечения аудиторным фондом, лаборатория-

Заказ № 6429

ми, отдельными производственными помещениями, радиальная предусматривает экскурсии на изучаемые объекты из базового (стационарного) пункта; кольцевая подразумевает последовательное посещение исследуемых объектов и работу на них; комбинированная — сочетание описанных видов.

Таблица

Классификация научных студенческих школ

Классификационный признак	Содержание
Статус	Международная
	Всероссийская
	Межрегиональная
	Региональная
	Межвузовская
	Внутривузовская
Вид школы	Выездная
	Стационарная
	Радиальная
	Кольцевая
	Комбинированная
Цель проведения	Подготовка к конкретному мероприятию
	Изучение новых гипотез, теорий, дисциплин
	Обмен опытом
	Углубление знаний по одному из научных направлений
	Продолжение обучения
	Активный отдых
	Обучение чему-либо
	Комбинированная
Время проведения	Каникулярная (летняя, зимняя)
	Семестровая (постояннодействующая)
	Календарная
	Периодическая
	Комбинированная
Форма	Аудиторная
	Производственная
	Полигонная
	Комбинированная
Вид занятий	Лекция, беседа
	Практические занятия
	Лабораторные занятия
	Индивидуальные занятия
	Прочие

Цели проведения могут быть самыми разнообразными, большинство из них приведены в таблице. Например, все

проводимые нами школы по механике были направлены на подготовку студентов к ВСО по ТММ и МСХ, а также углубленное изучение избранных разделов теории механизмов и машин, развитие их творческих способностей, овладение навыками работы на новой сельскохозяйственной технике, изучение ее устройства и ознакомление с методами их проектирования, изучение и овладение новыми технологиями ремонта, восстановления и упрочнения деталей машин, агрегатов и узлов, участие в их разработке.

По времени проведения удобнее всего каникулярные летние и зимние школы. На их реализацию не влияют факторы, обусловленные учебным процессом, и все внимание может быть обращено на решение поставленных задач. Семестровая школа ближе к кружковой работе, организуется в рамках учебного процесса после занятий, как дополнительное образование; календарная проводится с отрывом от основных занятий по модульному принципу, чаще всего бывает выездной; периодическая — совмещается с выходными и праздничными днями, и является кратковременной.

Форма регламентируется целями и задачами мероприятий: читать лекции, решать задачи, дискутировать можно в аудитории, любом приспособленном помещении, а для направлений земледельческая механика и прогрессивные методы ремонта, восстановление и упрочнение деталей требуются испытательные полигоны, обрабатываемые земельные участки и производственные площади с необходимым оборудованием и техникой.

Вид занятий выбирается преподавателями индивидуально по каждому направлению. Так, для углубленного изучения механики во время чтения лекции излагаются основные теоретические сведения по рассматриваемому разделу, на практических занятиях осуществляется знакомство с методами решения задач, во время самостоятельной работы происходит закрепление материала. При этом основной упор делался на индивидуальную работу со студентами, для чего за каждым из них закреплялся преподаватель или аспирант. Для обеспечения эффективности обучения предварительно были разработаны и частично изданы, в том числе с грифом, обучающие учебные по-

собия и материалы. Структура каждого из них включала общие сведения, примеры решения задач, задачи для самостоятельного решения, ответы и решения к ним. Все задачи были разбиты на три уровня. Задачи первого уровня в состоянии решить все успевающие студенты, второго — хорошо успевающие, третьего — наиболее подготовленные и способные. Таким образом, студенты, ознакомившись с теоретическим материалом, разобрав примеры решения задач, последовательно переходя от одного уровня сложности к другому, самостоятельно проверяли свои возможности. Окончательный критерий их подготовки — самостоятельное составление задач самого высокого уровня. Освоение техники вождения сельскохозяйственных машин невозможно без получения практических навыков под руководством опытного инструктора, а также работы в полевых условиях реального сельскохозяйственного производства. Для ознакомления с современными методами компьютерного проектирования сельскохозяйственных машин необходимы многочасовые практические занятия за компьютером. Изучение и овладение новыми технологиями ремонта, восстановление и упрочнение деталей машин, агрегатов и узлов невозможно без лабораторных установок электроискровой наплавки, освоения научных основ электрофизических методов обработки металлов.

Описанная организация непрерывного цикла работы по выявлению одаренных студентов и развитию их творческих способностей дает положительные результаты, которые можно оценить как количественно, так и качественно. Это прежде всего защита кандидатских диссертаций, а также призовые места в командном и личном первенстве, занимаемые на предметных олимпиадах и в конкурсах самого высокого уровня. Дважды, в 2001 и 2004 гг., разработанная программа побеждала в конкурсе грантов Министерства образования Российской Федерации по Федеральной целевой программе «Интеграция науки и высшего образования» по направлению 2.7 «Проведение научных конкурсов, школ и конференций для студентов, аспирантов, молодых преподавателей и сотрудников вузов и научных организаций». Существенно повысилось качество подготовки будущих специалистов, о чем свидетельствует увеличение количе-

ства научных публикаций студентов — членов кружка; студенческих научных работ, подаваемых на конкурс; студентов, участвующих в научных конференциях, включая международные. Растет количество обучающихся, желающих углубить свои знания в области механики. Большинство нынешних аспирантов Института механики и энергетики Мордовского государственного университета, а также выпускников, готовящихся к поступлению в аспирантуру, прошли обучение по этой программе. Значительно повысил свою профессиональную квалификацию и преподавательский коллектив института, задействованный в подготовке и проведении школ и ВСО.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Наумкин Н.И.* Всероссийские студенческие олимпиады как одна из форм творчества молодежи. Повышение качества подготовки кадров без отрыва от производства в современных условиях / Развитие творческих способностей личности в условиях олимпиадного движения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. Оренбург, 2004. С. 264—266.

[2] См.: *Наумкин Н.И., Купряшкин В.Ф., Курчатов В.А., Безруков А.В.* Роль летних научных школ молодежи в системе их подготовки к Всероссийской студенческой олимпиаде / Развитие творческих способностей личности в условиях олимпиадного движения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. / Под ред. А.И.Попова. Тамбов, 2005. С. 13—14.

Поступила 21.06.2005.

В.В.БАГИН

СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дополнительному профессиональному образованию (ДПО) сегодня придается особое значение. Знания, мотивация к их постоянному обновлению и навыки, необходимые для этого, становятся решающим фактором развития общества. Помимо этого актуализируются требования конкурентоспособности и трудоустройства. Знания и навыки, приобретенные ранее, сегодня не гарантируют успеха. И даже периодическое повышение квалификации или получение дополнительного образования не являются решением проблемы. Очевидно то, что индивид должен продолжать свое обучение не только в своей профессиональной области, но и реализовывать свою личную образовательную траекторию, непрерывно расширяя диапазон знаний.

По мнению Ю.Шленова, в гражданском обществе успешность профессиональной карьеры индивида — одно из главных базовых понятий, поскольку она определяет фундамент личной независимости, самоуважения и благосостояния, а значит — обеспечивает качество жизни[2] Таким образом, с одной стороны, можно говорить о *непрерывном дополнительном профессиональном образовании* как условии успешной профессиональной деятельности, а с другой — о непрерывном образовании членов общества, позволяющем не только реализовать гносеологические аспекты основ гражданского общества, но и придать определенную философскую широту профессиональной деятельности

БАГИН Виктор Васильевич, директор МРЦПК, кандидат технических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы Читинского государственного университета.

внести в жизнь человека более высокий, нежели только карьерный, смысл. Чтобы непрерывно учиться в течение всей жизни, каждому человеку, во-первых, необходим позитивный опыт приобретения знаний в молодом возрасте, во-вторых, сильные моральные или материальные стимулы и, в-третьих, практические возможности для учебы (свободное время, деньги и учреждения, предоставляющие образовательные услуги). Таким образом, личная мотивация к учению и образовательные ресурсы являются ключевыми факторами непрерывного образования. Для организаторов образования из этого следует, что необходимо развивать как предложение образовательных услуг, соответствующих спросу на рынке труда, так и спрос на них, особенно среди тех, кто еще не был активно вовлечен в процесс обучения или по какой-либо причине не может использовать знания, накопленные ранее.

Главными системными целями обеспечения *непрерывности* образования в системе ДПО являются, во-первых, формирование соответствующего менталитета — отношения членов общества к образованию и обеспечение необходимого уровня культуры каждого гражданина, при котором получение новых знаний престижно не только из соображений карьерного роста. Во-вторых, индивидуализация образования как принцип, согласно которому каждый гражданин считает необходимым совершенствование своего образования в соответствии со своими личными установками, привычками, желаниями. В-третьих, обеспечение понятности и необходимости предлагаемых дополнительных профессиональных образовательных программ, которые должны быть рассчитаны на динамику процессов в обществе, инновационный характер экономики, перспективу, т.е. на приобретение гражданами образования для завтрашнего дня, обеспечивать интеграционный накопительный характер приобретения знаний. В-четвертых, мобилизация всех образовательных ресурсов и консолидация усилий общества для реализации полного и качественного совпадения спроса и предложения на рынке образовательных услуг, признания важности для общества уровня образования.

Решение этих проблем возможно только при условии *открытости* образовательной системы ДПО, что является

одним из концептуальных подходов к ее развитию. Под «открытостью» образовательной системы ДПО мы понимаем, прежде всего, ее соответствие принципам и категориям, определяемым понятием «открытой системы» в синергетике.

Создание открытой образовательной системы ДПО предполагает опережающее развитие системы, понимаемое как обеспечение синергетического эффекта его ускоренного развития путем введения в рыночные отношения и взаимодействия с социальными партнерами, реальным сектором экономики. При этом должно стать более тесным и менее формальным взаимодействие с предприятиями и организациями, заинтересованными в получении квалифицированных образовательных услуг, а обучение должно стать более дифференцированным и адаптированным к интересам потребителя[3]. Это взаимодействие, по нашему мнению, обеспечивает открытость системы дополнительного профессионального образования и представляет собой основную движущую силу, стимул ее собственного развития. И.П.Смирнов и Е.В.Ткаченко открытость рассматривают как новое условие функционирования современной системы профессионального образования России. Это предполагает ее широкое взаимодействие с социумом, органическую включенность в рыночные отношения с признанием приоритета заказчиков кадров[4]

Открытая образовательная система ДПО имеет повышенную способность к прогрессивному развитию под влиянием постоянно повышающихся потребностей общества и человека. Ее развитие определяется процессом постоянного взаимодействия рынков труда и образовательных услуг. Согласно синергетической концепции, переход от закрытой к открытой системе образования способен превратить его из способа обучения человека в средство формирования адекватной этому обществу творческой личности, обладающей способностями для дальнейшего роста и самосовершенствования.

Сущностными характеристиками ДПО как открытой системы являются незавершенность и способность к взаимообмену со средой. Незавершенность обусловлена процессами непрерывного изменения в социально-экономической и

технологической политике, что и обеспечивает динамику развития системы ДПО, постоянное стремление ее к самосовершенствованию, наличию ситуативно меняющихся стратегических линий, быстрому мобильному реагированию на происходящие изменения условий индивидуального и социального развития. Способность к взаимообмену со средой обеспечивает, с одной стороны, использование внешних ресурсов (информационных, человеческих, материально-технических), с другой — обогащение среды за счет продуктов и достижений самой системы ДПО.

К наиболее важным перспективам формирования открытой образовательной системы ДПО можно отнести обеспечение опережающего развития всей системы ДПО, ее направленности на проблемы общественного развития; обеспечение широкой доступности образования для всех желающих путем использования новых информационных технологий, широкого диапазона образовательных программ и увеличения роли самообразования; повышение качества образования и сокращение сроков обучения за счет использования новых технологий обучения; повышение творческого начала в образовании, индивидуализации процессов развития личности.

В рыночной экономике спрос и предложение регулируются путем последовательных приближений. Эта система работает только при наличии прогнозных характеристик развития рынка труда, являющихся для ДПО не менее актуальными, чем для системы профессионального образования в целом. Созданию таких прогнозных характеристик может способствовать научно-обоснованная методика перспективного формирования кадрового потенциала региона, позволяющая создавать портфель заказов для системы ДПО. Пример использования такой методики наблюдается в системе ДПО Татарстана[5] Работа в режиме заказа позволяет стимулировать деловую активность работодателей, побуждая их формировать перспективную кадровую политику, инвестировать развитие кадрового потенциала. Это, в свою очередь, побуждает работодателей четко формулировать образовательные задачи, выстраивать индивидуальные образовательные траектории. Система ДПО, со своей стороны, должна реагировать и влиять на стреми-

тельно меняющуюся социальную ситуацию в стране, мировом сообществе. В связи с этим становится необходимым изучение регионального рынка труда для выявления актуальных потребностей в специалистах определенного профиля, перспективных специальностей, направлений подготовки и создания на этой основе широкого спектра образовательных программ, удовлетворяющих запросам рынка труда и личностным образовательным потребностям обучающихся. Таким образом, взаимодействие с рынком труда, потребителями образовательных услуг формируют своеобразный социальный заказ на обучение в системе ДПО.

В качестве компонентов открытой системы дополнительного профессионального образования выступают образовательные программы; образовательные структуры (факультеты, кафедры, центры, лаборатории и т.п.); механизмы финансирования и управления; социальная среда. К системным функциям ДПО могут быть отнесены адаптация граждан к постоянно меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды путем предоставления возможностей развития по индивидуальной образовательной траектории в течение всей жизни; консолидация образовательных ресурсов вуза; формирование образовательного социального партнерства как компонента гражданского общества.

В соответствии с этим миссия (рис. 1) открытой системы ДПО, на наш взгляд, заключается в обеспечении потребностей регионального рынка труда высококачественными образовательными услугами, учитывающими запросы потребителей и инновационные процессы в общественном развитии; создании системы непрерывного повышения квалификации и профессиональной переподготовки, адекватной современным требованиям; формировании личности специалистов, обладающих высокими адаптивными возможностями.

В качестве базисных принципов, на которых основывается формирование модели открытой образовательной системы ДПО, на наш взгляд, выступают открытость (способность к постоянному взаимодействию с внешней и внутренней средой, предвидение будущего и согласование с ним своих действий); интегративность (взаимодействие

Рис. 1. Миссия системы дополнительного профессионального образования

основного и дополнительного образовательных процессов); развитие социального партнерства; ориентация образовательной системы на результат; гибкость (способность структурных элементов образовательной системы перестраиваться на выполнение разнообразных функций в соответствии с индивидуальными возможностями и образовательными запросами личности, требованиями рынка труда и т.п.); преемственность (опора на базовое образование обучающихся); соответствие стратегическим планам вуза; удовлетворенность потребителя.

Под термином «открытость» также следует понимать постоянный обмен между потребителями и образовательной системой информации, интеллектуальными, финансовыми, материальными ресурсами; учет всех педагогических, социологических, экономических, технологических инноваций, а также непрерывность образовательного процесса.

Базисный принцип открытости предполагает открытость образования будущему, т.е. опережающее образование. При открытой модели образования это положение является основополагающим, в то время как классическая модель образования предполагает жесткие нормы обучения, унифицирующие человеческую индивидуальность.

В соответствии с принципом *интегративности* при построении открытой системы ДПО мы исходим из того, что в современном развитии общества при нестабильной экономике основой для открытой образовательной системы ДПО должно оставаться высшее учебное заведение с его ресурсной базой, готовое перестроиться в соответствии с требованиями новой образовательной парадигмы. Открытая система ДПО включена нами в образовательную систему вуза как подсистема и составляет сместе с ней единую педагогическую целостность. В своем развитии она опирается на ресурсный потенциал вуза, помогая и развитию образовательной системы вуза, повышению ее потенциала. Все формы открытой образовательной системы ДПО должны быть реально интегрированы в основной образовательный процесс, резко расширяя при этом его возможности.

Принцип *развития социального партнерства* предполагает формирование социально-педагогического пространства, в которое включены образовательные заведения ДПО и потребители. В основу построения и развития социального партнерства должен быть поставлен ряд принципиальных положений.

Во-первых, взаимоотношения между системой ДПО и потребителями должны строиться на новых парадигмальных отношениях: «Потребитель определяет чему учить, система ДПО — как учить». Во-вторых, образовательная политика должна быть ориентирована на потребности рынка образовательных услуг, подготовку и переподготовку кадров по заказам. При этом возможна ориентация на потребности работодателей, общества, личностные образовательные запросы обучающихся. В идеале необходимо стремиться к достижению баланса между рынками труда и образовательных услуг. На практике такой баланс достичь невозможно. Однако надо искать пути их взаимодействия. Одним из таких путей является подготовка и переподготовка кадров по заказам работодателей, мобилизация образовательных ресурсов и консолидация усилий общества для реализации полного и качественного совпадения спроса и предложения на рынке образовательных услуг, признание важности для общества уровня образования. Другое важное положение, характерное для рыночных отноше-

ний, способствующее развитию социального партнерства, — взаимная выгодность отношений структур ДПО и потребителей образовательных услуг.

Ориентация образовательной системы на результат предполагает способность системы ДПО достигать спрогнозированного результата повышения качества дополнительных образовательных услуг.

Открытость образовательной системы обусловливает ее *гибкость*, т.е. способность ее структурных элементов перестраиваться на выполнение разнообразных функций и сохранять при этом необходимую степень открытости в зависимости от изменяющейся специфики социально-экономических преобразований. Гибкость открытой образовательной системы ДПО позволяет осуществлять интенсивный взаимообмен и взаимодействие со средой; интегрировать формальное и неформальное образование; проявлять способность адекватного реагирования на меняющиеся социально-экономические реалии и соответствующие им не только индивидуальные, но и групповые потребности и запросы; предоставлять широкий спектр образовательных услуг, сочетающих обучение в рамках государственного стандарта с индивидуализированными образовательными программами.

Принцип гибкости применим и к проектируемому педагогическому инструментарию. По мнению А.Н.Дахина, в открытой образовательной системе необязательно, порой и невозможно создать один педагогический инструментарий и применять его годами в изоморфных учебных ситуациях. В основе открытой образовательной системы лежит принцип неопределенности ряда учебных и управленческих параметров. Вероятностный подход к проектированию гибких технологий предполагает адаптацию образовательной системы к конкретным социально-экономическим и социокультурным условиям[6].

Принцип *преемственности* учитывает исходное базовое образование обучающихся, их компетентность при планировании образовательной траектории. Система ДПО, являясь частью образовательной системы вуза как целостной системы, несет в себе свойства целого. Следовательно, стратегия развития системы ДПО должна соответствовать стратегическим планам вуза.

Удовлетворенность потребителя заключается в удовлетворении личных образовательных потребностей обучающихся, многообразии образовательных услуг, а также потребности работодателя в квалифицированных кадрах, способных решать комплексные задачи современного производства, запросов общества. Удовлетворенность предоставляемыми образовательными услугами создает предпосылки для инвестирования в систему ДПО.

Учитывая базисные принципы, можно представить модель открытой образовательной системы ДПО в вузе следующим образом (рис. 2):

Рис. 2. Модель открытой образовательной системы ДПО в вузе

В представленной модели открытость образовательной системы обеспечивается благодаря взаимодействию и взаимовлиянию системы ДПО и рынка труда. Это отражено блоком социального заказа. Вероятностный подход к проектированию гибких технологий предполагает адаптацию образовательной системы к конкретным социально-эконо-

мическим и социокультурным условиям (блок — целевая установка и ведущие принципы гибкой образовательной технологии). Последующие блоки ключевых компетенций, формирования образовательных программ, подбора форм, методов и средств обучения отражают процесс формирования образовательного процесса в соответствии с социальным заказом.

Блок удовлетворенности потребителя предполагает измерение качества подготовки специалистов и последующего анализа с целью выработки мероприятий по улучшению качества образовательного процесса и наиболее полного удовлетворения запросов потребителя. Критерием качества образовательной услуги выступает удовлетворенность потребителя, определяемая соответствием социального заказа образовательному результату. Блоки мониторинга и анализа образовательных результатов выполняют функцию обратной связи и выдают корректирующие действия на блок управления.

Потребность личности в дополнительных образовательных услугах — это своего рода запрос, выступающий конкретной формой образовательной потребности. Новые подходы к изучению потребностей в дополнительных образовательных услугах заключаются в учете неравномерности развития обучающихся в социальном и интеллектуальном плане, различии в мотивации профессионального выбора, отношении к освоению профессии, общей направленности личности. В таком подходе проявляется *гуманизация* ДПО, в рамках которой личность обучающегося рассматривается как субъект учебной деятельности.

Таким образом, в системе дополнительного профессионального образования находят реализацию, наряду с принципами формирования открытой системы ДПО, общие, основные принципы государственной образовательной политики, проявляющиеся в гибкости, динамичности, свободе выбора личностью образовательного направления. Эти принципы обусловливают взаимосвязь компонентов системы ДПО и обеспечивают целостность образовательной системы вуза, подсистемой которого и является ДПО.

В системе профессионального дополнительного образования находят свое преломление не только общие принципы, но и основные взаимосвязанные функции высшего

образования (общекультурная и профессиональная), что еще раз подтверждает системный характер ДПО, построенного на базовых принципах открытой образовательной системы. Общекультурные и профессиональные функции высшего профессионального образования проявляются в системе ДПО по направлениям: согласование потребностей регионального рынка труда в специалистах определенного профиля, интересов вуза в реализации основных принципов высшего образования и потребностей личности в дополнительном образовании; адаптивность системы ДПО к системе вуза в своей организационной образовательной форме, обладающей качествами гибкости и динамичности; прогностичность направлений изменения в высшем профессиональном образовании под влиянием тенденций общественного развития и, как следствие, коррекции подсистемы образования ДПО.

Компоненты системы ДПО и характер взаимосвязей между ними представлены на рис. 3. Система дополнительной профессиональной подготовки не только определяется параметрами внешней и внутренней среды, но и способностью оказывать влияние на них. Ее воздействие на внешнюю среду проявляется в удовлетворении отдельных потребностей регионального рынка труда, что приводит к

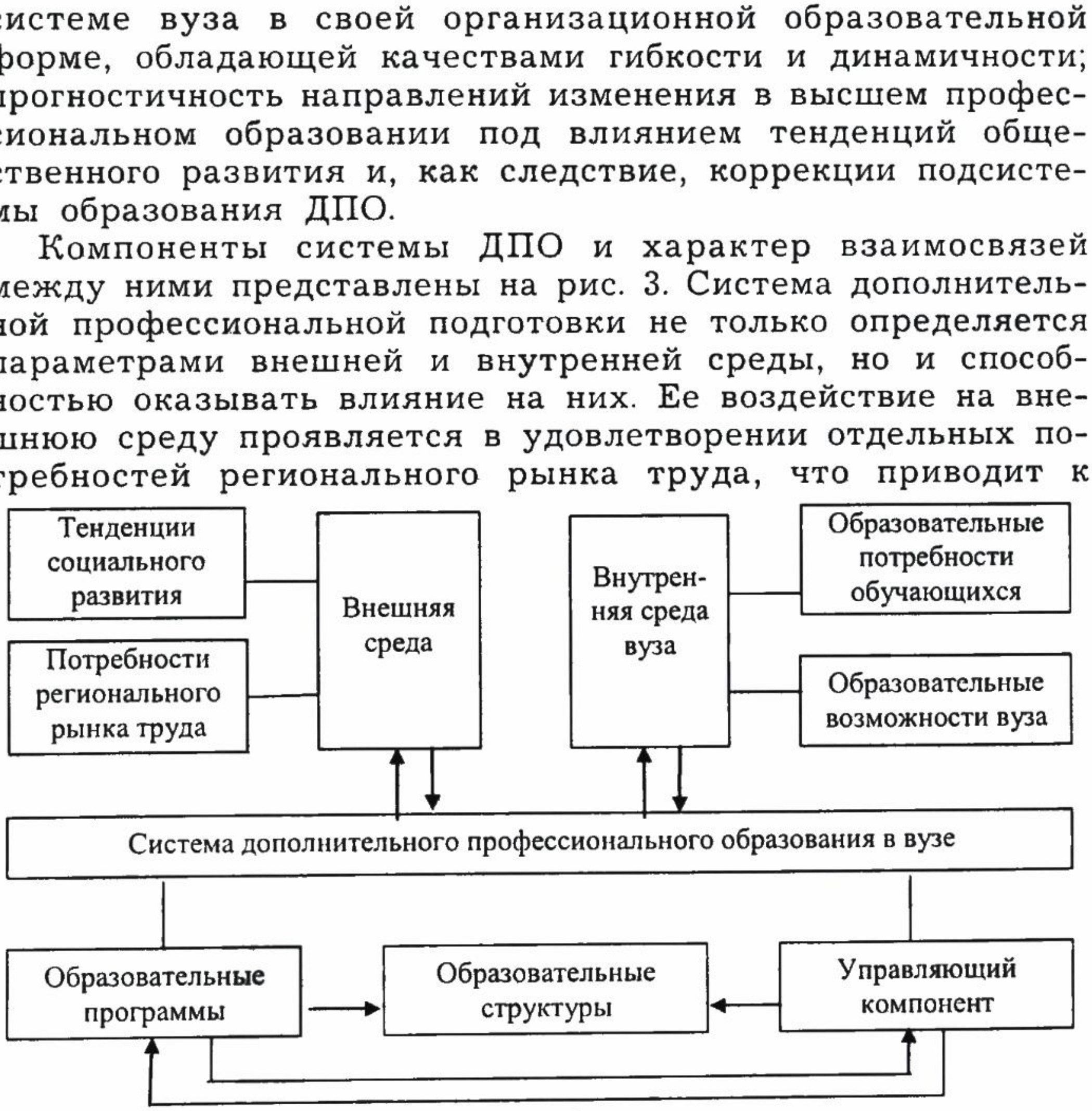


Рис. 3. Компоненты системы ДПО и взаимосвязи между ними

изменениям в его структуре. Кроме того, это влияние проявляется через профессиональную деятельность выпускников. Что касается внутренней среды вуза, то она развивается вместе с самой системой ДПО: возрастают образовательные возможности вуза за счет расширения спектра предоставляемых образовательных услуг, а также усложняются и углубляются познавательные потребности и интересы обучающихся.

Процесс профессиональной подготовки системы ДПО схематично можно представить в следующем виде (рис. 4).

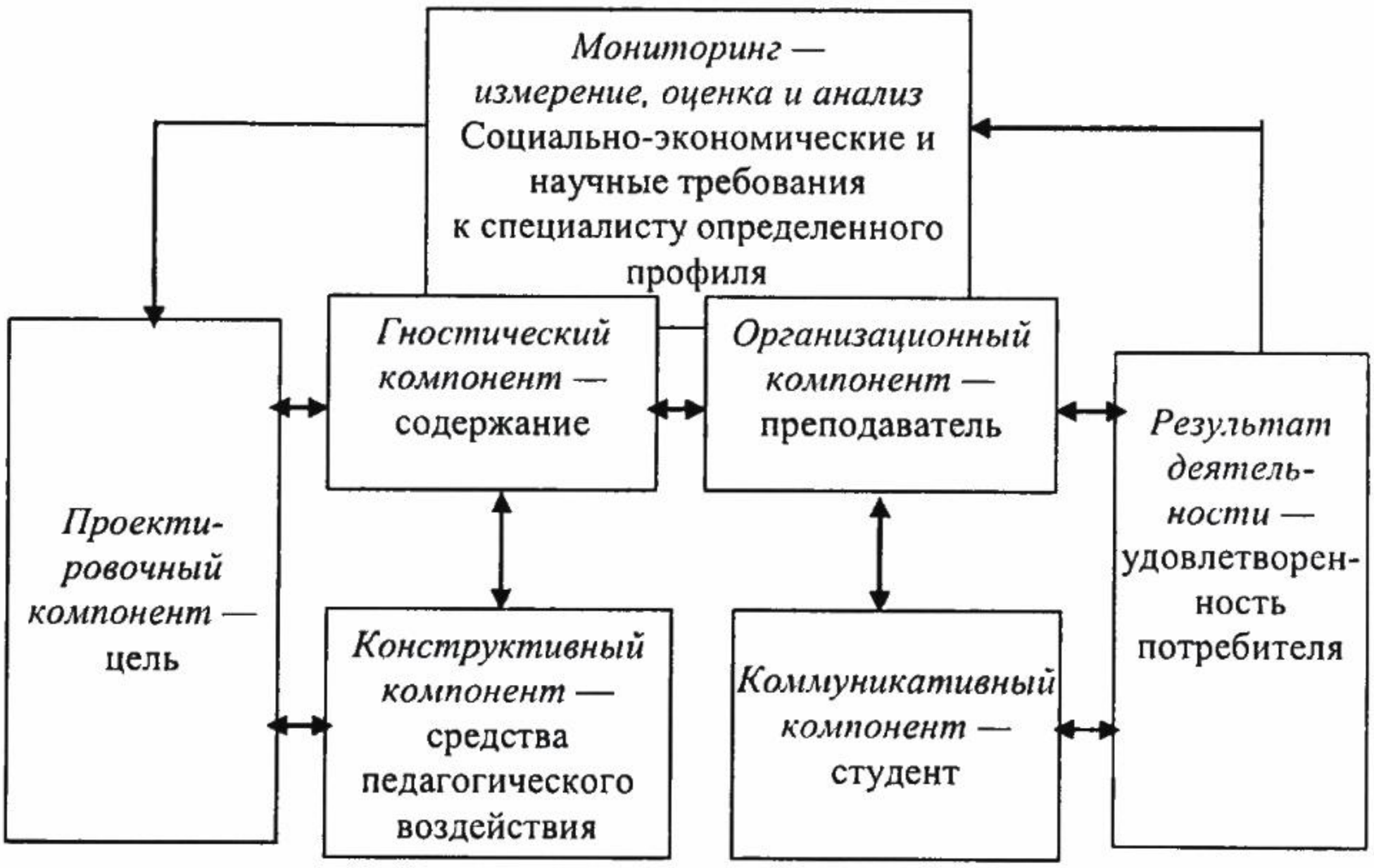


Рис. 4. Процесс профессиональной подготовки в системе ДПО

Как видим, импульс системе задает компонент, отражающий социальный заказ, социально-экономические и научные требования к специалисту, результаты деятельности. Он определяет цель подготовки (идеальный образ будущего результата), который оказывает непосредственное влияние на процесс отбора и структурирования содержания образовательной программы.

Гностический компонент тесно связан с конструктивным и организационным. Главное место в них отводится преподавателю — режиссеру и исполнителю обучающей функции. Важная роль в системе отводится и студенту. Здесь

он выступает не как объект педагогических воздействий, а как активный субъект, равноправный участник процесса профессиональной подготовки. На рисунке это отражено в виде двунаправленных стрелок, соединяющих коммуникативный компонент с другими компонентами. Эта система является наиболее гибкой и динамичной, чутко отражающей любые изменения внешней и внутренней среды вуза.

Таким образом, представленная модель открытой образовательной системы дополнительного профессионального образования предусматривает переход к более современной парадигме профессионального образования — открытой образовательной системе. Она предполагает переход к доступной для воздействия общества системе дополнительного профессионального образования. Ее развитие обусловлено постоянным взаимодействием с внешней средой, прежде всего сопряженностью рынков труда и образовательных услуг. Основными свойствами дополнительного профессионального образования как открытой системы являются динамичность, обращенность в будущее, постоянная инновационная изменчивость, синергетичность. Полагаем, что основные идеи и принципы, изложенные в модели, помогут рационально построить открытую образовательную систему дополнительного профессионального образования в условиях вуза.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шленов Ю., Мосичева И., Шестак В.* Непрерывное образование в России // Высшее образование в России. 2005. № 3. С. 36—49.

[2] *Смирнов И.П.* Человек, образование, профессия, личность. М., 2002.

[3] *Смирнов И.П., Ткаченко Е.В.* Социальное партнерство: Что ждет работодатель? М., 2004.

[4] *Шайхелисламов Р.* Региональная модель системы ДПО // Высшее образование в России. 2005. № 3. С. 50—57.

[5] *Дахин А.Н.* Математическая модель оптимального управления открытой образовательной системой (http://center.fio.ru/vio // Вопросы интернет образования, № 11).

Поступила 15.09.2005.

В.И.ШАБЫКОВ

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Предметом социологии религии как отраслевой социологической дисциплины являются религиозное сознание и поведение, религиозные отношения, религиозные организации и институты в их взаимосвязи как между собой, так и с другими компонентами общества[1] При этом религиозное сознание изучается социологией исключительно «как социальный факт, как одна из реально существующих систем мировоззрения, социальных норм и ценностей в том аспекте, в каком оно выступает регулятором социального поведения личности, группы, больших масс людей»[2]

При социологическом исследовании религиозного сознания ключевыми понятиями выступают «религиозность», ее уровень, степень (качество), характер, динамика, состояние религиозного сознания, «религиозное поведение», «религиозная группа». «Религиозность — это характеристика сознания и поведения отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему»[3].

Под уровнем религиозности принято понимать соотношение группы людей, обладающих признаком религиозности, с основной частью населения. В отличие от уровня религиозности, когда фиксируется только сам факт наличия определяющего признака, понятие «степень религиозности» обозначает интенсивность проявления этого признака (сильная или слабая вера в сверхъестественное, в Бога, постоянное или эпизодическое посещение богослужений и т.п.). «Нетрудно заметить, что возможны случаи, когда исследования покажут одинаковый уровень религиозности

ШАБЫКОВ Виталий Иванович, ведущий научный сотрудник отдела социологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат философских наук.

на разных объектах, но разную степень ее проявления, т.е. глубины религиозного сознания и религиозных переживаний верующих, интенсивности соблюдения ими религиозных предписаний»[4].

Для более полного представления о ситуации в стране и перспективах ее развития важен максимально полный «социальный срез» общества, поэтому предметом исследования в социологии религии, как правило, становятся мировоззрение, социальное поведение и нерелигиозной части населения.

Социологические исследования, проведенные Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории в 1994 и 2004 гг., были преемственно связаны с аналогичными исследованиями института 1973 и 1985 гг.

Опросы в 1994 и 2004 гг. проводились почти в одних и тех же населенных пунктах. Объем выборочной совокупности составил 1 200 чел. в г. Йошкар-Ола, Волжск, Козьмодемьянск; в п. Мари-Турек, Новый Торьял, Октябрьский; а также на территории 10 сельских советов в 5 районах (Горномарийском, Волжском, Мари-Турекском, Моркинском и Новоторьяльском).

Результаты исследований свидетельствуют о повышении уровня религиозности населения Республики Марий Эл. Так, число считающих себя верующими в 2004 г. увеличилось по сравнению с 1994 г. на 25 % и составило 68,2 % (табл. 1). Сегодня примерно две трети взрослого населения республики считают себя верующими. Около 12 % опрошенных считают себя колеблющимися, и лишь 16,5 % отнесли себя к неверующим.

Таблица 1

Отношение к религии населения Республики Марий Эл в 1994 и 2004 гг., %

Отношение к религии	1994 г.	2004 г.
Я верующий и соблюдаю религиозные обряды	13,8	9,7
Я мог бы сказать, что я религиозный человек	29,2	11,6
Я верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	—	46,9
Я колеблюсь между верой и неверием	29,5	11,7
Я не религиозен	16,1	15,2
Я атеист	2,3	1,3
Затрудняюсь ответить	9,1	3,6

При этом нельзя не учитывать то обстоятельство, что среди назвавших себя верующими 67,5 % не соблюдают религиозные обряды, т.е. степень религиозности, несмотря на массированную пропаганду религий со стороны СМИ и дипломатические заигрывания государственных структур и чиновников с религиозной элитой, не настолько высока, как кажется на первый взгляд.

В Республике Марий Эл, как и в России в целом, массовое обращение населения к религии обусловлено ухудшением экономического положения, политической нестабильностью, духовно-нравственным кризисом, межэтнической напряженностью и т.д. В идеях духовности и душевной чистоты, проповедуемых религией, люди видят защиту от нравственного упадка, поразившего общество.

Результаты исследования показали, что в 1994 г. уровень религиозности в сельской местности был значительно выше, чем в городах. В деревнях верующими называли себя более 45 % жителей, а в городах — чуть больше 40 %. К 2004 г., при общем увеличении числа верующих как среди городского, так и сельского населения, сохранилась прежняя разница: в деревнях верующих зафиксировано 71,4 %, т.е. примерно на 5 % больше, чем в городах. Отмечена одинаковая доля колеблющихся между верой и неверием среди горожан и сельских жителей как в 1994 г., так и в 2004 г.

В 2004 г. верующих мужчин оказалось примерно 56 %, что почти на 22 % меньше, чем среди женщин (78 %). Точно такая же разница (22 %) была отмечена и в 1994 г.

Значительно увеличилась численность мужского марийского населения, проявляющего интерес к той или иной религии. Например, если в 1994 г. доля мужчин среди приверженцев марийской (языческой) религии составила около 31 %, то в 2004 г. таковых стало почти 49 %, т.е. примерно на 18 % больше. Среди «двоеверцев» число верующих мужчин увеличилось на 5,6 % (42 %).

Универсальным индикатором при рассмотрении динамики религиозного сознания является возрастной показатель верующих, ибо изменения в соотношении людей отдельных возрастных групп в общем объеме населения страны или республики незначительны, и это несмотря на то, что от

десятилетия к десятилетию увеличивается доля людей пожилого возраста. Изучение религиозного сознания в зависимости от возрастных показателей позволяет установить существенные изменения за 10 лет в уровне религиозности и получить более полное представление о процессе роста религиозности от поколения к поколению (табл. 2).

Таблица 2

Верующие в Республике Марий Эл в 1994 и 2004 гг., %

Возраст, лет	1994 г.	2004 г.	Разница-прирост
15—19	20,0	56,7	36,7
20—24	25,2	60,8	35,6
25—29	33,3	65,8	32,5
30—39	31,5	65,0	33,5
40—49	42,8	61,4	18,6
50—59	57,1	70,2	13,1
60 и более	69,1	80,7	11,6

В 1994 г. наблюдался неустойчивый уровень религиозности среди разных возрастных групп. В наибольшей мере религиозностью отличались люди старше 50 лет, что сохраняется и в 2004 г. Например, среди людей старше 60 лет считают себя верующими почти 81 %. Что касается уровня религиозности молодежи до 25 лет, то в 1994 г. он равнялся 20—25 %, а в 2004 г. — 57—61 %. Значительно увеличилось число приверженцев религиозного сознания и среди населения в возрасте от 25 до 40 лет (более чем на 30 %), от 40 до 50 лет (почти на 19 %).

Если добавить к этому результаты исследований 70-х гг. XX в., то данная закономерность станет еще более зримой. Верующие в возрастной группе до 25 лет в 1973 г. составляли около 3 %, при этом идентифицирующих себя с убежденными атеистами было около 50 % (сегодня их среди молодежи до 20 лет всего 1,6 %, до 25 лет — чуть больше 3 %). Аналогичная ситуация наблюдается и в России в целом.

Следует отметить, что религиозность значительной части молодежи является номинальной. Стремительный рост ее связан с религиозной инерцией, ориентацией на традиционные для той или иной этнокультурной среды конфессии: у русских — на православие, у татар — на ислам и т.д.

Кроме того, приходу молодежи в религию зачастую способствовала ее неспособность противостоять влиянию религиозного окружения и усиливающейся религиозной пропаганде со стороны служителей культа и СМИ.

По данным Управления Федеральной регистрационной службы по Республике Марий Эл, в республике зарегистрировано 120 религиозных организаций, связанных с различными конфессиями: русская православная церковь — 79 организаций; старообрядцы — 3; ислам — 18, адвентисты седьмого дня — 2; евангелисты-пятидесятники — 6, евангелисты — 2; баптисты, буддисты, иудаизм, лютеране, новоапостольская церковь, свидетели Иеговы, церковь последнего завета, церковь Христа, язычники — по одной организации[5].

Наибольшую часть верующего населения республики в 2004 г. составляли те, кто отождествлял себя с православием (51 % против 39 % в 1994 г.), на втором месте — так называемые «двоеверцы», придерживающиеся православной и языческой (марийской) веры (около 13 % против 10,5 % в 1994 г.), на третьем месте — приверженцы ислама (около 6 % против 4 % в 1994 г.). Приверженцев языческой марийской веры среди опрошенных составили около 3 % (в 1994 г. — 4 %) (табл. 3).

Таблица 3

Приверженность населения Республики Марий Эл к той или иной религии в 1973, 1985, 1994 и 2004 гг., %

Отношение к вере	1973 г.	1985 г.	1994 г.	2004 г.
Православие	30,3	16,9	38,9	51,1
Соблюдаю одновременно православную и языческую (марийскую) веру	5,6	5,4	10,5	12,6
Соблюдаю языческую (марийскую) веру	5,8	2,2	4,2	2,8
Ислам	4,5	1,6	4,3	6,5
Приверженец других религий	1,7	0,0	0,6	0,5
Неверующий или затруднился ответить	56,6	75,4	41,5	21,5
Верю в Бога, но не разбираюсь в религиях	—	—	—	5,0

Тенденция значительного роста приверженцев различных религий была отмечена уже в 1994 г. До этого исследование 1985 г. фиксировало снижение числа верующих, что, очевидно, было связано с тем, что в 70—80-х гг.

XX в. люди опасались высказываться о своих религиозных убеждениях и принятия административных мер со стороны государственных органов, проводящих официальную атеистическую идеологию.

Среди русских, опрошенных в 1994 г., верующими назвали себя около 39 %, в 2004 г. — 64 %, т.е. на 25 % больше. Среди марийцев в 1994 г. верующих было около 45 %, в 2004 г. — почти 68 %, т.е. на 23 % больше. Число колеблющихся между верой и неверием среди русских и марийцев в 1994 г. было примерно одинаковым (около 30 %) и к 2004 г. уменьшилось также до одинакового уровня (примерно до 11 %). Число неверующих осталось на прежнем уровне: среди русских — 22 %, марийцев — 15 % (табл. 4).

Таблица 4

Отношение респондентов к религии в зависимости от их национальной принадлежности в 1994 и 2004 гг., %

Отношение к религии	Русские		Марийцы		Марийцы Горномарийского района		Татары	
	1994 г.	2004 г.	1994 г.	2004 г.	1994 г.	2004 г.	1994 г.	2004 г.
Верующие	38,9	64,4	44,5	67,7	50,9	78,9	54,8	74,1
Колеблющиеся	30,0	11,4	29,1	11,6	31,1	11,4	24,7	5,6
Неверующие	22,9	22,3	15,1	15,3	12,1	7,1	13,7	15,7
Затруднились ответить	8,2	1,9	11,3	5,4	5,8	2,6	6,8	4,6

Среди марийского населения республики отмечено существенное увеличение численности приверженцев православной веры (с 27 % в 1994 г. до 43 % в 2004 г.). Кроме того, примерно на 8 % увеличилось число одновременно исповедующих православную и марийскую (языческую) веру (до 29 % в 2004 г.). Число придерживающихся языческой веры осталось почти неизменным (7,9 % в 1994 г. и 7,1 % в 2004 г.).

Исследования 1994 и 2004 гг. показывают, что в характере религиозности татар изменений практически не произошло. Сохраняется стабильное число верующих людей (примерно 80 %), что свидетельствует об устойчивости религиозного сознания татар, являющегося важнейшим фактором этнической самоидентификации.

Состояние религиозного сознания и степень религиозности населения республики в последние годы заметно изменились. Результаты социологических исследований свидетельствуют о неуклонном и последовательном размывании и «выветривании» у современных верующих традиционных религиозных представлений, об утрате верующим человеком характерных для религий догматических представлений о Боге, рае, загробной жизни. Этот процесс, по всей видимости, происходит под влиянием социальных факторов, а также широкого распространения и рекламирования научных знаний о жизни. Если в 1994 г. традиционно-догматические представления о Боге сохранялись у 57 % верующих, то в 2004 г. — у 45 %. В существовании загробной жизни в 1994 г. были убеждены 37,5 % верующих, в 2004 г. их число уменьшилось почти на 9 %. Если в 1994 г. в бессмертие души верили 35 % верующих, то в 2004 году — 33,5 %.

В материалах социологического исследования 2004 г. отмечается также повышение интереса верующих к различного рода мистическим, эзотерическим явлениям: предопределенность судьбы, гадания, нечистая сила, вещие сны и т.д. Более 35 % опрошенных в 1994 г. верили в высшую силу, которую называли Богом, Природой и т.д.; в 2004 г. — уже более 43 %.

К наиболее очевидным фактам религиозного поведения людей относятся посещение мест богослужения (церквей, молельных домов, мечетей, священных рощ и т.д.), совершение религиозных обрядов, соблюдение религиозных праздников, распространение религиозных взглядов. Многие современные верующие освобождают себя от обязательности и регулярности их соблюдения, требуемых религиозными канонами. Например, верующие республики церковь посещают только в дни больших религиозных праздников. Так, 15 % православных верующих и двоеверцев 25,5 % вообще не ходят в церковь. Большинство верующих (около 60 %) исполняют лишь некоторые религиозные обряды и обычаи (это на 12 % больше, чем в 1994 г.). 67,5 % отмечают лишь некоторые религиозные праздники (в 1994 г. таковых было около 59 %).

В настоящее время соблюдающие все религиозные обряды составляют 10 % населения республики. Таковых в 4,7 раза меньше тех, кто считает себя верующим, но не соблюдает религиозные обряды и обычаи. В 1994 г. истинно верующих было около 14 %.

Говоря о степени (качестве) религиозности, следует отметить, во-первых, то, что под воздействием изменившейся социально-политической ситуации в стране появилась категория «примкнувших» к религии под влиянием моды. Так, Л.М.Воронцова, С.Б.Филатов, Д.Е.Фурман отмечают: «...слово „верующий“ становится все более „нормальным“, „респектабельным“, „приличным“, а слово „атеист“ — неприличным. В результате атеизм „очищается“ от тех, кто определял себя атеистом скорее из конформистских соображений, вера — „замутняется“»[6] Во-вторых, современного человека вера интересует не столько в теологическом, сколько в социально-утилитарном смысле как средство поддержания культуры и морали. Многие верующие полагают, что религия полезна обществу для поддержания нравственности. Однако это говорит скорее о приверженности идеям гуманизма, чем о глубокой вере. В-третьих, религия для современного человека является средством ухода от жизненных проблем и их решения.

Таким образом, на фоне значительного роста уровня религиозности населения республики отмечаются ослабление степени его религиозности и падение качества, глубины веры, что делает весьма неоднозначным процесс религиозного возрождения и развития в республике Марий Эл.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 2001. С. 385.

[2] Там же. С. 386.

[3] Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 300.

[4] См.: *Тощенко Ж.Т.* Указ. соч. С. 388.

[5] См.: *Зыков В.* Фактотум // Молодежный курьер. 2005. 31 марта.

[6] *Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е.* Религия в современном массовом сознании // Социс. 1995. № 11. С. 87.

Поступила 31.05.05.

К.В.ФОФАНОВА

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Социально-демографический анализ является одним из способов отражения эффектов и реакций различных социальных групп на условия жизни. Демографические показатели характеризуют структуру воспроизводства жизненных сил, динамику ресурсного потенциала населения. В регионах Поволжья имеют место тенденции, которые в той или иной мере характерны и для России. Влияние социально-экономических событий обусловливает отличия в адаптации и выработке стратегий женщин и мужчин, находящихся в одном темпоральном континууме.

Республика Мордовия относится к тем регионам, где на протяжении последних десятилетий уменьшается численность населения. За последние пять лет среднегодовая численность населения Мордовии сократилась на 35,5 тыс. чел. На 1 января 2004 г. в республике проживало 876,1 тыс. чел., доля городского населения к сельскому составила 60,0 % к 40,0 %.

Итоги Всероссийской переписи населения показали, что в России женщин больше, чем мужчин: 77,6 к 67,6 млн; на 1 тыс. мужчин приходится 1 147 женщин (в 1989 г. было 1 140). В соответствии с результатами переписи 2002 г. женская часть населения преобладающая в 84 субъектах Российской Федерации. Эта тенденция характерна для всех регионов Приволжского федерального округа. Преобладание численности женщин над численностью мужчин в среднем по России отмечается начиная с 33-летнего возраста.

ФОФАНОВА Катерина Владиславовна, докторант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

В возрастной группе с 55 лет доля женщин составляет 22 % к 10 % мужчин этого же возраста. На 1 тыс. мужчин в возрастной группе 50—54 года в 2004 г. приходится 1 130 женщин, в группе 55—59 лет — 1265, в группе 60—64 года — 1 479, в группе 65—69 — 1 627, 70 лет и более — 2 909[1] В сельской местности в последней группе наблюдается еще больший разрыв: 40 % женщин к 15 % мужчин.

Как и для большинства европейских стран, для России характерна тенденция старения населения. По сравнению с переписью 1989 г., средний возраст жителей страны увеличился на 3 года и составил 37,7 лет. Эта тенденция характерна и для Мордовии: средний возраст женщин составил 41,2 года и 35,9 лет для мужчин. Отмечена тенденция увеличения ожидаемой продолжительности жизни женщин, что нехарактерно для мужчин. Эти социально-демографические данные указывают на важную демографическую составляющую — феминизацию старения. Можно предположить, что это вызовет изменения в биографической структуре и жизненном плане женщин. Учет подобных изменений в перспективе может стать ключевым при разработке технологий и мер социальной политики, что потребует пересмотра ряда социальных стандартов и нормативов в сфере пенсионного, трудового, семейного законодательства. Стратегией демпфирования (смягчения) негативных эффектов от половозрастных диспропорций в когорте пожилых людей должно стать усиление медико-социального и социально-психологического направлений, снижающих депривационные последствия одиночества в пожилом возрасте. По данным Всероссийской переписи, в Республике Мордовия на 1 тыс. женщин в возрасте 60—64 лет приходится 345 вдов, в возрасте 65—69 лет — 445, в возрасте 70 лет и более — 647. В то время как на 1 тыс. мужчин данных возрастных групп приходится соответственно: 77; 117; 261 вдовцов[2]

Социально-экономические изменения 80—90-х гг. XX в. ускорили далеко не позитивные процессы брачности и разводимости. Снижение числа браков наблюдается из года в год, хотя данные 2003—2004 гг. внушают определенный оптимизм. Коэффициент брачности в Мордовии остается

сравнительно высоким среди всех регионов Приволжского округа. Число супружеских пар в республике, по данным переписи 2002 г., составило 217 тыс., что на 17 тыс. меньше, чем по данным предыдущей переписи. Как и в переписи 1989 г., замужних женщин оказалось больше, чем женатых мужчин (в среднем по России в 2002 г. — на 65 тыс. чел., в 1989 — на 28 тыс. чел.). Вместе с тем формируется тенденция незарегистрированных брачных союзов, что ведет к увеличению числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака. За 1989—2002 гг. доля таких детей увеличилась в 2,6 раза и составила 20 % от общего числа ежегодных рождений в республике (41 % из них зарегистрированы по совместному заявлению родителей).

В сравнении с мужчинами женщины чаще имеют статус разведенных и вдовых, что связано с низкой продолжительностью жизни мужчин. С 1991 г. увеличивается процент распада семей. Если количество зарегистрированных браков снизилось с 1990 по 2000 гг. в 1,2 раза, то число разводов за этот же период выросло в 1,1 раза. В Мордовии в 1992 г. на 1 тыс. населения приходилось 8,8 брака; в 2001—2002 гг. — 6,2, в 2003 — 7,1. В период 1989 — 2002 гг. в республике ежегодно расторгалось 4—5 тыс. браков (в 1989 г. — 2,4 тыс.), в результате 3—4 тыс. несовершеннолетних детей остались без одного из родителей. Учитывая меньшие возможности женщин на рынке труда, тем более в условиях, когда семейную и трудовую нагрузку трудно перераспределить между другими членами семьи, материнские неполные семьи вносят существенный вклад в процесс феминизации бедности. Домохозяйства, возглавляемые женщинами, чаще оказываются уязвимыми из-за слабых позиций на рынке труда. Эскалация негативных социально-экономических эффектов сказывается на брачном поведении, проявляющемся в увеличении сложных видов семей.

Динамика возраста рождения первого ребенка отражает увеличение возраста вступления в первый брак. Важное изменение связано с сужением возрастных границ деторождения, что особо отличает последнее десятилетие. Самый высокий возрастной коэффициент рождаемости в Мордовии в 2003 г. приходился на возраст 0—24 года — 93

и практически заканчивался в возрастной группе 30—34 года — 37.

К числу основных изменений в демографической структуре семьи относится уменьшение среднего числа детей в семье. В Республике Мордовия, как в целом и по России, преобладают семьи с 1—2 детьми. Ситуация с рождаемостью отражает происшедшие перемены в репродуктивном поведении российского населения. А.Е.Суринов отмечает, что «еще на рубеже 1980—1990-х гг., при общей тенденции к снижению уровня рождаемости, в репродуктивных ориентациях населения двухдетная модель семьи превалировала над однодетной, о чем свидетельствует и значение показателя суммарной рождаемости — около двух детей в среднем на одну женщину. В последующие годы происходило значительное снижение рождаемости, и в настоящее время суммарный показатель рождаемости практически вдвое ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения (2,14—2,15 родившихся детей в среднем на одну женщину в течение жизни)»[3]. Размер семьи городских и сельских жителей почти одинаков. Суммарный коэффициент рождаемости в 2003 г. составил 1,16 (среди городского населения 1,1 и 1,3 среди сельского). По прогнозам, к 2020 г. он будет составлять 1,12. В Мордовии с 1989 по 1990 гг. сокращение рождаемости приобрело устойчивый характер. В 1989 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,91, спустя 12 лет этот показатель стал в 1,5 раза меньше. Показатели рождаемости и браков в Приволжском федеральном округе отражают мировую тенденцию к малодетности, воспитанию и рождению одного ребенка, репрезентируют статистическую корреляцию — «чем старше популяция по среднему возрасту, тем выше процент городского населения (агломерация), тем ниже рождаемость, брачность, выше процент разводов, возраст вступления в брак и появления первого ребенка»[4].

Официальная версия российской социальной политики, закрепленная в программах и национальных концепциях, реализуемая в условиях данных тенденций, ориентирована на сохранение семьи и поднятие уровня рождаемости. Внешняя направленность социальной политики выстраивается в соответствии с прагматическими целями, но при этом не учитывает изменений в сфере гендерных отношений.

В основе социальных решений, предложенных на федеральном и региональном уровнях в рамках семейной политики, заложена гуманитарная идея повышения жизненных стандартов семьи и сохранения традиционного разделения труда между супругами. Однако практика воспроизводит обратные эффекты, выражающиеся в падении рождаемости, увеличении рождения детей вне брака, сокращении числа законных браков. Ключевым препятствием является игнорирование происходящих изменений в качестве и структуре гендерных отношений, которые сказываются на установках в отношении рождаемости и брачности как процесса, зависящего от индивидуальных решений женщин и мужчин. Наполнение гендерных отношений установками на самоактуализацию и самореализацию, новым «культурным содержанием» приводит к размыванию устоявшихся стереотипов и легитимно фиксируемых гендерных траекторий. Совершенно справедливо подмечает М.М.Малышева, что «вычленяя из жизни людей репродуктивного возраста фертильный период как нечто инструментально управляемое, разработчики социальной политики не смогли понять его «вкрапленности» в другие пласты жизни»[5]

Социально-демографическое развитие региона зависит от уровня здоровья. Его показатели включаются в индекс развития человеческого потенциала. Одним из интегральных показателей здоровья является ожидаемая продолжительность жизни населения. В России в последние десятилетия сложилось существенное гендерное неравенство по этому показателю. Увеличение смертности в большей степени затронуло мужчин среднего возраста по сравнению с женщинами и традиционно уязвимыми категориями населения, такими, как дети и пожилые люди. Показатель смертности мужчин в трудоспособном возрасте в Мордовии — 23 % от числа умерших. Согласно прогнозу, в России ожидаемая продолжительность жизни и в последующие десятилетия будет снижаться среди населения мужского пола. В Мордовии в 1994 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин 60 лет, у женщин — 73 года. Этот же уровень повторился в 2000 г. В 2001 г. он несколько повысился и составил 75 лет для женщин, проживающих в городе, 74 года — для проживающих в сельской местности, 61 год — для мужчин, про-

живающих в городе, и 60 — в сельской местности[6] При сохранении сложившегося половозрастного уровня смертности 40 % современных юношей, достигших 16 лет, не доживут до 60 лет. В 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении в среднем по республике у мужчин составила 59,9 лет, у женщин — 73,4 года. Тогда как биологически объясняемый разрыв в пользу женщин составляет около 5 лет. Столь существенные различия в продолжительности жизни женщин и мужчин усиливают гендерный разрыв, складывающийся в диспропорции уровня старения: доля мужчин в возрасте 60 лет и старше составляет 12 %, доля женщин той же возрастной группы — 21 %.

Чаще всего причиной смерти мужчин выступают сердечно-сосудистые болезни, заболевания системы кровообращения, несчастные случаи, в то время как причины смертности женщин — аутоиммунные и скелетно-мышечные болезни, а также депрессии. В мировой практике 1-е место среди причин смертности занимают болезни кровообращения (гипертоническая, ишемическая и т.д.), а на 2-м — новообразования. Это было характерно для России до 1993 г. Последнее десятилетие создало не имеющую аналогов структуру причин смертности, при которой на 2-е место после традиционных для всех развитых стран сердечно-сосудистых заболеваний и от новообразований «вышла смертность от несчастных случаев, насильственных причин смерти мужчин»[7]. При современном уровне развития медицинских технологий и способов организации жизненного пространства продолжительность жизни зависит в первую очередь от поведенческих факторов и стиля жизни.

Данные по Республике Мордовия соответствуют общероссийской тенденции. Количество несчастных случаев, отравлений и травм среди мужчин в 4,7 раза выше по сравнению с женщинами. Большой разрыв (в 2,9 раза) между женщинами и мужчинами наблюдается по классу болезней органов дыхания. Одной из причин этому — курение, которое, несмотря на его рост среди женщин, более свойственно мужчинам.

В тоже время ряд причин высокой смертности мужчин социально контролируемы и управляемы, что позволяет делать их объектом политики и рассматривать как устранимые. Среди таких причин следует выделить в первую

очередь заболевание туберкулезом и производственный травматизм. В силу масштабности пенитенциарной системы в Мордовии туберкулез занимает одно из лидирующих мест среди медико-социальных рисков. Гендерные диспропорции складываются за счет того, что большую часть заключенных и осужденных составляют мужчины, к данной категории «социального риска» следует отнести группы социального дна (бомжи, бродяги), среди которых распространение туберкулеза не встречает серьезного сопротивления.

Высокая смертность мужчин — результат комплексного воздействия ряда причин. В том числе различных социальных ролей, выполняемых женщинами и мужчинами, разной подверженности стрессу под воздействием экономических, социальных и политических факторов. Активное вовлечение мужчин в политическую и экономическую сферу оборачивается тем, что они в большей степени принимают на себя риски, связанные с деятельностью в этих сферах. Гендерная сегрегация на рынке труда также способствует тому, что мужчины выполняют те виды работ, которые несут высокий риск травматизма, смертности (армия, правоохранительные органы, водители, шахтеры и т.д.).

В большинстве стран мира продолжительность жизни женщин выше, чем у мужчин, находящихся в одинаковом социальном статусе. Однако различие географических условий и образа жизни женщин и мужчин не позволяет пользоваться сопоставлениями и сравнениями без оговорок. Качество здоровья, продолжительность жизни женщины и мужчины находятся в зависимости от территориальных и географических факторов. Эти условия нуждаются во внимательном рассмотрении в соответствии с задачами социальной политики по снижению уровня смертности населения и созданию предпосылок стабилизации показателей рождаемости. Концептуально фиксируемое единообразие в вопросах улучшения качества жизни россиян упирается в непреодолимый организационными средствами фактор — различие условий жизни города и села.

Таким образом, складывается сложная социальная картина гендерного неравенства. Мужчины живут с экономической точки зрения лучше, но значительно меньше. Женщины, наоборот, живут дольше, но уровень жизни,

Заказ № 6429

возможности реализации потребностей, влияющие на качество жизни, ниже. Структура социальных выигрышей и потерь оказывается зеркально симметричной по гендерным группам. Это не позволяет говорить об однозначных преимуществах положения какой-либо гендерной группы.

В современных условиях социальная политика должна оперировать показателем продолжительности здоровой жизни как ингредиентом здоровья, которое в равной мере важно и для женщин, и для мужчин, но у мужчин негативные воздействия чаще ведут к смерти, а у женщин — только к потере здоровья[8] Отсутствие превентивных социальных программ в сфере труда и занятости, экспертизы и контроля за условиями труда на производстве способствуют сохранению сверхвысокой смертности мужчин в трудоспособных возрастах и приводит к отрицательным последствиям для женщин. Сверхвысокая смертность мужчин увеличивает вероятность вдовства, сужает возможность повторных браков, способствует образованию неполных материнских семей. Неблагоприятное социально-экономическое положение женщин оказывается следствием низкого качества здоровья мужчин.

В настоящее время в мире существуют различные модели формирования навыков здорового образа жизни, преждевременного выявления и раннего предупреждения ситуаций риска. Процесс усовершенствования демографического поведения в целом возможен за счет выработки навыков самосохранительного поведения, способов приспособления, адаптации к окружающей среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Женщины и мужчины Республики Мордовия: краткий стат. сборник. Саранск, 2004. № 902. С. 13.

[2] Там же. С. 21—22.

[3] *Суринов А.Е.* Социально-экономическая ситуация в 1992—2000 гг.: воздействие на население // Мир России. 2001. № 2. С. 30.

[4] *Акопян А.С.* Демография и политика // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 42.

[5] *Малышева М.М.* Современный патриархат. Социально-экон. эссе. М., 2001. С. 211.

[6] Женщины и мужчины Республики Мордовия: краткий стат. сборник. Саранск, 2002. С. 12.

[7] *Меле Ф., Школьников В., Хертрши В., Вален Э.* От чего умирают в России и во Франции // Мир России. 1997. № 4. С. 13.

[8] *Андреев Е.М., Школьников В.М., Макки М.* Продолжительность здоровой жизни // Вопр. статистики. 2002. № 11. С. 16—21.

Поступила 17.10.2005.

Л.В.ГОТЧИНА

ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЕЖНОГО НАРКОТИЗМА В ОЦЕНКАХ СПЕЦИАЛИСТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Наркотизация современной молодежи превратилась в проблему дальнейшего существования российской цивилизации и культуры. В связи с этим назрела необходимость преподавания антинаркотических, профилактических спецкурсов в школах ссузах, вузах, поскольку именно молодежь составляет основной перспективный интеллектуальный потенциал общества. Их внедрение является одной из форм профилактических мер, входящих в состав социальных технологий, направленных на защиту социальной системы и устранение негативных процессов, связанных с наркотизмом.

Наркотизм представляет собой сложное биопсихосоциальное явление и рассматривается с позиций разных концептуальных подходов. Кроме собственно медицинских аспектов, являющихся предметом наркологии и психиатрии, наркотизм затрагивает самый широкий спектр социальных проблем — от отклоняющегося социального поведения до вопросов национальной безопасности. В связи с этим проблема контроля наркотизма, несмотря на длительную историю попыток ее решения специалистами и неизменный интерес к ней широкой общественности, остается чрезвычайно актуальной. В основе такого внимания лежит ряд причин, и прежде всего связанных с распространением наркотиков среди молодежи, что влечет за собой рост уровня противоправного поведения в современном российском обществе. Это непосредственно снижает интеллектуальный потенциал молодых кадров, получающих образова-

ГОТЧИНА Лариса Владимировна, старший преподаватель кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Белгородского юридического института МВД России, кандидат социологических наук.

ние в России, поэтому распространение наркотиков опасно для общества и в экономическом смысле, поскольку является одним из факторов, уменьшающих количество и ухудшающих качество трудовых ресурсов государства.

Контроль наркотизма в системе образования — одна из самых сложных в методологическом смысле проблем не только в России, но и в западных странах и связана прежде всего с преподаванием превентивных программ. Одной из самых известных превентивных школьных программ, используемых в настоящее время в развитых странах, является проект DARE (обучение сопротивлению употреблению наркотиков). Программа базируется на предпосылке, что школьников нужно учить распознавать опасность употребления опьяняющих веществ и сопротивляться косвенному и прямому принуждению употреблять наркотики. При сравнительно долгой истории программа имеет неоднозначные эффекты, ее результаты зачастую оказываются малоэффективными[1] Например, исследование, где изучалось потребление пяти основных психоактивных веществ (марихуаны, пива, вина, крепких спиртных напитков и сигарет) студентами, прошедшими этот курс, показало, что они увеличили потребление психоактивных веществ по всем пяти позициям уже через два года после прохождения курса, тогда как контрольная группа — только через три[2]

Исследования, проводимые в нашей стране, также демонстрируют неоднозначные эффекты существующей превентивной стратегии. Так, в структуре представлений школьников о наркотиках отмечено явление когнитивно-эмоционального диссонанса. Однако отрицательное отношение к наркотикам и наркомании не мешает молодежи пробовать опьяняющие вещества в провоцирующих ситуациях. Причину этого ряд ученых видит в недостатках существующей системы антинаркотической пропаганды, ее несоответствия подростковой субкультуре. По мнению С.И.Левиковой, молодежная субкультура, формирующаяся под воздействием ряда социальных факторов, пополняет ряды лиц, причастных к наркотикам[3] В связи с этим сегодня необходимо ввести в систему российского образования профессиональные профилактические спецкурсы в рамках преподавания дисциплины «Социология».

Опыт такого преподавания в России уже есть, однако его эффективность низка. Причины этого разные: от рассогласований наиболее важных установок у специалистов по работе с молодежью до рассогласований у родителей и подростков. Так, результаты проведенного нами в 2005 г. социологического исследования «Управление процессом профилактики молодежного наркотизма» для определения степени распространения наркотизма в регионе, его причин и факторов, критериев оценки эффективности проводимой профилактической работы, применяемых методов диагностики рисков в профилактике наркотизма подтвердили существующие рассогласования наиболее важных установок у педагогов. Специалисты, занимающиеся профилактикой наркотизма в образовательной среде, по-разному полагают, чем является употребление наркотических средств и токсических веществ (табл. 1).

Таблица 1

Как должно оцениваться употребление наркотических средств и токсических веществ?, %

Вариант ответа	Категория						
	вуз	ссуз	школа областного центра	школа районного центра	школа малого города	сельская школа	вся выборка
Болезнь	61,83	47,25	44,84	53,25	59,02	64,29	53,18
Преступное деяние	24,92	31,87	33,68	25,97	32,79	25,40	29,64
Административное правонарушение	2,52	9,89	4,21	2,60	0,00	3,97	3,84
Мода	2,21	4,40	1,26	2,60	1,64	0,00	1,74
Развлечение	1,58	0,00	6,53	14,29	1,64	3,97	4,62
Обычай	0,00	0,00	0,21	0,00	1,64	0,00	0,17
Затрудняюсь ответить	4,42	3,30	6,32	1,30	1,64	0,79	4,36
Вид социально-психологической девиации	0,00	2,20	0,00	0,00	0,00	0,00	0,17

Социологическое исследование проводилось в трех регионах Центрального федерального округа России (Белгородская, Костромская и Липецкая области). Нами опрашивались преподаватели вузов, ссузов, учителя школ областного, районного центров, малого города, сельской школы. Число анкетируемых специалистов отобрано пропорционально общей численности преподавателей и учителей в регионах и составляет 10—15 % специалистов каждой категории.

Анализируя полученные данные, к сожалению, следует констатировать, что выявленная нами в 2002 г. при проведении социологического исследования «Профилактика наркомании и токсикомании как фактор повышения качества жизни белгородской молодежи»[1] проблема отрицательного отношения специалистов к объекту своего профилактического воздействия сохранилась. Так, 32,87 % специалистов Белгородской, Липецкой, Костромской областей заявили о своем резко отрицательном отношении к наркоманам (табл. 2).

Таблица 2

Как Вы относитесь к тем, кто употребляет наркотики?, %

Вариант ответа	Категория						
	вуз	ссуз	школа областного центра	школа районного центра	школа малого города	сельская школа	вся выборка
Отношусь к ним нормально, не выделяю их из числа других людей	1,58	9,89	2,74	6,49	0,00	0,79	2,88
Не сталкивался с ними	13,56	16,48	30,74	11,69	27,87	46,83	25,20
Равнодушно	10,09	10,99	8,63	5,19	0,00	4,76	8,11
Резко отрицательно	35,65	31,87	30,11	31,17	42,62	33,33	32,87
Считаю, что это больные люди и сочувствую им	29,97	23,08	16,21	31,17	19,67	12,70	21,36
Пытаюсь им помочь	5,05	5,49	6,11	11,69	6,56	1,59	5,67
Затрудняюсь ответить	2,52	2,20	2,95	1,30	0,00	0,00	2,18

С одной стороны, резко отрицательное отношение к наркоманам естественно: их образ жизни и поведение противоречат ценностным ориентациям и традициям старшего поколения. Кроме того, взрослые лучше, чем молодежь, представляют себе последствия наркомании. Но, с другой стороны, *резкое неприятие объекта своей работы с неизбежностью создает между ним и субъектом коммуникативные барьеры*. В профилактике наркомании такие барьеры не способствуют успеху и в известной мере говорят о недостаточном профессионализме работников. Мы полагаем, что это обстоятельство еще раз подтверждает мысль, согласно которой профилактикой наркотизма в основном занимаются пока непрофессионалы. При всем их энтузиазме во многих случаях эти качества не могут компенсировать специальных умений и навыков. К тому же здесь

возникает еще одно противоречие: если, по мнению большинства участников опроса, наркомания — болезнь (53,18 %), то разумно ли отрицательно относиться к больным людям, требующим помощи и поддержки?

Рассматриваемое распределение ответов интересно и некоторыми другими аспектами. Во-первых, доля сочувствующих наркоманам снизилась до 21,36 % по сравнению с 2002 г. (37,80 %), что не вселяет оптимизма относительно поиска конструктивных форм взаимодействия в ходе профилактической деятельности. Во-вторых, почти 25,20 % педагогов не сталкивались с наркоманами, т.е. не знакомы с объектом антинаркотического профилактического воздействия. Для данной категории работников это очень высокий показатель, учитывая то, что 23,63 % опрошенных признали присутствие в учебных заведениях лиц, употребляющих наркотики (табл. 3).

Таблица 3

Есть ли в Вашем учебном заведении лица, употребляющие наркотики?, %

Вариант ответа	Категория						
	вуз	ссуз	школа областного центра	школа районного центра	школа малого города	сельская школа	вся выборка
Да	39,75	31,87	19,37	14,29	14,75	3,17	23,63
Нет	8,52	21,98	24,00	31,17	16,39	55,56	23,10
Затрудняюсь ответить	46,37	40,66	53,47	45,45	63,93	36,51	48,65
Нет данных	5,36	5,49	3,16	9,09	4,92	4,76	4,62

Незнание наркоманов, обучающихся в учебных заведениях, специалистами объяснимо ответами на вопрос: «Можете ли Вы уверенно распознать внешние признаки наркотического (токсического) опьянения?» (табл. 4). К сожалению, только 37,23 % учителей дали утвердительный ответ, т.е. большая часть специалистов неспособна диагностировать наркотическое (токсическое) опьянение. Таким образом, недостаток профессиональных навыков у специалистов, работающих с молодежью, сохраняется, а педагоги являются именно той категорией специалистов, которые первыми сталкиваются с наркозависимостью обучаемых. Их непрофессионализм проявляется в чисто практической сфере и связан не только с отсутствием необходи-

мых научно-теоретических знаний, но и с недостаточным опытом работы. Более того, результаты исследования показали, что самый высокий процент респондентов, ответивших положительно на этот вопрос, оказался у преподавателей вузов, самый низкий — у учителей школ. А ведь именно там 10-летние дети знакомятся с наркотиками. Подготовленность специалистов школ, занимающихся антинаркотической профилактической работой, не соответствует реальным потребностям общества в профессиональных педагогических кадрах, одним из направлений деятельности которых сегодня является профилактика наркотизма.

Таблица 4

Можете ли Вы уверенно распознать внешние признаки наркотического (токсического) опьянения?, %

Вариант ответа	Категория						
	вуз	ссуз	школа областного центра	школа районного центра	школа малого города	сельская школа	вся выборка
Да	57,41	48,35	28,84	27,27	39,34	15,08	37,23
Нет	23,97	32,97	34,95	19,48	18,03	51,59	31,65
Затрудняюсь ответить	17,67	17,58	33,89	44,16	37,70	25,40	28,07
Нет данных по переменной	0,95	1,10	2,32	9,09	4,92	7,94	3,05

Кроме того, настораживает выявленная равнодушная установка специалистов к наркоманам (8,11 %) и, конечно же, не вселяет надежды на поиск ими конструктивных форм взаимодействия в ходе профилактической деятельности. Для выделения субъектов профилактики наркотизма был сформулирован вопрос «Кто, по Вашему мнению, в первую очередь должен заниматься и кто реально занимается предупреждением наркотизма?». Респондентам предлагалось выбрать не более 3-х вариантов ответов (табл. 5).

Среди трех ведущих субъектов антинаркотической профилактики, которые должны заниматься предупреждением наркотизма, преподаватели и учителя выделили семью (80,56 %), учреждения здравоохранения (45,16 %), органы образования (30,78 %). Реально занимаются предупреждением наркотизма, по их мнению, семья (55,45 %), органы образования (30,78 %), учреждения здравоохранения (27,38 %).

Таблица 5

Кто, по Вашему мнению, в первую очередь должен заниматься и кто реально занимается предупреждением наркотизма?, %

Вариант ответа	Должен заниматься	Реально занимается
Родители, родственники (семья)	80,56	55,45
Органы государственной власти	37,23	9,94
Учреждения здравоохранения	45,16	27,38
Силовые структуры	27,03	20,66
Социальные службы	15,61	10,11
Органы образования	30,78	30,25
Общественные организации	8,54	8,46
Церковь	8,02	8,37
Затрудняюсь ответить	0,52	3,57
Никто		0,61
Нет данных по переменной	4,53	22,06

Социальные службы в качестве субъекта профилактической деятельности назвали 10,11 %. Это мнение довольно точно отражает сложившуюся в стране позицию, при которой профилактика молодежного наркотизма рассматривается либо как образовательная задача, либо как лечебная деятельность (напомним, что многие специалисты и молодые люди называют наркоманию болезнью). Однако при всей очевидности причин такого подхода мы полагаем, что он не адекватен сложившемуся положению. Дальнейшее следование ему не способно решительно изменить ситуацию. Это подтверждается динамикой наркоситуации в стране и в исследуемых регионах Центрального федерального округа. По нашему убеждению, главным направлением эволюции системы профилактики в настоящее время должен стать переход от административно-репрессивной, просветительской и лечебно-профилактической деятельности к социальной работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Research Council on Ethropsychology, DARE Research Fact Sheet, provided to News Briefs. January, 1993.

[2] См.: An Outcome Evaluation of Project DARE / C.Ringwalt, S.Ennett, K.Holt, Center for Social Research and Policy Analysis, research Triangle Institute, 2001.

[3] См.: *Левичева С.И.* Молодежная культура. М., 2002. С. 34.

Поступила 09.09.2005.

Н.И.ЛОВЦОВА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Усиливающаяся тенденция к модернизации семьи, вариабельности ее форм и состава диктует необходимость переосмысления роли и функций семьи в обществе, а также создания новых механизмов и принципов государственной семейной политики. Эти изменения в сочетании с культурным разнообразием, плюрализацией жизненных стилей, особенностями взаимодействия с внешним миром обусловили возникновение различных моделей семьи[1] Постепенный отход от традиционной патриархальной модели социальной организации родственных связей заставил многих исследователей и политиков говорить о кризисе семьи[2] и даже об ее исчезновении как социального института[3] Именно этим были обусловлены рост внимания к проблемам семьи на самом высоком уровне, артикуляция необходимости создания и реализации эффективной социальной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Дискурс кризиса семьи, как представляется, в наибольшей степени связан с воспроизводством функционального подхода к семье[4] Стремление усилить семью в исполнении традиционных экономических и социализирующих функций — задача современной социальной политики. К примеру, Национальный план действий в интересах детей «Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года» делает акцент на необходимости поддержки семьи как «естественной среды развития детей» путем обеспечения экономическими, социальными, правовыми и административными мерами прав детей на жизнь в семье; поддержку возможностей семьи по воспитанию и содержанию детей; улучшение семейного образа жизни.

ЛОВЦОВА Наталия Игоревна, доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, кандидат социологических наук.

Это предполагает развитие семьи на основе самообеспечения, стимулирования роста реальных доходов семьи, а также дальнейшее развитие системы основных социальных гарантий для семей с детьми. Тем самым семье, с одной стороны, делегируется большая самостоятельность и ответственность, а с другой — создается недостаточно условий для реализации этой самостоятельности.

Широкое определение семейной политики подразумевает деятельность государства в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты, охраны окружающей среды, занятости, налоговой политики, транспорта, строительства, жилищно-коммунальной сферы, что непосредственно или косвенным образом влияет на состояние жизни семей. Сюда же включаются меры, целью которых является поддержка семей с несовершеннолетними детьми (выплаты и пособия, налоговые льготы); обеспечение льготами работников, имеющих родительские обязанности (пособия по уходу за ребенком, больничные листы, декретный отпуск); создание системы дневного пребывания ребенка (детские сады, ясли, группы продленного дня, секции и кружки, летние лагеря); другие службы и льготы для семей с детьми в сфере социальной защиты, образования, жилищной политики, здравоохранения; законодательство, непосредственно нацеленное на семью (в том числе фиксирующее усыновление, разводы).

Подходы известных отечественных авторов к определению семейной политики в большей степени определяют направленность целей семейной политики на поддержку того типа семьи, который, по мнению А.И.Антонова, «полезен» для общества, на «тот основной тип, который конституирует собственно семью, успешно выполняющую специфические функции, в том числе, например, по рождению и социализации детей»[5]. Полезность семьи для общества подчеркивается также и в определении семейной политики, трактуемым Е.Холостовой как «комплекс практических мер, представляющих семьям с детьми определенные социальные гарантии, цель которых — улучшить благосостояние и обеспечить функционирование семьи в интересах общества»[6]. Подобная дискуссия продолжается и за рубежом, однако фокус семейной политики все больше

смещается в сторону заботы о благополучии всех типов семей вне зависимости от их функциональности. Р.Титмус определяет семейную политику как совокупность принципов, регулирующих деятельность государственных и негосударственных агентов, которая направлена на обеспечение благосостояния семьи, минимального уровня доходов и реализацию прогрессивного перераспределения ресурсов таким образом, чтобы добиться развития общества для реализации принципа социальной солидарности[7] В зависимости от направленности семейной политики и степени ответственности, принимаемой государством для семейного благополучия, Л.Хантрайнз и Л.Ф.Хардинг выделяют три типа семейной политики: эксплицитная, имплицитная и негативная.

Эксплицитная семейная политика регулирует меры, нацеленные на семью и делающие акцент на социальную защиту в решении широкого ряда проблем семьи, основанной на принципе перераспределения, с высоким уровнем социально-политического контроля за ее состоянием.

Имплицитная семейная политика принимает во внимание проблемы семьи, но при этом отдельная сфера семейной политики не создается. Предпринимаемые меры достаточно избирательны.

Негативная семейная политика отвергает вмешательство в дела семьи, чем обосновывается отсутствие семейной политики, в то же время предпринимаются действия, которые в значительной степени влияют на семью[8].

Признание семьи в качестве центра общественной системы, структурного базисного образования российского общества, характеризует эксплицитную направленность семейной политики, декларируемую как на федеральном, так и региональном уровнях. В то же время сфокусированность мероприятий реализации семейной политики на «специфических проблемах семьи, связанных с реализацией ее основных социальных функций»[9] (репродуктивной, экономической, жизнеохранительной, воспитательной), а также на обеспечении социальной защиты отдельных, наиболее уязвимых групп населения свидетельствует об избирательности, имплицитности деятельности субъектов семейной политики.

В связи с этим для анализа региональной семейной политики важными представляются: во-первых, из множества проблем семьи, как свидетельствует исследование, проведенное в 2004 г. в Саратовской области, наиболее существенна — экономическая[10]. Ослабление же репродуктивной и социализирующей функций семьи вызывает озабоченность в большей степени на государственном уровне в связи с ухудшением демографической ситуации в стране[11] Во-вторых, эксплицитная семейная политика не ограничивается лишь социальной защитой семей, а также отдельных групп населения, находящихся в особо сложных жизненных обстоятельствах. Социальная защита представляет собой лишь одно из направлений семейной политики и играет вспомогательную роль. Отказ от принципа патернализма в отношениях между семьей и государством предполагает разработку и внедрение в программу мер по реализации семейной политики адаптационных механизмов, активизирующих возможности семьи выступать в качестве не столько объекта, сколько субъекта семейной политики. Фиксация же основных направлений государственной и региональной семейной политики на «проблемных» семьях не позволяет обеспечить комплексный подход в содействии благополучию семьи и соблюдению ее интересов.

Еще одним аспектом несоответствия идеологической декларации и практик реализации семейной политики является признание многообразия форм семьи и брака, а также определение семейной политики как «комплекса практических мер, предоставляемых семьям с детьми», что демонстрирует предпочтение государством традиционной формы семьи, призванной исполнить репродуктивную и социализирующую функции в интересах общества[12]

Вопрос вычленения детской политики в качестве самостоятельной сферы имеет несколько аспектов: определение статуса ребенка в современном обществе, роли и условий его существования в обществе, отношения к нему семьи и государства. В связи с тем, какие меры социальной политики в сфере охраны детства являются приоритетными, и насколько учитывается голос ребенка в принятии того или иного решения, мы видим, каким образом дети воспринимаются агентами социальной политики.

В современной России дети не считаются полностью ответственными за самих себя индивидами. Проявления детской самостоятельности в различных формах, в том числе их участие в теневой экономике и нелегальной деятельности (детский труд, отказ от образования, участие в военных действиях, бродяжничество, криминальная активность), трактуются миром взрослых как острейшие проблемы, возникающие в результате ослабления социализирующей функции семьи и требующие немедленного вмешательства. Особый статус детства в государстве закреплен законами, которые с течением времени пересматриваются в зависимости от изменяющегося содержания понятия детства. При этом именно семье делегируется ответственность за воспроизводство полезного населения, а также обеспечивается полная подконтрольность семьи государству[13]

Подобное отношение государства к семье в постсоветской России стимулировало гражданское непризнание государства вследствие идеологического и политического пренебрежения ценностью самостоятельности семьи в советский период. Воспроизводство бенефициарных ожиданий (льгот) у значительной части населения в переходе к рынку, повышение значимости приватной сферы в системе ценностей современных россиян способствуют все большему отчуждению семьи от государства, о чем свидетельствуют данные ряда исследований, проведенных в Саратовской области[14] С этих позиций одной из наиболее важных задач региональных органов исполнительной власти в сфере охраны детства и семейной политики выступают накопление социального капитала органами социальной защиты, рост доверия со стороны населения, усматривающего роль государства в обеспечении льгот и заботы о материальном благополучии.

Практически на всех уровнях исполнительной и законодательной власти время от времени раздается призыв: «Нам что-то нужно делать с семьей!» Однако до настоящего времени проблемы семьи двусмысленно воспринимаются на местном уровне: с одной стороны, власти понимают необходимость сохранения и поддержания семьи как социального института, с другой — существуют препят-

ствия правового свойства и недостаток ресурсов для осуществления вмешательства в жизнь семьи. Такое положение дел, как представляется, отражает противоречие между приверженностью к функционалистской идеологии, влияющей на принятие решений в семейной политике, и необходимостью признания факта изменчивости форм семьи и утраты механизмов социального контроля над приватной жизнью населения.

В настоящее время внимание региональной социальной политики в большей степени приходится не на семью, а на такие группы населения, как престарелые, инвалиды, безработные. Внимание также уделяется детям, по той или иной причине лишенным семейного окружения (сиротство или так называемое «социальное сиротство», т.е. отсутствие родительской заботы при живых родителях, «отказные» дети). Проблемы семьи, включающие целый спектр отношений (супружеские, родительские, отношения между поколениями), попадают в поле зрения государственных социальных служб только в том случае, если они начинают представлять опасность для того или иного члена семьи, либо финансовое положение семьи квалифицируется как неудовлетворительное.

Принятая в 2000 г. Концепция семейной политики Саратовской области переосмысливает подходы к решению проблем семьи и детей. Она представляет собой систему целей, принципов и механизмов содействия основным процессам жизнедеятельности семьи, создания условий для ее нормального функционирования. Необходимость разработки концепции семейной политики обусловлена еще и необходимостью координации деятельности различных министерств и ведомств, деятельность которых прямо или косвенно способствует (или препятствует) решению проблем семьи.

Кроме того, ответственность за обеспечение служб, оказывающих услуги семье, разделяется с неправительственными организациями, финансируемыми за счет отечественных и зарубежных фондов. Таким образом, в существующей системе семейной политики семья с ее проблемами не воспринимается как единое целое: ответственность за различные стороны семейного функционирования распределена между большим числом агентов, что создает

трудности как для семьи в получении помощи со стороны государства и местных властей, так и для властей при координации усилий осуществления поддержки.

Концепция семейной политики Саратовской области основана на принципиально новых положениях, касающихся функциональной сущности семьи в обществе. Реализация ее положений осуществляется на основе экспертных опросов, анализа результатов мониторинговых исследований, сравнения государственных моделей семейной политики. Наибольшее значение это имеет для получения точных данных относительно материального благополучия детей и семьи, уровня безработицы. При усложнении системы социального обеспечения, ориентации ее на оказание адресной помощи при распределении льгот, усложняется и проведение обследований в этой области. Для обеспечения эффективной работы по нейтрализации таких негативных проблем, как наркомания, проституция, наихудшие формы детского труда, бродяжничество, алкоголизм и токсикомания также необходимы тщательно спланированные и квалифицированно проводимые исследования, поскольку официальная статистика не отражает в полной мере ситуацию, а получение достоверных данных затруднено в силу скрытого характера перечисленных выше проблем.

Система мероприятий по реализации Концепции семейной политики, разработанная Министерством труда и социального развития области в 2000 г., как оказалось, не может в полной мере отвечать ее приоритетам. Распределение финансирования в области, к сожалению, отражает общероссийскую тенденцию, когда социальным аспектам преобразований уделяется недостаточное внимание, а социальная политика, направленная на смягчение проблем семьи и более полное удовлетворение семейных потребностей, воспринимается как второстепенная задача по сравнению с экономическими аспектами функционирования общества. Так, например, *совершенствование системы выплаты детских пособий* декларируется в программе мероприятий в качестве меры, направленной на *стимулирование рождаемости*. С нашей точки зрения, причины «малодетности» семей более фундаментальны, и решение проблемы сокращения численности населения с помощью

пособий и льгот невозможно. Создание же прочих условий, например, совершенствование жилищной политики, в предлагаемой программе не предусмотрено вообще.

Совершенствование законодательной базы семейной политики, предполагающее нормативно-правовое регулирование вопросов социальной защищенности семьи и детей, безусловно, является необходимым условием эффективности мер семейной политики, однако на этом пути существует несколько проблем. Так, различные министерства и ведомства предлагают на обсуждение в законодательный орган области различные правовые документы, которые, к сожалению, не всегда проходят соответствующую экспертизу. В результате велика вероятность утверждения документов дискриминационного плана, не учитывающих глубину проблемы и характер влияния, которое может оказать принимаемое решение на феномены, сопровождающие ту или иную проблему. В 2001 г. нами рецензировался проект Муниципальной целевой программы развития наркологической службы г. Саратова на 2001—2005 гг. В указанном проекте предлагалось ввести «практику ответственности за совершение действий, наносящих ущерб собственному здоровью (употребление наркотиков, алкоголя). В случае несовершеннолетия нарушителя уголовную ответственность должны нести его/ее родители». Содержание программы свидетельствует о подходе к решению проблемы жесткими методами, о чем свидетельствует употребление таких оборотов, как «личная ответственность граждан при наркологических заболеваниях», «насаждение культа здоровья», «межведомственная комиссия как авторитарный орган». Использование репрессивных методов работы с данной категорией населения, как показывает отечественный и зарубежный опыт, приводит лишь к росту числа людей, испытывающих зависимость от психоактивных веществ (алкоголь и наркотики), а также повышает уровень преступности в обществе. В связи с этим введение практики квалифицированной экспертизы выдвигаемых законопроектов, норм и программ, регламентирующих социальные инновации, должно стать первоочередной задачей, что не нашло отражения в предлагаемой Программе.

Улучшения материальных условий жизнедеятельности семьи и поддержки малоимущих семей планируется достичь в основном через совершенствование политики занятости, выплату пособий и решение демографических проблем. Безусловно, демографическая ситуация в Саратовской области, как и в целом по России, тревожна. Негативные демографические тенденции зависят от множества факторов, но контекст предлагаемых мероприятий таков, что улучшение демографической ситуации может произойти за счет повышения уровня благосостояния семьи, благодаря получению семьей пособий и льгот, хотя, как известно, показатели материального благополучия и уровня рождаемости не напрямую и не всегда коррелируют между собой. Мировой опыт показывает, что многие страны с высоким уровнем жизни характеризуются низким уровнем рождаемости.

Меры по охране репродуктивного здоровья населения, материнства, отцовства, детства предполагают создание благоприятных условий для рождения и воспитания здоровых детей путем витаминизации беременных, а также обеспечения бесплатного проезда беременных из сельской местности в женскую консультацию. Совершенствование деятельности медицинских учреждений также должно способствовать созданию благоприятных условий для рождения здоровых детей, однако Программа не конкретизирует направленность такого совершенствования; мероприятия, планируемые для профилактики и лечения наркомании и алкоголизма, носят ограниченный характер и не соответствуют масштабу проблемы.

К сожалению, в программе мер по реализации семейной политики не нашли отражение такие важные элементы, как образовательная политика; действия, планируемые для улучшения системы дошкольного образования; политика в сфере здравоохранения, связанная не только с проблемами репродуктивного здоровья; жилищная политика. Предлагаемая Программа ориентирована на решение проблем, существующих «здесь и сейчас», а ориентация на превентивную работу представлена недостаточно. Именно в таком подходе коренится ограниченность мер социальной политики. При акценте на видимые аспекты той или иной

проблемы вне поля внимания, а следовательно, и практической деятельности, остается пласт причин, сохранение которых будет воспроизводить проблему вновь и вновь. Безусловно, профилактические программы в регионе существуют. Благодаря финансированию таких программ зарубежными фондами в регионе реализуются образовательные и информационные инициативы, организуются консультативные центры, а также дневные стационары в помощь подросткам, столкнувшимся с той или иной проблемой. К сожалению, местный бюджет в большинстве случаев не оказывает материальной поддержки дальнейшему развитию этих программ, даже доказавших свою состоятельность и продемонстрировавших преимущество перед другими, в том числе бюджетно-финансируемыми видами деятельности.

Анализ положения семьи и детей, а также обзор деятельности имеющихся социальных служб позволили выявить наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются семьи Саратовской области. Среди них, как и в целом по России, наиболее острыми являются бедность, жилищные проблемы, сокращение рождаемости, ухудшающееся качество дошкольного и школьного образования, детская инвалидность и сиротство (в том числе социальное), распространение ВИЧ-инфекции и наркомании, особенно среди подростков и молодежи, рост детской и подростковой преступности, низкая доступность квалифицированной социальной поддержки в сельской местности[15].

О неэффективности многих мер реализации семейной политики свидетельствует сравнительный анализ данных, характеризующих положение семьи и детей. За первый год осуществления новой семейной политики в Саратовской области не удалось не только остановить, но даже замедлить темпы углубления негативных тенденций. За 10 лет (1993—2003 гг.) резко сократилась численность детей в возрасте 0—6 лет (почти на 50 %), при уменьшении общего числа рождений продолжается рост внебрачной рождаемости: если в 1988 г. детей, родившихся вне зарегистрированного брака, в общем числе родившихся было 10,2 %, то в 2003г. — 15,5 %. О недостаточности мер по развитию сферы семейного досуга для поддержания стабильно-

сти семьи свидетельствует также статистика разводов: на 1 тыс. заключенных браков в 1999 г. пришлось 547, в 2000 г. — 662 развода. В 2003 г. уровень разводимости превысил 77 % и составил 13 877 расторгнутых браков на 18 027 заключенных. При этом более 60 % разводов приходится на семьи с детьми. Совершенствование системы адресной помощи населению и выплаты пособий как меры, содействующей снижению уровня бедности, также не позволило повысить уровень жизни семьи. В 2003 г. в Саратовской области численность населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, снизилась до 27,18 % (в 2002 г. — 31,93 %, в 2001 г. — 33,4, в 2000 г. — 30,1 %). За последние три года наметилась устойчивая тенденция к увеличению числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: в 1998 г. зарегистрировано 2 072 ребенка, в 1999 г. — 2 153, в 2000 г. — 2 238, в 2001 г. — 2 472, в 2003 г. — 2 411 чел. При этом уровень усыновления остается стабильно низким и составил в 2003 г. — 9 %, в 2002 г. — 9,8 %)[16]

Такого рода противоречия поднимают множество вопросов, которые не нашли отражения ни в современной российской концепции семейной политики, ни в программе мероприятий по реализации региональной семейной политики. Отсутствие четко определенных социальных стандартов оценки качества жизни населения и эффективности мер, предпринимаемых субъектами социальной политики, несовершенство терминологии и ограниченность сложившегося в системе социальной политики определения семьи как получателя социальной помощи создает трудности идентификации тех, на кого эта помощь могла бы распространяться.

Во многом предлагаемые мероприятия только подразумеваются, вступая тем самым в противоречие с самой концепцией семейной политики. Таким образом, «новое качество партнерских отношений семьи и государства»[17], провозглашенные Концепцией семейной политики, не нашли практического воплощения, поскольку во многом предлагаемые мероприятия отражают потребности и возможности субъектов семейной политики, среди которых сама семья представлена недостаточно. Усиление государ-

ственной семейной политики сопровождается расширением и углублением воздействия государства на семью, однако механизмов, обеспечивающих правовые гарантии суверенитета семьи, так и не было предложено, что не позволяет говорить о балансе семейных и общественных интересов. С другой стороны, привлечение внимания к проблемам семьи, усовершенствование терминологии, признание многообразия форм семьи, попытки учета особенностей социального положения, интересов семьи, родителей и детей, координация усилий различных министерств и ведомств области по обеспечению благополучия семьи являются основой создания эффективной семейной политики, построенной на балансе интересов личности, семьи и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Дементьева И.Ф.* Первые годы брака. Проблемы становления молодой семьи. М., 1991.

[2] См., напр.: *Арутюнян М.Ю.* Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами / Семья и социальная структура. М., 1997; *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998; *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. 1992. № 2, 3. С. 6—18.

[3] См.: Социальный потенциал семьи. М., 1988.

[4] См.: *Ярская-Смирнова Е.Р.* Проблематизация семьи в социологии // Рубеж. 1998. №12. С. 71—87.

[5] См.: *Антонов А.И.* Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995. С. 183—184.

[6] См.: *Холостова Е.И.* Социальная политика. М., 2000. С. 211.

[7] Цит. по: *Hantrais L., Letablier M.-T.* Families and Family Policies in Europe. London; New York, 1998. P. 45.

[8] См.: *Hantrais L.* Social policy in the European Union. London; New York, 1995.

[9] *Холостова Е.И.* Социальная политика. М., 2000. С. 212—214.

[10] См.: Демографические процессы в современном обществе: практика и политика / Под ред. П.Романова. Саратов, 2005.

[11] См.: *Кукушкин М.А.* Конфликт в семье как проблема социализации индивида / Защита интересов семьи и прав несовершеннолетних. Самара; Саратов, 2000; *Ловцова Н.И.* Положение детей и семейная политика Саратовской области: возможно ли снижение социального неравенства?

Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов, 2001. С. 44—49.

[12] См.: Об Основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ № 712 от 14 мая 1996 г.; *Холостова Е.И.* Социальная политика. М., 2000. С. 211.

[13] См.: *Foucault M.* The Politics of Health in the Eighteenth Century // Power knowledge: Selected Interviews and other writings 1972—1977 by Michel Foucault / Ed. by C.Gordon. New York, 1980.

[14] См.: *Ловцова Н., Романов П.* Оценка эффективности демографической и семейной политики с точки зрения ключевых субъектов деятельности / Демографические процессы в современном обществе: практика и политика / Под ред. П.Романова. Саратов, 2005. С. 145—200.

[15] Там же.

[16] См.: Семья, женщины и дети Саратовской области: Стат. сб. Саратов, 2004.

[17] См.: Концепция семейной политики Саратовской области. Саратов, 2000.

Поступила 30.09.2005.

Т.Я.СИЛЬВЕСТРОВА

МЕСТО И РОЛЬ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Укрепление государственности без повышения уровня и качества удовлетворения потребностей населения невозможно. Именно такой подход ассоциируется у населения с позитивными результатами социально-экономической политики государства, а для экономистов означает сглаживание неравномерности социально-экономического развития регионов, разрешение негативных социальных последствий рыночных реформ.

Материально-технической, а в определенной степени и экономической базой удовлетворения потребностей населения региона является прежде всего сфера социальных услуг, ибо она предоставляет те виды нематериальных потребительских услуг, которые обеспечивают поддержание и дальнейшее развитие общества. Потребители этих услуг — население в целом и юридические лица. Однако, рассматривая роль социальной сферы в системе воспроизводства, можно считать, что социальными услугами являются только те, которые удовлетворяют потребности населения в социальном обеспечении.

Сфера социальных услуг региона формируется под влиянием социально-экономической, природно-географической, социально-демографической и национально-культурной специфики региона. Особенности Чувашской Республики: отсутствие благоприятной географической среды; богатых полезных ископаемых; удовлетворительные климатические условия развития сельского хозяйства; территория в 18,3 тыс. км для развития промышленности, строительства, торговли; высокая плотность населения с преобладанием титульного этноса, городского трудоспособного жен-

---

СИЛЬВЕСТРОВА Тамара Яковлевна, доцент кафедры налогов и налогообложения Чебоксарского кооперативного института, кандидат экономических наук.

ского населения, невысоким образовательным и профессиональным уровнем молодежи. Учитывая эти особенности, социальные услуги в данном регионе предоставляются государством, либо альтернативными, т.е. негосударственными учреждениями, предприятиями, организациями бесплатно или на льготной основе, или за плату на рыночной основе.

Поскольку любое государство для воспроизводства нуждается в удовлетворении потребностей по социальному устройству общества, то оно и основной производитель социальных услуг, что проявляется в возрастании бюджетных расходов на их оказание. Так, если в общей сумме расходов бюджета Республики Чувашия доля расходов на оказание социальных услуг в 1996 г. была 21,8 %, то в 2000 г. — 25,9 %, а по плану бюджета 2005 г. она составляет около 30 %[1] В структуре расходов на услуги, удовлетворяющие потребности населения, основной удельный вес приходится на социальную политику. Однако, если в 1996 г. на эту статью бюджета выделялось в республике 34,8 %, то в 2000 г. показатель сократился до 25 %, а по плану бюджета 2005 г. был определен в размере 21,5 %. Значительна доля расходов и на здравоохранение, образование и правоохранительную деятельность. При этом доля средств на образование и здравоохранение в динамике сокращается, хотя абсолютно возрастает. Вместе с тем резко возросли расходы на государственное управление: с 1996 г. по 2004 г. — почти в 5 раз. Резко снизились расходы на социальные услуги предпринимателям и малому бизнесу; с 1996 г. по 2000 г. они сократились в 12 раз и вплоть до 2005 г. сохранялись на данном уровне.

С помощью социальных услуг государство в условиях социально ориентированной рыночной экономики формирует социальную структуру общества, социальное пространство как форму бытия; создает условия развития гражданского общества; устраняет противоречия между свободой и социальной несправедливостью по отношению к бедным, необоснованную дифференциацию населения по уровню получаемых доходов в форме их перераспределения.

При этом в решении проблемы неравенства существуют два подхода: представители первого признают необходимость равного распределения доходов; сторонники второго

считают, что рынок предполагает неравенство и бороться следует против равенства, ибо оно снижает стимулы трудовой деятельности, инвестиций, риска. Думается, что и в первом и во втором подходах имеются рациональные зерна. В частности, представители первого идут от понятия социальной справедливости, подразумевая под ним не фактическое, а формальное равенство. Они хотят только что созданный прибавочный продукт распределить немедленно и накормить всех, как Иисус Христос накормил всех пятью хлебцами. Это позиция социализма, который не состоялся не только в Советском Союзе, но и бывших странах социалистического содружества.

С точки зрения второго подхода, такая система распределения вновь созданного материального продукта в условиях расширенного воспроизводства не только несостоятельна, но и глубоко ошибочна. Поскольку дальнейшее развитие рыночной экономики в России возможно лишь в условиях стабильно существующего процесса накопления, проблема сегодняшнего этапа развития состоит в том, что государство (в том числе и на уровне регионов) должно создать благоприятные условия накопления. Реализация этой задачи также требует значительного вложения денежных средств, которые в настоящее время в значительной степени сконцентрированы крупным капиталом элитных компаний Российской Федерации и незначительного числа населения. При этом элитные компании вывозят капитал за рубеж, а население России использует его для приобретения предметов первой необходимости.

В этом смысле сфера социальных услуг представляет собой отрасль производства, в которой около 70 % предприятий функционирует в режиме малого и среднего бизнеса. Это означает, что данная отрасль является базой развития среднего предпринимательства в Российской Федерации. В поддержке этого процесса государство объективно заинтересовано.

Результаты социологических опросов среди населения городов Чувашии показывают, что 60 % опрошенных не рассчитывают на помощь со стороны государства и ориентируются на собственные силы[2]. Анализ структуры денежных доходов населения Чувашии и величины прожиточного минимума позволил прийти к мнению о необходимости

активного практического поиска меры гибкого воздействия государства на процессы перераспределения путем выработки и реализации государственной перераспределительной политики, поддерживающей регионы. Она должна проявляться, на наш взгляд, во-первых, в прогрессивном налогообложении; во-вторых, в создании системы социальных амортизаторов, выработке действенной программы, реально увеличивающей доход престарелых, нетрудоспособных, многодетных, безработных.

С удовлетворением социальных потребностей человека связан закон воспроизводства рабочей силы, а это означает, что регион посредством оказания социальных услуг многообразно участвует в воспроизводстве рабочей силы, поскольку каждый вид услуг по-своему влияет на воспроизводство. На наш взгляд, многообразные факторы влияния можно объединить в две группы: первая — это факторы, непосредственно воздействующие на воспроизводство рабочей силы через формирование физической и интеллектуальной способности к труду; вторая — факторы, создающие комплекс условий для эффективного воздействия факторов первой группы. К первой группе можно отнести повышение уровня образования, квалификации, культуры, состояния здоровья работников; ко второй — улучшение условий труда и быта, организации отдыха трудящихся.

Результаты социологических исследований, проведенных нами в 2005 г. в трех крупных городах Чувашии (Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш), показали, что из 2 тыс. опрошенных трудоспособного населения лишь 20 % удовлетворены состоянием услуг, обеспечивающих поддержание их трудовой активности, а 65,7 % полагают, что достаточно развитой эту систему услуг можно считать только в г. Чебоксары[3]

Большое значение в рыночной экономике имеют собственно социальные услуги, представляющие собой конкретные формы социального обеспечения населения со стороны государства в виде денежных пенсий, пособий, других форм обеспечения, натуральных выплат; формы социальной защиты тех, кто не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум, а также формы социальной поддержки той наиболее активной части населения, которая

способна преодолеть трудности, но не имеет для этого достаточных ресурсов. К таким слоям населения в республике относится 38 %, проживающих на ее территории. Эта поддержка предоставляется в виде льготного кредитования, налогообложения, субсидий, консультационных услуг, переобучения на специализированных курсах.

Именно в рамках решения этой проблемы 4 октября 1999 г. подписан Указ Президента ЧР Н.В.Федорова «О совершенствовании форм и условий оказания государственной поддержки граждан в строительстве и приобретении жилья», послуживший началом социальной ипотеки в Чувашии, в рамках которой уже в 2000—2001 гг. предоставлено почти 4 тыс. кредитов на сумму более 67 млн руб. Введены республиканские жилищные сертификаты, позволившие значительно снизить стоимость жилья для очередников и увеличить общее количество получивших квартиры. Правительство республики находится в постоянном поиске новых форм оказания собственно социальных услуг. 6 марта 2002 г. подписан Указ Президента ЧР «О мерах по усилению государственной поддержки молодых граждан в Чувашской Республике», в соответствии с которым стало возможным использование бюджетных средств на субсидирование процентных ставок.

С точки зрения рыночности, сфера социальных услуг в Чувашской Республике предоставляет рыночные (частично платные или платные) и нерыночные (бесплатные) услуги. Анализ структуры производимых в регионе услуг позволил сделать вывод о том, что нерыночные услуги оказывают отрасли: образование, культура и искусство; здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение; наука и научное обслуживание; управление (включая общественные и правоохранительные органы); дорожное хозяйство. С 1996 г. в республике нерыночные услуги оказываются и в жилищном, и коммунальном хозяйстве, а также в организациях, обслуживающих сельское хозяйство. К рыночным услугам в Чувашской Республике относятся услуги в таких отраслях, как транспорт, связь, торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки, информационно-вычислительное обслуживание, жилищно-коммунальное хозяй-

ство и непроизводственные виды бытового обслуживания, страхование и пенсионное обеспечение, наука и научное обслуживание, здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение, образование, культура и искусство.

Таким образом, в регионе сложились отрасли, одновременно оказывающие платные (или частично платные) и бесплатные услуги. Однако практика потребления социальных услуг свидетельствует о том, что услуги, предоставленные как рыночные, обладают значительно более высоким качеством, чем нерыночные. Это понятно, ибо нерыночные услуги тоже являются оплачиваемыми, но за счет средств государственного бюджета. При этом государство не в состоянии выделить значительные средства на удовлетворение потребностей населения в нерыночных социальных услугах. Это связано не только с этапом становления рыночных отношений в Российской Федерации и существующими различиями в экономическом потенциале регионов, но и с действием объективного закона удовлетворения потребностей, в соответствии с которым темпы прироста средств производства для производства потребностей отстают от темпа прироста самих потребностей.

Интересен и тот факт, что претензии по поводу качества потребляемых услуг предъявляют и потребители рыночных услуг. Однако это явление типично, поскольку определено действием закона возрастания потребностей, в соответствии с которым удовлетворение потребностей человека отстает от их роста, увеличение количества и качества потребностей понижает степень их удовлетворения, и, наоборот, понижение в удовлетворении потребностей повышает степень их удовлетворения. Всякое удовлетворение потребностей становится средством накопления потребностей.

Рыночные услуги объективно расширяют предложение потребностей по видам и формам предоставления, формируют потребности адресного характера, качественный уровень которых значительно выше качественных рыночных услуг. Потребитель, имеющий возможность удовлетворить потребность с помощью рыночных услуг, на следующем этапе потребления предъявляет более высокий уровень

требований к качеству. Поэтому качество социальных услуг меняется под влиянием качества потребленных рыночных услуг. Потребитель нерыночных услуг желает, чтобы уровень качества нерыночных услуг соответствовал качеству рыночных. Таким образом, производство создает потребление и потребителя.

С 1992 г. рыночные услуги стали оказываться и органами управления, а также организациями инфраструктуры рынка и структурами, занимающимися операциями с недвижимостью[2]. Производство услуг в регионе за период с 1996 г. по 2005 г. возросло почти в 4 раза, а доля рыночных услуг составила 80,2 %[4].

Современное российское общество характеризуется внутренними и внешними противоречиями в сфере экономики и социальной жизни, производства и потребления, развития личности и общества, а также в духовно-нравственной сфере, что наиболее ярко проявляется на уровне регионального развития. Расслоение общества на богатых и бедных, формирование среднего слоя предполагает наличие различных возможностей удовлетворения потребностей населения. В подобных условиях государство должно располагать различными инструментами, сглаживающими социальное расслоение регионов, рассматривая при этом производство социальных услуг не просто как отрасль регионального рынка, но и как фактор экономической и социальной стабильности региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сильвестрова Т.Я.* Общественные потребности из сферы социальных услуг. Чебоксары, 2005. С. 194.

[2] Там же. С. 201.

[3] Там же. С. 249.

[4] Там же. С. 293.

Поступила 14.11.2005.

И.В.РОМАНЕЦ

МОЛОДЕЖНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Формирование и реализация молодежной политики в Российской Федерации — одно из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. И это связано не только с тем, что несмотря на активность депопуляционных процессов, молодежи в России (а это люди в возрасте от 14 до 30 лет) достаточно много: в отдельных субъектах РФ — 25 % и выше, а вместе с детьми — 43 %. Достигнуто понимание того, что только при активной и системной работе государства с молодыми гражданами и их объединениями молодежь сможет ответить на вызовы современности в будущем и не представлять угрозы обществу в настоящем[1]

Молодежь должна рассматриваться в качестве главного субъекта социального обновления, инновационного ресурса общества, государства, региона, муниципального образования. Современная молодежь — это поколение, определяющее развитие России в XXI в. Сегодня как никогда актуальна задача развития системы государственной молодежной политики как на концептуальном, так и на уровне практической деятельности государственных и муниципальных органов, общественных объединений и др.

Изменение положения молодежи в материальном производстве является важным показателем ее социального развития и фактором экономической самостоятельности. За годы реформ занятость молодежи сократилась более чем на четверть и продолжает снижаться. По данным Всероссийского социологического мониторинга «Социальное раз-

---

РОМАНЕЦ Ирина Васильевна, докторант кафедры экономики и развития региона Волгоградского государственного университета.

витие молодежи» (1999—2002 гг.), проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 12 регионах РФ, занятость молодежи в государственном секторе сократилась почти в 1,5 раза. Причем тенденция перемещения молодежи из государственного сектора в частные, личные и акционерные предприятия сохраняется, а при наличии возможности выбора лишь 25,4 % молодежи, занятой в материальном производстве, предпочли бы работу на государственном предприятии. Однако, учитывая, что в государственном секторе пока еще сосредоточен существенный экономический потенциал, повышение доверия к нему со стороны молодежи становится важным фактором воспроизводства материального благосостояния общества и остается ведущим направлением государственной молодежной политики. Вместе с тем в современных условиях более половины молодых людей заняты в негосударственном секторе, который становится важным фактором их интеграции в сферу материального производства, а потому поиск новых форм стимулирования и социальной защиты молодежи в данной сфере приобретает в молодежной политике характер приоритетного направления.

По характеру труда в материальном производстве молодежь распределяется следующим образом: 89,8 % работают по найму, 2,7 владеют бизнесом с наемным трудом, 2,2 трудятся по найму и имеют небольшой собственный бизнес, 2,5 заняты частным бизнесом без образования юридического лица, 5,5 % заняты другими видами деятельности (мелкая коммерция, работа в ЛПХ и домашнем хозяйстве). Таким образом, основная масса молодежи в материальном производстве трудится по найму и лишь более 2 % молодых людей владеют собственными предприятиями, производящими товарную продукцию, т.е. являются работодателями; около 10 % заняты в малом бизнесе[2]

Уровень образования молодежи, занятой в материальном производстве, достаточно высок. Так, более 2/3 из них владеют не только профессией, но и имеют соответствующее профессиональное образование, что, несомненно, свидетельствует о высоком воспроизводственном потенциале молодежи. О положении молодежи в материальном

производстве можно судить и по уровню ее профессиональной квалификации, степени соответствия профессии выполняемой работе: чем выше оценки этих показателей, тем устойчивее социально-профессиональное положение и выше статус в материальном производстве.

В профессиональной молодежной группе промышленных рабочих, рабочих легкой и транспортной промышленности возросли оценки соответствия приобретенной профессии реально выполняемой работе и удовлетворенности профессией; в группе инженерно-технических работников растет оценка удовлетворенности профессией и ее престиж, что свидетельствует о пользе роста профессионального самоопределения молодых людей и повышения их социально-профессионального статуса в большинстве профессиональных групп.

Анализ изменения положения молодежи в непроизводственной сфере (распределения и обмена) позволяет точнее определить особенности ее социального развития. Так, к началу 2003 г. в этой сфере было занято боле 21 % молодежи, что является важным резервом расширенного воспроизводства среднего класса как фактора поддержания стабильности реформируемого общества.

Подавляющее большинство молодежи, занятой в этой сфере, работает в негосударственном секторе экономики: 81 % — работа по найму, 8 % — владение собственным бизнесом с привлечением наемного труда, около 12 % — мелкое предпринимательство; больше половины из них имеют среднее специальное и приблизительно каждый четвертый — незаконченное высшее и высшее образование; 3/4 оценивают уровень своей квалификации выше среднего и 25 % — как высший, что свидетельствует о качественном улучшении структуры работающих в данной сфере.

В то же время следует заметить, что у молодежи, занятой в государственном секторе, уровень социально-профессионального статуса по ряду характеристик выше, чем у работающих в частном секторе: реально выполняемая работа чаще соответствует приобретенной профессии, выше удовлетворенность профессией и уровень квалификации.

Заработная плата, следовательно, престижность профессионального труда существенно выше в частном секторе, а молодежь, в нем занятая, образует группу не только в определенном смысле более передовую («продвинутую») в социальном отношении, социальной мобильности, но и референтную (эталонную) для остальных. Среди молодых предпринимателей существенно ниже уровень квалификации и соответствие профессиональной подготовки характеру выполняемой работы, в то же время в этой группе значительно выше субъективные показатели своего статуса — престижа профессии и удовлетворенности ею[3]. Тем самым усиливается мотивация не только изменения структуры молодежной занятости, но и перемещения молодежи из сферы материального производства в другие сектора экономики.

Отражаясь в сознании молодых людей как неравенство возможностей профессионального самоопределения и социальной несправедливости, такое расслоение ведет к росту напряженности в молодежной среде. Так, ниже среднего оценивают свои возможности относительно роста заработной платы 42 % работающих по найму и 24 % занимающихся коммерцией, сделать карьеру — 48 и 19 % соответственно, открыть собственное дело — 67 и 4 %[4]

Улучшение материального положения становится признаком социального развития, если только оно достигается в результате труда в общественном производстве. Существует прямая связь между уровнем квалификации и материальным положением молодых людей, в то же время разница в процентном соотношении распределений не настолько значима, чтобы однозначно судить о таком характере зависимости (табл. 1).

Таблица 1

Влияние уровня квалификации молодежи на ее материальное положение, %

Уровень квалификации	Уровень материального положения		
	низкий	средний	высокий
низкий	51,3	40,7	8,0
средний	46,1	44,0	9,9
высокий	41,9	43,8	14,3

Заказ № 6429

В частности, анализ связи материального положения с другими характеристиками труда, например, с уровнем потребностей молодежи в интересной работе, выявляет обратную зависимость: чем он выше, тем меньше доля молодых людей, оценивающих высоко свое материальное положение. Весьма низка связь и между добросовестным трудом, высокой квалификацией и уровнем материального вознаграждения, следовательно, результаты труда по-прежнему не являются доминирующим фактором материального благополучия российской молодежи, оно зачастую определяется достижениями в других сферах, не исключая криминальных.

Таким образом, противоречия в оплате труда остаются главным препятствием в улучшении материального положения и экономического самоопределения, самостоятельности молодежи. Они обусловлены несовершенством правовой системы в целом, ростом стоимости жизни, имеющими место фактами дискриминации молодежи в оплате труда.

В последние годы увеличилась доля молодежи в составе трудоспособного населения страны, что не могло не создать дополнительной нагрузки на рынок труда. По данным Минтруда РФ, к началу 2003 г. доля молодежи в общей численности официально зарегистрированных безработных составляла более 32 %, среди которых каждый шестой — выпускник учебного заведения (24 % — лица, окончившие школу, 26 % — учреждения начального образования, 36 % — средние специальные учебные заведения, 15 — 16 % — выпускники вузов). Продолжительность поиска и ожидания работы среди молодежи в среднем составляет 8 месяцев[5].

Образование вообще и профессиональная подготовка в частности выступают в современных условиях как социальный институт формирования и воспроизводства рабочей силы, обеспечения подготовки молодежи к вступлению на рынок труда в соответствии с требованиями этого рынка[6] Служба занятости выступает как институализированная структура, осуществляющая взаимодействие с молодежью как субъектом рынка труда, привносящим в этот процесс ряд особенностей, в том числе и социально-психологического характера. Именно социально-психологические пере-

мены представляются наиболее важными среди факторов, предопределяющих возможность для различных категорий населения адаптироваться к рыночной среде, включиться в новые социально-экономические отношения.

В 2001—2004 гг. молодежная политика на Кубани сформировалась в отдельное направление социальной сферы. Сложилась устойчивая, разветвленная система органов по работе с подростками и молодежью. В системе управления молодежной политикой работают 7 краевых государственных учреждений с 47 филиалами в городах и районах края и 2 государственных унитарных предприятия. Все учреждения являются профильными и осуществляют свою деятельность в соответствии с основными направлениями краевой комплексной программы «Молодежь Кубани». Сформирована система учреждений и служб органов по делам молодежи муниципальных образований края. Сегодня в сфере молодежной политики на профессиональной основе занято более 2,5 тыс. чел., в том числе 240 координаторов работы с молодежью, занимающихся реализацией молодежной политики в сельских округах под управлением муниципальных органов по делам молодежи. В 2002—2003 гг. наметилась тенденция введения дополнительных ставок координаторов за счет средств местных бюджетов, их стало 273 чел. На сегодняшний день институт координаторов — уникальная система, созданная в структуре органов по делам молодежи Краснодарского края, которая с интересом изучается на федеральном уровне с целью тиражирования этого опыта в другие регионы.

В 2003 г. в крае создан Межотраслевой региональный центр переподготовки и повышения квалификации специалистов сферы государственной молодежной политики на базе Кубанского государственного университета. Центр — базовая площадка подготовки специалистов молодежной политики в Южном федеральном округе.

Управленческое воздействие механизмов регулирования молодежного рынка труда предполагает, прежде всего, содействие в трудоустройстве путем создания дополнительных рабочих мест, обеспечения информацией, переобучения и переподготовки рабочей силы. Для формирования эффективного социального механизма регулирования

молодежного рынка труда требуется способность служб занятости содействовать своей деятельностью адаптации молодежи к социальной и профессиональной структуре, складывающейся в рамках специфики местного социально-экономического пространства[7]

Численность трудоустроенной молодежи в крае в период с 2001г. по 2004 г. увеличилась в 4,6 раз (с 4 045 до 18 624 чел.). В 2002—2003 гг. 42 165 молодых людей получили услуги по профессиональной ориентации, включающие профессиональное информирование, консультирование, психологическую поддержку. Растет численность студенческих трудовых отрядов. В 2001 г. в их работе участвовало 2,5 тыс. чел. В сезоне 2003 г. в Краснодарском крае работал 121 студенческий отряд (более 12 тыс. студентов различных профессиональных учебных заведений края). По сравнению с общероссийскими данными, каждый 10-й строй-отрядовец — студент Краснодарского края.

С 2001 г. в крае реализуется программа социально-экономической направленности «Молодежное сельскохозяйственное подворье», которая является экспериментальной площадкой краевого комитета и департамента по молодежной политике Министерства образования РФ. Эта программа получила федеральный грант и рекомендована к реализации в Российской Федерации по итогам работы Всероссийского семинара по решению проблем сельской молодежи. В рамках программы ведется работа по формированию молодежных производственных бригад на предприятиях АПК (сегодня таких бригад создано более 60), разработана программа «Районные молодежные заготовительные союзы», направленная на поддержку молодых семей, производящих сельскохозяйственную продукцию на личных подсобных хозяйствах, развивается сеть лагерей труда и отдыха.

Выборочные обследования, в которых основной акцент сделан на анализ взаимодействия молодежи как субъекта рынка труда и службы занятости Краснодарского края, позволили выстроить оценочную шкалу (от 0 до 1) различных видов деятельности службы занятости (табл. 2).

Так, более 60 % опрошенных, завершивших или завершающих учебу в вузах, считают, что почти все выделен-

Таблица 2

Распределение выпускников учебных заведений Краснодарского края по их индексным оценкам работы молодежной службы занятости

Направления работы	СОШ (28 %)	ПТУ (9 %)	Ссуз (19 %)	Вузы (35 %)
Информационная деятельность	0,29	0,58	0,64	0,60
Деятельность по трудоустройству	0,35	0,67	0,65	0,57
Консультативная деятельность	0,25	0,15	0,80	0,70
Деятельность по обучению	0,35	0,37	0,72	0,46
Деятельность по социальной адаптации	0,22	0,15	0,67	0,65

Источник: составлено по данным выборочного обследования.

ные направления молодежной службы занятости имеют для них личную значимость, представляются важными и необходимыми. В то же время лишь чуть более 30 % из них считают, что на практике создаются возможности реализовать социально-профессиональные требования именно с помощью структурных услуг, которые предлагаются службами занятости. Обобщающие среднероссийские показатели найма предприятиями выпускников характерны и для Краснодарского края. Следует подчеркнуть остроту проблемы занятости молодежи в связи с ростом числа выпускников учебных заведений, не нашедших работу после их окончания[8]

Исследование дает основание утверждать, что в целом функционирование институционализированных структур Краснодарского края по управлению молодежной занятостью представляется достаточно результативным при взаимодействии с выпускниками двух типов учебных заведений: системы профессионального образования и специального образования. Результативность же взаимодействия служб молодежной занятости с выпускниками общеобразовательных школ обнаруживает себя в так называемом социально-психологическом феномене «самоограниченности», стратификационной позиции этой группы респондентов: молодые люди, не сумевшие по разным причинам реализовать свои программы относительно дальнейшего образования в вузах, ориентировались в основном на временный

вариант. В этом случае достижительные мотивации обычно характеризуются сравнительно низкими запросами и адаптивно-конформистским поведением.

Выявление характерных особенностей взаимодействия молодежи и служб занятости Краснодарского края, их анализ на основе эмпирического материала дают возможность утверждать, что знание потребностей молодежи в тех или иных переменах в стратификационной системе и удовлетворение этих потребностей через деятельность специализированных структур по регулированию занятости служит своеобразным диагностическим инструментом, с помощью которого можно совершенствовать рыночное воздействие социальных институтов на развитие социально-экономических отношений в целом.

В результате проведенного исследования выявлено, что молодежь еще не готова конкурировать, быть полноценным субъектом рынка труда. При так называемом «первичном выходе» на этот рынок у молодежи доминируют идеалистические представления о будущей профессии, трудовой и профессиональной карьерах, которые, разрушаясь, нередко приводят к возникновению сложных фрустрационных состояний (тревога, состояние депрессии и т.п.). Если молодежь не получила необходимых знаний о современном рынке труда, правилах поведения на нем, слагаемых успешной профессиональной карьеры, своих правах и обязанностях в сфере трудовых отношений, то столкновение с реальностью может привести к переориентации либо деградации трудовых ценностей.

Очевидно, что рынок труда в России не отвечает требованию гибкости, не в должной мере учитывает особенности трудовой мотивации многочисленной и такой специфичной социальной группы, как молодежь, которая часто рассматривается органами государственной власти только как социально-возрастная группа населения от 14 до 30 лет.

Сбалансированность молодежного рынка труда требует преодоления информационной асимметрии, определяющей несоответствие потребностей экономики в рабочей силе соответствующего образовательного и квалификационного уровней. Это требует не только совершенствования меха-

низма рыночного саморегулирования, но и улучшения институтов государственного регулирования рынков труда (законодательства, государственной службы занятости, системы подготовки и переподготовки, психологической поддержки и др.)[9]

Превентивная профориентационная работа с выпускниками общеобразовательных школ должна осуществляться в течение всего учебного года и включать проведение в учебных заведениях факультативов по профориентации, «круглых столов», вечеров вопросов и ответов, чтение профессиональными консультантами тематических лекций (например, «Рынок труда и проблемы занятости выпускников», «Как составить и представить личное резюме» и т.п.), анкетирование по вопросам формирования профессиональных навыков, тестирование на определение профессиональной направленности.

Для профессионального информирования широкого круга молодежи в крае необходимо готовить информационно-справочный материал в виде брошюр, памяток, буклетов. Следует создать оперативно обновляемый электронный справочный каталог по учебно-курсовой базе отдельного города, крупного населенного пункта, края в целом, который по локальной или глобальной сети может быть доступен персональным компьютерам.

Проведение службами молодежной занятости месячников профориентационной работы в учебных заведениях и молодежных организациях края, организация работы телефона доверия, создание и обновление уголков и стендов по профессиональной ориентации, периодичность изданий по массовым профессиям, проведение конференций с привлечением потенциальных работодателей позволят осуществлять работу по трудоустройству молодежи целенаправленно, систематически, комплексно, что, несомненно, отразится на ее результативности[10].

Стабилизации ситуации на региональном молодежном рынке труда может способствовать широкое распространение так называемых гибких, нестандартных форм занятости, при разработке и внедрении которых необходимо учитывать специфику поведения молодежи на рынке труда, являющейся достаточно ярко выраженной группой риска

вследствие перенасыщенности этого рынка другими, более конкурентоспособными категориями населения. Региональную политику содействия занятости молодежи целесообразно осуществлять по линии специальных государственных программ, таких, например, как «Молодежь России»[11], «Адаптация молодежи, вступающей на рынок труда», «Субсидирование занятости молодежи»[12] и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Реализация государственной молодежной политики как условие социализации молодежи. Сб. научных трудов, докладов, сообщений и материалов Всерос. науч.-практ. конф. 8—12 декабря 1999 г. Часть 2. Волгоград, 2000; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год. М., 2003.

[2] См.: Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в РФ: 2002 г. М., 2003. С. 57.

[3] См.: Там же. С. 61.

[4] См.: Там же. С. 63.

[5] См.: Там же. С. 67.

[6] *Шулус А., Мкртчян Г.* Проблемы молодежного рынка труда // Общество и экономика. 2001. № 10. С. 142.

[7] См.: Там же. С. 145.

[8] *Гимпельсон В.Е.* Дефицит квалификации и навыков. М., 2004. С. 25.

[9] См.: *Гончар Г.П.* Государственная политика занятости как фактор устойчивого развития региона / Устойчивое развитие юга России: состояние, проблемы, перспективы. Ростов н/Д, 2003. С. 28.

[10] *Ступина М.В.* Направления оптимизации профессиональной ориентации молодежи // Управление в социальных и экономических системах. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2004. С. 236.

[11] К сожалению, в июне 2005 г. Правительством РФ принято решение о свертывании целевой программы «Молодежь России».

[12] *Ступина М.В.* Молодежный рынок труда / Управление в социальных и экономических системах. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2004. С. 235.

Поступила 13.07.2005.

В.Н.РОМАНОВ

СОЦИОЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

В полиэтническом регионе Поволжья многоязычие играет не только автаркическую, но и сдерживающую роль. Например, в 1990 г. в Башкортостане при неоднократных попытках Верховного Совета Республики Башкортостан принять закон о признании государственным языком единственно башкирский, резкий протест татарской части населения и особенно татарских национальных объединений, угроза разрушительной этнополитической дестабилизации предотвратили принятие этого проекта. Все это подтверждает политическую важность языкового магнетизма как одного из факторов этноорганизующей роли. Эта роль ярко проявилась в миграции чувашей и татар после распада СССР, где этноязыковой магнетизм Татарстана и Чувашии сыграл ведущую роль в притяжении этносов в родные республики. Так же было и с русскоязычными после отделения Прибалтийских и иных республик от СССР, когда они двинулись не в Польшу или Румынию, Венгрию, Германию, Францию, США и т.д., а в Россию.

Подобным магнетизмом *лингвистическая идентичность* обладает и в других регионах компактного проживания этносов вне своих национально-государственных образований. Поэтому в своей деятельности этнокультурные образования Поволжья языковым проблемам уделяют не меньшее внимание, чем сохранению культуры, традиций и обычаев. В этих целях в рамках принятых законов РФ об общественных организациях, языках, этнокультурных образованиях и др., а также в контексте принятой концепции государственной национальной политики, в субъектах

РОМАНОВ Василий Николаевич, доцент кафедры журналистики Ульяновского государственного университета, кандидат филологических наук.

РФ создают этнокультурные образования и принимают многообразные программы по развитию культур и языков народов. Не обошли эти процессы и регион Среднего Поволжья.

Проблемы сохранения стабильности в этноязыковой сфере в регионах компактного проживания народов Поволжья требуют особого внимания. Концентрация детей в дошкольных и школьных учреждениях различных этнических групп обязывает не только к высокому профессионализму, но и общечеловеческой культуре, знанию языков этих народов хотя бы на бытовом уровне. Эти проблемы в регионе весьма актуальны. Поэтому перед этническим сообществом стоит вопрос о полилингвистической подготовке специалистов. Однако эта актуальность пока не осознана, так как нередки суждения о достаточности знания родных языков на уровне бытовой речи.

Изменения политической ситуации, связанные с процессом демократизации, оказали определенное влияние на реализацию культурной политики в Поволжских регионах. Организовано сотрудничество с национально-культурными центрами Чувашии, Мордовии и Татарстана. Потребностям развития национальной культуры способствуют и методические пособия, разрабатываемые культурно-образовательными центрами[1]

Одними из важных факторов, способствовавших объединению усилий, стали разработка и реализация концепций возрождения культур народов в Ульяновской, Саратовской, Самарской областях. В 1996 г. Управлением культуры Самарской области проведен первый областной фестиваль национально-культурных центров Самарской области — «Россия сильна провинцией». Создание условий ее развития является приоритетной задачей органов государственной власти.

Культура России — это созвездие национальных культур, в том числе и народов Поволжья. За более двухсотпятидесятилетнюю историю совместного проживания и мирного соседства народов, например, Исаклинского района, сложилось естественное взаимопроникновение культур народов России. Однако «никто пока, кроме работников культуры, самодеятельных активистов и кое-где работников школ не болеют душой за это дело и не проявляют

инициативы. А ведь каждый уходящий день дорог — теряют наши села самобытность, неповторимость обрядов, традиций и обычаев»[2]. В настоящее время при Домах культуры и клубах Самарской области созданы и активно действуют 8 фольклорных коллективов: 5 чувашских, 2 мордовских и 1 русский. Старейший в районе чувашский коллектив — «Звезда» Саперкинского СДК создан в 1973 г. Далеко за пределами района знают мордовский фольклорный коллектив «Умарина» Старо-Вечкановского СДК, Чувашский фольклорный ансамбль «Нарспи» Новоякушкинского СДК, Больше-Микушкинский чувашский коллектив «Селгусь».

Из 25 библиотек района 5 обслуживают мордовское население, 12 — чувашское. В библиотеках к знаменитым и памятным датам оформляются выставки, посвященные национальным писателям и поэтам, проводятся разнообразные мероприятия (в Большеякушкинской библиотеке — выставки прикладного искусства «Из старины глубокой»; в Двухключевской — час поэзии «О волжской стороне я думал, засыпая...», для детей проходят конкурсы чувашских загадок; в Маломикушкинской библиотеке — беседы «Наши истоки» по истории чувашского народа, традициям и обычаям; в Новобайтермишской библиотеке — чтения произведений мордовских детских писателей и поэтов и обзоры журнала «Сятко»).

Проводятся опросы жителей сел Исаклинского района для выявления спроса на национальную литературу. Следует отметить значительный дефицит литературы по истории, о народных традициях, фольклоре чувашских и мордовских народов. Из 286 721 экз. книжного фонда всего 6 520 экз. — национальная литература (6 466 экз. чувашской литературы и 54 экз. мордовской). Из более 8 тыс. читателей района на родном языке читают 246 чел. (чувашей — 214, мордвы — 32)[3].

В Камышлинском районе работает старейший самодеятельный драматический татарский народный театр с богатейшей историей, многочисленными званиями и достижениями в самодеятельном творчестве в масштабах области и России, которому в 2005 г. исполнилось 85 лет. Театр постоянно гастролирует по району, по Республике Татарстан, Оренбургской и Ульяновской областям. В этом же районе действует 25 лет лауреат III Всероссийского фе-

стиваля татарских песен — татарский народный фольклорный ансамбль «Аккаен» («Белая береза») из с. Старое Ермаково, постоянный участник и организатор местных национальных праздников. Этот район отличается тем, что здесь более 90 % населения — татары, издревле проживающие и поддерживающие свои традиции, обычаи, быт, образ жизни. При местном РДК работает рок-группа «Корнай», участников которой объединила в 1990 г. общая цель — довести до молодого поколения песни, певшиеся отцами и дедами, заново обработанные и окрашенные современным звучанием. Коллектив побывал в республиках Татарстан, Башкортостан, Ульяновской и Оренбургской областях, трижды становился дипломантом областного фестиваля «Приволжье», а в 1995 г. стал лауреатом этого фестиваля; неоднократно участвовал в телевизионных конкурсах Республики Татарстан и г. Ульяновска. Участники группы «Корнай» в райцентре Камышла организуют традиционный региональный фестиваль «Музыкальный бумеранг» под девизом «Единение культур народов Поволжья», собирающий лучших самодеятельных музыкантов различных направлений и жанров Поволжья. Одновременно силами работников Старо-Ермаковского СДК в 1994 г. восстановлен древний татарский национальный праздник урожая «Сэмбэлэ», проводятся праздники «Сабантуй». Не остается без внимания и современное творчество народа. В районе проходит эстрадный конкурс «Татарская песня года», функционируют детский клуб «Жемчужинка», клуб любителей тальянки, кружок самодеятельной песни и др.

Однако развитие массовой культуры не заменяет развитие языковой, коммуникативной функции и культуры. Дисперсный характер расселения этносов создает значительные трудности для этнокультурного развития, воспроизводства, приобщения к родной культуре и языку. Чересполосное расселение этносов является необходимой основой выработки толерантного отношения в межнациональных контактах.

Языковая проблема в связи с обсуждением и принятием законов о языках из сферы научных дискуссий перешла в плоскость широкого общественного обсуждения. В условиях реформирования общества, активизации этнополитических процессов в регионах, мобилизации этничности и актуали-

зации вопросов функционального развития и использования национальных языков от органов государственной власти потребовалась существенная корректировка этноязыковой политики. Принятие законов о языках отражает стремление общества расширить сферы применения языков народов, стимулировать речевую практику. В этой связи весьма актуален вопрос прогнозирования социальных последствий реализации положений законов о языках. Практика показывает, что форсирование реализации законов о языках нередко сопровождается ущемлением языковых прав личности нетитульных этносов, а игнорирование стремлений народов к сохранению своих языков в регионах компактного их проживания вне своих этногосударственных образований приводит к этнополитической конфронтации на «языковой почве».

Следует отметить, что наиболее слабым звеном в разработке программ этнокультурного развития народов является проработка языковых проблем и преподавание этнолингвистики. Образование — важнейший фактор конструирования этнической идентичности, в котором важное место уделяется изучению педагогики и лингвистики. Универсальная функциональность языка есть результат эмерджентности группового сознания, поскольку язык обладает многофункциональным свойством: коммуникативным, информативным, эмотивным, охранительным комплексом системных знаний и представлений языкового сообщества об окружающем мире. Это условие предполагает более пристальное внимание к уровню развития языков народов Поволжья в образовательных учреждениях региона и не ограничивается лишь возрождением их культуры и коммуникационной функции на уровне бытового общения. Использование его только в домашней среде приводит к ущемлению и усечению функций фиксации и хранения знаний о мире, т.е. гносеологических, а также информативных, что приводит к сужению функций коммуникативных и эмотивных. Поэтому развитие педагогики и этнолингвистики становится значительным инструментом в формировании этнической идентичности. Горький опыт исчезновения малых народов показывает, что только официально представленный этническому языку статус способствует его сохранению в обществе.

Этнокоммуникативные проблемы культуры привлекают все больше внимания. Достижение взаимопонимания и согласия в межличностных отношениях обеспечивается поддержанием этнической идентичности и духовного единства социальных групп, их этнокультурного взаимодействия. Культура как система отношений связана с формированием толерантного сознания взаимодействующих субъектов общения, и ее внешние формы выражения служат в этническом пространстве как ее имидж и репутация. Поэтому очень важно, как носитель этнической культуры представляет себя в инокультурной среде и какую психологическую атмосферу вокруг себя создает. М.Мескон рассматривает подобную атмосферу и климат как способ внутреннего и внешнего сохранения культуры в окружающей среде[4] Этническая культура, как аккумулятор нормативно-ценностных ориентаций людей, регламентирует поведение последних, обеспечивает понимание между ними и выдвигаемыми самой ценностной системой целями. Необходимость столь пристального внимания к проблемам межэтнической коммуникации в контексте межличностной культуры обусловлена тем, что этнический социум является носителем социально-культурного наследия и национального мировосприятия. Черты национального менталитета зачастую оказываются доминирующими в оценках социокультурных и общественно-политических явлений[5]

В регионе Средней Волги наиболее характерная форма проявления этнического самосознания — обращение народов к своим традиционным духовным культурам (проведение разнообразных фольклорных фестивалей, национальных праздников, вечеров).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Самарская область. Этнос и культура. Самара, 1996. № 3.

[2] Цит. по: *Романов В.Н.* Взаимодействие культурных систем в этническом пространстве Среднего Поволжья. Ульяновск, 2003. С. 218.

[3] Там же.

[4] *Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. Пер. с англ. М., 1998.

[5] *Спивак В.А.* Корпоративная культура. Теория и практика. СПб., 2001.

Поступила 26.09.2005.

В.Г.АБРАМОВ

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Выступая в роли объекта научного анализа, экологическое правонарушение характеризуется сложностью и многогранностью внутреннего содержания, что обусловливает существование различных форм его внешнего проявления. Свое объективное выражение экологическое правонарушение находит в статическом и динамическом состояниях. При этом в его статическом состоянии необходимо выделять теоретические (доктринальные) положения и нормативные (легальные) конструкции. В первом из данных случаев рассматриваемая категория предстает в качестве *научного понятия* и проявляется в виде базовых, основополагающих постулатов, составляющих сердцевину учения об экологическом правонарушении и образующих в своей совокупности его доктрину. Вторая форма объективного выражения экологического правонарушения характеризует его как *правовой институт*, состоящий из норм, в которых сформулированы составы преступлений и проступков, посягающих на отношения, интересы в сфере взаимодействия общества и природы. Динамическое же состояние экологического правонарушения предполагает реальное его проявление в объективной действительности и тем самым свидетельствует о нем как о *социальном явлении* — конкретном, определенном противоправном деянии, совершенном в этой области общественных отношений. Таким образом, вполне обосновано выделение доктринального (теоретического), легального

АБРАМОВ Владислав Геннадьевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Мордовского Гуманитарного института, кандидат юридических наук.

(нормативного) и практического аспектов анализируемой категории.

Рассматриваемое в означенном контексте экологическое правонарушение представляет собой многогранное понятие, структурные элементы которого характеризуются четкой иерархией и, одновременно, диалектическим единством. Так, постулаты правовой доктрины служат своеобразным теоретическим фундаментом для конструирования составов конкретных противоправных деяний. В свою очередь, совокупность признаков, закрепленных в соответствующей правовой норме, определяет динамическое состояние экологического правонарушения. В этом случае оно предстает как юридический факт — конкретное обстоятельство, с наличием которого нормы права связывают наступление юридически значимых последствий.

Вместе с тем во взаимодействии этих элементов наличествует не только прямая, но и обратная связь. Это процесс объективный, поскольку практический аспект экологического правонарушения способен оказывать воздействие на отдельные доктринальные положения, что, естественно, требует уточнения формулировок тех или иных нормативных конструкций, либо обусловливает разработку новых. В подобной ситуации возможно возникновение противоречий между элементами рассматриваемой структуры: в частности, между фактическим проявлением в реальной действительности поведения, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду, и легальными конструкциями деяний, запрещенных под угрозой применения мер юридической ответственности; между практическим и теоретическим аспектами анализируемой категории.

В качестве социального феномена экологическое правонарушение предстает в виде преступления или проступка, совершенного в сфере взаимодействия общества и природы. При этом процент преступлений весьма незначителен — в Республике Мордовия регистрируются лишь считанные их единицы. Характерные особенности проступков (деяний «экологически вредных», но не представляющих опасности для интересов личности, общества или государства) определяются рядом признаков. В первую

очередь необходимо отметить следующие тенденции. За несколько последних лет произошло существенное повышение степени вредоносности последствий негативного воздействия на отношения в сфере взаимодействия общества и природы. Усложнился характер причиняемого им вреда — его объективное проявление стало более многогранным. В некоторых случаях проявление материальных последствий нарушения законодательства в области охраны окружающей среды может иметь место по прошествии достаточно длительного периода времени и за пределами той территории, где было совершено противоправное деяние, что свидетельствует об их межрегиональной или даже трансграничной природе.

Отрицательные последствия запрещаемого эколого-правовыми нормами поведения в подавляющем большинстве случаев являются результатом негативного воздействия на какой-либо компонент природной среды. Основную массу нарушений законодательства в области охраны окружающей среды на территории Мордовии составляют противоправные посягательства на объекты животного мира, лесную растительность, качественное состояние атмосферного воздуха и водных объектов.

Среди основополагающих характеристик экологического правонарушения как социального явления необходимо отметить следующую особенность. Тесная взаимосвязь различных составляющих природной среды предопределяет достаточно высокую степень вероятности причинения ущерба нескольким ее компонентам одним противоправным деянием. Факты подтверждают это. В частности, в результате утечки на территории ОАО «Лисма» 10 кубических метров отработанного раствора азотной и серной кислоты произошло загрязнение почвы, поверхностных и подземных вод. Ущерб окружающей среде составил около 600 тыс. руб. К весьма значительному стоимостному выражению отрицательных последствий правонарушения привел длящийся характер его совершения: вытекание раствора из железнодорожной цистерны на рельеф местности после его обнаружения продолжалось в течение трех последующих дней[1]

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что при установлении факта совершения конкретного правона-

рушения в области охраны окружающей среды зачастую просто не принимаются во внимание ни сумма причиненных им убытков, ни продолжительность противоправного поведения. Эти признаки не устанавливались, в частности, при неоднократном обнаружении в последние годы фактов загрязнения водных объектов в результате слива производственных стоков ОАО «Сарэкс». В то же время материалы дел свидетельствовали о достаточно продолжительном осуществлении противоправного поведения.

Таким образом, анализ особенностей практического аспекта экологического правонарушения позволяет сформулировать вывод, раскрывающий одну из закономерностей проявления его в качестве социального феномена. Одновременное либо последовательное оказание негативного воздействия на различные компоненты природной среды в сочетании с его длящимся характером влечет за собой наступление наиболее существенных отрицательных последствий правонарушения.

Социально вредные последствия нарушений законодательства в области охраны окружающей среды могут представлять собой своеобразный «итог» нескольких противоправных деяний, составляющих единую цепь проступков, последовательно (или одновременно) совершающихся в определенных условиях. Анализ особенностей практического аспекта экологического правонарушения на примере Мордовии не свидетельствует о распространенности практики привлечения к ответственности в качестве соисполнителей субъектов подобных деяний. Вместе с тем совершенно очевидно, что аккумулирование в границах определенной местности негативных последствий нескольких правонарушений (примером могут служить факты загрязнения атмосферного воздуха вредными веществами, поступившими от различных источников воздействия) способно вызвать гораздо более серьезный отрицательный эффект, чем простая совокупность вредоносных последствий противоправных деяний, совершенных со значительным временным интервалом друг от друга.

Негативные изменения в качественном состоянии окружающей среды способны оказать отрицательное воздействие и на иные охраняемые законом блага, интересы, в

том числе обладающие повышенной социальной ценностью: в частности, на жизнь и здоровье людей. Однако анализ практики применения эколого-правовых охранительных норм показал наличие лишь единичных случаев фиксации в качестве последствий нарушения законодательства в области охраны окружающей среды фактов причинения ущерба имуществу субъектов и полное отсутствие фактов причинения вреда жизни или здоровью человека. Означенное обстоятельство является свидетельством несовпадения в этой части положений доктрины и формулировок нормативных конструкций, определяющих статическое состояние экологического правонарушения, с его практическим аспектом.

Характерная особенность поведения, оказывающего отрицательное воздействие на качественное состояние окружающей среды, выражается в том, что доля противоправных деяний в общей массе «экологически негативных» поступков относительно невелика. С одной стороны, это говорит о достаточно высоком уровне латентности (неучтенности) нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, с другой стороны — подобные факты свидетельствуют о наличии пробелов в этом законодательстве. С сожалением приходится констатировать, что бывают случаи, когда вследствие несовершенства нормативного регулирования поведение субъектов эколого-правовых отношений, признаваемое правомерным, либо причиняет, либо способно причинить ущерб компонентам природной среды. Данное обстоятельство подтверждает противоречие между легальным аспектом экологического правонарушения и реальным проявлением «экологически негативного» поведения.

В течение нескольких последних лет в атмосферный воздух на территории Мордовии за год выбрасывается более 100 тыс. т загрязняющих веществ различного класса опасности. В водоемы ежегодно сбрасывается около 70 млн кубических метров отработанных стоков, более 80 % которых являются загрязненными. В результате предельно допустимый уровень концентраций органических веществ и нефтепродуктов в р. Алатырь на выходе с территории республики превышен в 5 раз; общий индекс загрязнения вод р. Инсар ниже г. Саранска по течению составляет 6,4.

Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха и водоемов в столице республики являются крупные промышленные предприятия, выпускающие светотехническую, электротехническую, кабельную продукцию и медицинские препараты. По количеству выбросов вредных веществ в атмосферный воздух и почву, приходящихся на одного жителя в течение года, Саранск не уступает таким крупным промышленным центрам, как Самара и Пермь. По загрязненности почвенного слоя земли 17 % территории Саранска признаны опасной зоной, 46 % — умеренно опасной.

По данным лаборатории Мордовского республиканского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, содержание некоторых вредных примесей в воздухе жилых районов столицы республики в последнее пятилетие неуклонно возрастает. Так, уровень загрязнения двуокисью азота в целом по Саранску повысился на 25 %, что выше среднероссийского показателя для аналогичных по численности населения городов. Только структурное подразделение ОАО «Лисма», производящее электроламповую продукцию, загрязняет окружающую среду более чем 70 ингредиентами: ртутью, свинцом, хлористым водородом, ацетоном, марганцем, окисями калия, цинка и др. Электроламповое и светотехническое предприятия «Лисмы» способствуют ежегодному образованию более 950 т отходов гальванического производства, боя и брака ртутных ламп, пенопласта и других токсикантов. Загрязнение абразивной пылью в целом по Саранску превышает допустимые уровни на 30 %, а в Северо-Западном и Заречном районах — в 2 раза; двуокисью серы и двуокисью азота — на 40 %, а в центральной части города и Юго-Западном районе — в 1,5 раза.

Специалисты выяснили, что самым вредным веществом, которым поражена практически вся территория Саранска, является свинец. Содержание этого тяжелого металла в почве превышает предельно допустимую концентрацию в 3—10 раз. Вокруг структурного подразделения ОАО «Лисма», производящего электроламповую продукцию, были обнаружены «пятна», где уровень 50—100-кратно превышал норму. Второе место в списке опасных для здоровья

веществ занимает ртуть. Анализ почвы из клумб в центре столицы республики неоднократно показывал превышение содержания ртути более чем в 50 раз от нормы предельно допустимой ее концентрации, стронция — более чем в 10 раз. Несмотря на фиксацию фактов загрязнения почвенного слоя, виновные в их совершении субъекты даже не устанавливались, хотя общеизвестно, что производство люминесцентных ламп делает именно ОАО «Лисма» главным загрязнителем атмосферного воздуха г. Саранска парами ртути, обладающими повышенной токсичностью, но с трудом уловимыми при испарении. Ртуть легко переходит в газообразное состояние и заражает атмосферный воздух на очень больших площадях. В окружающую среду ртуть попадает главным образом из-за несовершенства «экологически чистых» производственных технологий.

Проводившиеся исследования атмосферного воздуха на содержание ртути привели к вполне предсказуемому результату: наибольшее ее содержание отмечено в жилом районе Саранска, непосредственно прилегающем к территории «Лисмы», где осуществляется производство люминесцентных ламп. Предельно допустимая концентрация паров ртути в указанном районе в 4,5 раза превышает норму.

Следует отметить, что суммарные выбросы вредных веществ в атмосферный воздух Саранска за последние 5 лет возросли более чем на 3 тыс. т. При этом содержание ртути в атмосферном бассейне Мордовии за этот период увеличилось в 2 раза. Только за 2004 г. количество бенз-запирена в воздухе увеличилось на 44 %, взвешенных веществ — на 15, свинца — на 29 %. В пределах города выделяются две крупные зоны чрезвычайно интенсивного загрязнения: северная (Северо-Западный и Заречный районы) и центральная, где уровень содержания в природе свинца, ванадия, хрома, никеля и ряда других металлов значительно превышает предельно допустимые их концентрации. В границах санитарно-защитных зон вредных предприятий проживает около 10 тыс. чел. Неблагоприятное качественное состояние окружающей среды снижает иммунитет, задерживает физическое развитие детей, что объективно обусловливает повышение уровня заболеваемости населения.

На всех главных саранских водозаборах отмечается процесс загрязнения подземных пресных вод. Избыток железа в питьевой воде способствует резкому росту заболеваний кожи и подкожной клетчатки. Ненормированное содержание в ней фтора ведет к флюорозу, которым страдает 70 % городских детей. Повышающаяся с каждым годом жесткость питьевой воды за 5 лет увеличила количество заболеваний мочеполовой системы более чем на 30 %.

Необходимо отметить еще один феномен, негативно влияющий на качественное состояние окружающей среды, — электромагнитное излучение. Несмотря на то, что механизм его воздействия на природные компоненты (а через это — на здоровье человека) окончательно не выяснен, вредоносность этого явления не вызывает сомнений. Источниками электромагнитного излучения являются мощные теле- и радиостанции. Согласно статистическим данным, его предельно допустимый уровень в местах их нахождения превышается в 5 раз.

В 2001—2004 гг. в республике регулярно проводились исследования состояния и причин заболеваемости и смертности населения. Полученные результаты с полным правом дают основание утверждать, что показатели смертности от заболеваний органов кровообращения и новообразований лиц, проживающих вблизи теле- и радиостанций, имеют несомненную связь с негативным воздействием электромагнитного излучения на организм человека. В тех районах Саранска, где электромагнитное излучение соединяется с воздействием паров ртути, показатели заболеваемости и смертности являются одними из самых высоких в Поволжье.

Таким образом, в качестве социального явления экологическое правонарушение предстает как конкретное, определенное противоправное деяние (преступление или проступок), совершенное в сфере взаимодействия общества и природы. Отрицательные последствия запрещаемого эколого-правовыми нормами поведения в подавляющем большинстве случаев являются результатом негативного воздействия на какой-либо компонент природной среды. Основную массу нарушений законодательства в области охраны окружающей среды на территории Мордовии составля-

ют противоправные посягательства на объекты животного мира, лесную растительность, качественное состояние атмосферного воздуха и водных объектов. В то же время, далеко не все правонарушители привлекаются к юридической ответственности. Достаточно высокий уровень латентности нарушений законодательства в области охраны окружающей среды свидетельствует о наличии пробелов в этом законодательстве, которое нуждается в дальнейшем совершенствовании. Следует также улучшить работу территориальных подразделений Росприроднадзора по фиксации и учету совершенных правонарушений.

Поступила 11.02.2005.

А.В.ЦЮРЮМОВ

ФОРМИРОВАНИЕ СТАТУСА КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА В XVII в.

В начале XVII в. начался процесс вхождения калмыков в состав Российского государства, изначально происходивший в форме установления посольских отношений, а затем как политическая интеграция в систему российской государственности. В результате сформировался своеобразный национально-государственный статус Калмыцкого ханства в составе России.

К моменту установления посольских отношений с калмыками Россия уже накопила значительный позитивный опыт взаимоотношений с народами Сибири, который и определил характер русско-калмыцких отношений. Как известно, Россия, продвигаясь в глубь Сибири, проводила мирную политику по приведению в подданство местных народов. Коренной принцип политики, предполагавшей защиту народов, эффективно способствовал в Сибири и в других регионах расширению государственной территории, приносил народам внешний мир, защиту от набегов соседей. Беря под покровительство и защиту сибирские народы, Россия прежде всего преследовала свои цели — обеспечение безопасности обширной сибирской территории, развитие торговли и экономики, получение экономической выгоды. При этом царская администрация не ущемляла свои территориальные, экономические, государственные интересы. Входя в состав Российской империи, территории не теряли своего самоуправления.

В отношении появившихся у границ Южной Сибири монгольских кочевников, в том числе и калмыков, россий-

---

ЦЮРЮМОВ Александр Викторович, заведующий кафедрой регионоведения и истории Калмыкии Калмыцкого государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

ское правительство также не стремилось к насильственному увеличению своих территорий за счет их владений. Ни в жалованных грамотах русских царей монгольским ханам, ни в грамотах царским воеводам — нигде не говорится о присоединении монгольских кочевий. Объясняется это тем, что в целом мирный характер первых русско-калмыцких контактов определили геополитические интересы и цели России, выработанные в ходе присоединения Сибири. Здесь уместно привести утверждение М.И.Венюкова, считавшего, что в XVII в. Россия достигла в Сибири естественных пределов, такой удобной границы у нее потом не было никогда. Казаки и промышленники остановились на Иртыше, на Алтайских и Саянских горах, на Аргуни. Степи же, населенные кочевниками, не могли привлечь русских землепашцев и охотников за пушниной. Это были, считал исследователь, «в некотором смысле, естественные пределы для нашей территории в Северной Азии, ибо охватывали собою бассейны рек, текущих в северные моря»[1]

Академик В.С.Мясников писал, что в восточной дипломатии Российского государства вопрос о шерти играл существенную роль. Стремясь к расширению русского влияния в Сибири, Центральной Азии и на Дальнем Востоке, Москва предпочитала мирным путем добиваться от местных правителей, к которым направлялись посольства, дачи шерти — совершения ритуала, скрепляющего клятву на верность московскому царю[2]. Вопрос о шерти был для Российского государства не средством внешнеполитической экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке, для этого Россия не имела сил и средств, а инструментом обеспечения мира на границах вновь освоенных территорий.

Понятие шерти было довольно широким. Под шертью в равной мере подразумевали и союзный договор (а также и договор о ненападении), и оформление подданства, и принятие тех или иных обязательств (например, исправную уплату ясака) со стороны подданных России. Шерть во всех этих случаях означала и клятву с соблюдением религиозного церемониала, который подтверждает перед «православным» Русским государством прочность и незыблемость договора со стороны нехристианского народа или государства[3].

В.В.Трепавлов, подробно анализировавший ногайские шерти, считает, что не следует абсолютизировать, осовременивать значение договоренностей XVI—XVII вв., принимать их за непременные обязательства для сторон, по аналогии с международными пактами нового времени. Шерть действовала, во-первых, официально — пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение. Русская же сторона в XVII в. постоянно настаивала на холопстве, подданстве на основе именно шертных соглашений[4].

Складывающиеся русско-калмыцкие отношения также оформлялись типовыми шертями (договорами), предусматривавшими обязательные условия по обеспечению их выполнения (соблюдения). В.Л.Котвич отмечает, что «в делах XVII в. имеются частые упоминания о том, что тот или иной ойратский владелец, обыкновенно через своих послов, «правду дал, шерть учинил», но делалось это исключительно словесно, и только иногда для приносившего шерть заготовлялся заблаговременно текст шерти, и такие шертные записи только и встречаются в ойратских делах... В сношениях с волжскими калмыками и с Алтын-ханом применялись шертные записи, как письменные обязательства, скреплявшиеся их подписями»[5].

Исходя из определения присоединения как политико-правового акта, первым критерием следовало бы считать соответствующую декларацию от имени правительства. Функцию подобной декларации в отношении интересующих нас народов выполняло «государево жалованное слово». Таковым можно считать прием царем Василием Шуйским калмыцких послов в феврале 1608 г. В царской грамоте тарскому воеводе сообщалось об окончательном принятии калмыков в подданство, разрешении кочевать по р. Оми, Иртышу и Камышлову, торговать во всех сибирских городах, а также в Казани и Москве. Отдельно указывалось о необходимости защиты их от казахов, ногаев и Алтын-хана[6]

В марте 1618 г. калмыцкие послы вновь были приняты царем, на этот раз Михаилом Романовым[7] 14 апреля была подписана «Жалованная грамота царя Михаила Федоровича

калмыцкому тайше Далаю Богатырю о принятии его в русское подданство». Грамота указывала царским воеводам «быть со всею колматцкою ордою в любви и дружбе», оберегать ее торговых людей. В этом документе были в общих чертах выражены основные условия нахождения калмыков в составе единого государства. Россия приняла их под свое покровительство, выразила готовность защищать от недругов, предоставила свободу передвижения и торговли в сибирских землях. Калмыки должны «служить великому государю и по его повелению на непослушников со своими ратными людьми ходить»[8]

Вторым критерием можно обозначить принесение «лучшими людьми» присяги на верность шерти. В историографии шерти 1606—1618 гг. объясняются как начало вхождения калмыков в состав России[9]. На наш взгляд, появление нескольких шертей за короткий промежуток времени свидетельствует о том, что они имели цель получить разрешение кочевать и торговать в конкретных местах. По своей форме они близки к понятию «разведка обстановки накануне решающих переговоров» В этом случае они не являлись главным событием в процессе вхождения. Однако оба этих критерия носили формально-правовой характер и на деле не означали реального присоединения[10].

Принятие калмыками в первой половине XVII в. подданства России было следствием обоюдного внешнеполитического акта и базировалось на добровольном изъявлении зависимости. Как известно, для эпохи феодализма характерна система сюзеренитета-вассалитета, т.е. личных отношений, выраженных в виде договоров о власти между сюзереном и вассалом. В форме сюзеренитета строились и международно-правовые отношения между сильными и более слабыми государствами. В этом плане по отношению к Калмыцкому ханству правомерно понятие вассальное государство.

Однако формирование на начальном этапе истории русско-калмыцких отношений института вассальной зависимости калмыцких правителей от русских царей предполагало, что обе стороны принимали ряд обязательств. Россия должна была защищать интересы своего вассала, оказывать всяческую помощь, оборонять от вражеских

нападений. В свою очередь, калмыцкие правители брали обязательство нести военную службу, участвовать в борьбе с противниками России, оплатить дань и присылать заложников (аманатов). Важнейшим признаком вассальной зависимости были военная помощь и выплата дани. Итак, русско-калмыцкие отношения в XVII в. близки к понятию вассалитет, калмыки находились в вассальной зависимости от Российского государства.

Известно, что в свое время влияние монголо-татар на государственное управление проявилось в смене вассалитета Древней Руси подданством. Остатки вассалитета, при котором не ущемлялась личная свобода вассала, находившегося под покровительством сеньора, постепенно исчезли в XV—XVI вв. На Руси утвердилось господство отношений типа «государь-холоп» в самой жесткой форме, т.е. договорные отношения вассалитета сменились отношениями подданства. Именно в шертях начала XVII в. была выработана форма политической зависимости, получившая название «подданство». В отношениях же между русским царем и правителями калмыков сохранялись отношения вассалитета.

Анализ содержания шертей 30—40-х гг. XVII в. показывает, что в их содержании значительное место уделялось уже вопросу покровительства, предполагавшего военную защиту калмыков. Вассальное Калмыцкое ханство сохраняло право поддерживать дипломатические отношения и заключать договоры с другими государствами, кроме противников России. При этом на ханство не распространялись нормы политических договоров, заключенных государством-сюзереном. Кстати, можно предположить, что разгромив Большую Ногайскую орду в 30-е гг. XVII в., калмыки не только заняли ее степи, но и геополитическую нишу. Характер русско-калмыцких отношений стал близким к характеру русско-ногайских отношений, определявшихся в современной литературе как протекторат с элементами вассалитета[11] или вассалитета с элементами протектората[12].

Как известно, протекторат предполагает наличие двусторонних неравноправных межгосударственных отношений, основанных на договоре о покровительстве одного госу-

дарства над другим, выступает в форме сюзеренитета более развитой страны, которая «не желает либо не может присоединить другую страну к своим владениям» из-за невыгодности присоединения новых территорий и народов или боязни военного конфликта с противостоящими блоками и государствами[13].

При этом территория протежируемого государства находится вне пределов метрополии — России. В протежируемой стране обязательно сохраняются признаки национальной государственности, т.е. полная автономия. Основное содержание покровительства — военная защита, которая предполагает широкий комплекс внешнеполитических действий. Соглашение обязывает протектора оберегать и защищать своего протеже, который, в свою очередь, должен оказывать ему всяческие услуги и помощь. Важнейшим признаком таких отношений считается делегирование протектору своих внешнеполитических прав[14] Обычно протекторат оформлялся межгосударственным соглашением, скреплявшимся подписями и печатями договаривающихся сторон.

В 50-х — середине 60-х гг. XVII в. Россия проявила заинтересованность в калмыцкой коннице и предоставила им территорию кочевий в междуречье Яика, Волги и Дона. Размещение здесь калмыков автоматически прикрывало эти территории от набегов крымцев. Появление калмыков в междуречье, т.е. на территории Российского государства, изменило не только характер русско-калмыцких отношений, но и форму национально-государственного статуса. Наметился переход от отношений вассалитета с элементами протектората к автономии.

Отношения России и Калмыцкого ханства не нарушали суверенитета калмыцких тайшей. Калмыцкие ханы сохраняли полную самостоятельность в управлении внутренними делами и наследственную власть. Им предоставлялось внутреннее управление со всеми его атрибутами. За калмыцкой стороной сохранялась полная внутренняя автономия. Калмыкия имела собственную законодательную власть, свои органы власти и управления, судебную систему. Ее законодательство было обособлено от законодательства Российской империи. Она сохраняла старую административную

систему без введения новых российских основ государственности. Сохранялась также национальная культура, семейные основы, налоговая система, законодательство и суд. Наконец, калмыцкие улусы не лишались статуса субъекта международного права, т.е. поддерживали посольские связи с рядом государств.

Основным же обязательством калмыков стала поставка крупных контингентов калмыцкой конницы в русскую армию, поэтому вассальные отношения ханства и Российского государства носили относительно прочный военно-политический характер.

Итак, калмыцкие шерти также не были прочными и не вели к какому-то подчинению Русскому государству. Давались они не только каждым новым правителем, но и в связи с появлением калмыков в новых местах Тайши, как правило, использовали их для получения разрешения кочевать на определенных территориях и безпошлинно торговать в городах, при этом они нарушались как только в процессе кочевий и торговли происходили «задержки».

Пограничное положение ханства позволяло проводить достаточно самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Влияние России стало распространяться на крымскую дипломатию Калмыцкого ханства. Противоречия между внешнеполитическими интересами являлись первыми и наиболее трудными в плане преодоления для русско-калмыцких отношений. Эти различия успешно преодолевались, как только начинались войны России. Считаем, что можно проследить синхронность процессов роста и упадка России и Калмыкии: ханство возникло как раз в то время, когда в России наметился переход от сословно-представительной монархии к абсолютной. Окончательное оформление автономного статуса ханства пришлось уже на период образования империи.

На протяжении сравнительно короткого отрезка времени калмыки вошли в состав Российского государства, причем здесь мы выделяем широкий спектр интеграции: от вассалитета до политической автономии. Эволюция национально-государственного статуса была связана прежде всего с изменением государственного строя России, формированием абсолютизма, для которого характерна не только

борьба с сепаратизмом феодальной знати. Не меньшее беспокойство вызывали автономные образования, не вписывающиеся в формирующуюся имперскую вертикаль власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Ремнев А.В.* У истоков имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И.Венюкова // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 351—353.

[2] См.: *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 74.

[3] См.: *Преображенская П.С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50—60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 57.

[4] См.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2001. С. 641.

[5] *Котвич В.Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII вв. // Известия Российской Академии Наук. 1919. № 12—15. С. 27.

[6] См.: Материалы по истории русско-калмыцких отношений. 1607—1609 гг. М., 1959. С. 24—28, 37, 74.

[7] См.: *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. С. 51.

[8] Материалы по истории. С. 72—74, 75—76.

[9] См.: *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983; *Кичиков М.Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966; Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. М., 1967; *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII—XVIII вв. Элиста, 1993.

[10] См.: *Зуев А.С.* К вопросу о присоединении к России крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII — начале XVIII вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 135.

[11] См.: *Кочекаев Б. А.-Б.* К вопросу присоединения Ногайской Орды к России // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 6. С. 59.

[12] См.: *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 646.

[13] См.: *Пайчадзе Г.Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983. С. 148—154.

[14] См.: Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1808. Т. 50, С. 509; БСЭ. М., 1975. Т. 21. С. 357.

Поступила 14.06.2005.

В.А.ЛОМШИН *Т.Д.НАДЬКИН*

ПОСЛЕВОЕННАЯ ДЕРЕВНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

Первое десятилетие после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн занимает особое место в истории советской деревни, как один из самых тяжелых и противоречивых периодов. Советская историография, насколько это было возможно, уделила довольно большое внимание исследованию многих актуальных вопросов жизни колхозного крестьянства во второй половине 40-х — начале 50-х гг. XX в. Среди советских ученых, занимавшихся историей послевоенной деревни, следует отметить Н.И.Анисимова, Ю.В.Арутюняна, И.М.Волкова, М.А.Вылцана, В.П.Данилова, И.Е.Зеленина[2] и др.

Несомненным достоинством работ указанных авторов было то, что в них заложены основы изучения ключевых проблем аграрной истории первого послевоенного десятилетия таких как восстановление и развитие материально-техни-

ЛОМШИН Владимир Александрович, заместитель директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, кандидат исторических наук.

НАДЬКИН Тимофей Дмитриевич, старший научный сотрудник кафедры всемирной истории и права Мордовского государственного педагогического института, кандидат исторических наук, доцент.

ческой базы сельского хозяйства, вопросы организации и оплаты труда, экономические отношения между городом и деревней, трудовая активность колхозников и рабочих совхозов, общественно-политическая и культурная жизнь на селе. В научный оборот введен богатейший фактический материал, благодаря чему трудовой героизм колхозного крестьянства стал достоянием исторической памяти. Однако, находясь в рамках государственной идеологии, признавая очевидные трудности восстановления сельского хозяйства в первые послевоенные годы, в большинстве из них доказывалась правильность послевоенной государственной политики в отношении крестьянства и незыблемость колхозного строя. Своеобразным итогом исследования этого периода в доперестроечное время стал четвертый том «Истории советского крестьянства» — «Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 50-х гг.» (М., 1988), в котором было дано «робкое упоминание» о такой трагедии, как послевоенный голод.

Не выходила за рамки официальной науки до конца 80-х гг. XX в. и региональная историография. Например, в Мордовии, чье сельское хозяйство после войны находилось в тяжелейшем положении, отдельные из вышеуказанных вопросов нашли отражение в обобщающих работах[3]. Определенное место в изучении аграрной истории заняли труды М.В.Агеева, в которых автором был приведен большой статистический материал[4] В то же время работы страдают характерной для того времени односторонностью, показом в основном лишь достижений социалистического сектора сельского хозяйства.

Важным этапом развития региональной историографии послевоенной деревни стали работы[5] Ю.И.Сальникова, В.М.Суркова и И.И.Мотыки. Ими на основе опыта предшествующих работ и широкого круга источников более глубоко рассмотрены вопросы восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства в 1945 — конце 1950-х гг., социально-профессиональная структура сельского населения, материальное благосостояние и культурный уровень тружеников села. В то же время под давлением груза советской идеологии все же были обойдены молчанием многие важные проблемы крестьянства Мордовии послево-

Заказ № 6429

енного периода (например, голод, ужесточение налогового гнета, социальный протест крестьянства и т.д.).

С конца 1980-х в СССР характер исследований по аграрной проблематике стал меняться. Ослабление идеологического пресса развития плюрализма в общественной науке, расширение доступа к партийным, государственным и ведомственным архивам, доступность работ зарубежных историков-аграрников позволили наметить новые методы и подходы в изучении актуальных вопросов прошлого советского крестьянства. Прежде всего, это коснулось таких, казалось бы, незыблемых достижений социализма, как строительство колхозно-совхозного строя в первой половине 1930-х гг. XX в. Историки проявили особый интерес к таким ранее замалчивавшимся в официальной науке фактам, как наличие альтернативных сталинскому проектов аграрного развития советской деревни в конце НЭПа, насильственный характер сплошной коллективизации начала 30-х гг., репрессивная политика (раскулачивание, депортации) в деревне на протяжении всего периода индустриализации, неэффективность колхозно-совхозного производства, причины и последствия голода 1932—1933 гг., массовый характер антисоветских выступлений в годы коллективизации и т.д. По этим проблемам следует отметить новые публикации известных историков-аграрников В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого, И.Е.Зеленина по общим и отдельным вопросам истории советского крестьянства в периодической печати, сборниках статей и отдельных изданиях[6] С начала 1990-х гг. эти вопросы стали активно изучаться и на региональном уровне, например, работы Г.Ф.Доброноженко, В.В.Кондрашина, Н.А.Никитиной, Т.Д.Надькина и др. Так же появились и переводные работы зарубежных историков, что значительно обогатило общероссийскую историографию[7].

Кардинальное изменение отношения к советской аграрной политике в годы индустриализации повлекло за собой пересмотр и истории колхозной деревни последующих периодов. Отечественными историками опубликовано значительное количество работ, в которых они без идеологической заданности, на основе новых архивных источников отразили трудности в преодолении разрушительных по-

следствий войны, причины и последствия страшного голода 1946—1947 гг., охватившего большинство территории РСФСР, Украины, Молдавии, некоторые области Белоруссии и Казахстана, «жесткий» внутриполитический курс в отношении крестьянства, социальный протест колхозного крестьянства, роль личного подсобного хозяйства в жизни крестьянской семьи и т.д. Большое внимание этим проблемам уделено в многочисленных трудах российских исследователей О.М.Вербицкой, В.Ф.Зима, В.П.Попова, М.А.Безнина, Т.М.Димони и др.

В работах и выступлениях публицистов и историков подчеркивалось, что результатом аграрной политики советского государства (и лично Сталина) стало раскрестьянивание: нарастало внешнее сокращение численности сельского населения. Происходило и внутреннее раскрестьянивание, выразившееся в утрате генетических и социально-экономических корней, утрате понимания земли, желания и умения работать на ней, бегстве из деревни в город. Таковы, например, выводы, содержащиеся в монографии О.М.Вербицкой[8].

В.Ф.Зима в монографии и ряде научных статей отметил, что послевоенный голод, как и голод 1932—1933 гг., был «рукотворным и тайным». Он стал следствием трех основных причин: послевоенные трудности, засуха 1946 г. и политика продразверстки в отношении колхозов и совхозов. Цель состояла в том, чтобы усмирить голодом народ, ждавший перемен к лучшему, и таким способом уйти от решения проблемы острого дефицита продовольствия в СССР, списав все потери на засуху. Ценой узаконенного ограбления деревни, голодного и полуголодного существования всех трудящихся пополнялись государственные резервы продовольствия, увеличивался его экспорт, вырученные средства направлялись в военно-промышленный комплекс для укрепления мощи социалистического лагеря[9]. Вместе с тем голод был использован как испытанное средство для подхлестывания трудовой активности в колхозах и совхозах с целью заставить людей работать за миску похлебки на посевном стане. Особенностью было то, что голод охватил не только районы, подвергшиеся засухе, но и большинство других, опустошенных государственными

заготовками. Никогда прежде не наблюдалось подобного расползания голодного бедствия по всей территории СССР[10]. По мнению В.Ф.Зимы, в конце 1946 г. всего в СССР не было обеспечено хлебом более 100 млн чел.[11]

В.Ф.Зима довольно подробно проанализировал и другие проблемы послевоенного советского общества. Например, рост преступности на фоне голода 1946—1947 гг., а также так называемое «второе раскулачивание» (выселение уклоняющихся от трудовой активности по Указу Президиума ВС СССР от 21 февраля 1948 г.), ставшее неотъемлемым спутником политики укрепления колхозно-совхозного строя во второй половине 40-х гг. XX в.[12]

В.П.Попов, проведя комплексное исследование экономической политики советского государства в первое послевоенное десятилетие, пришел к следующим выводам. Победив в войне, Советский Союз принял вызов США и включился в борьбу за мировое господство. Эта гонка наложила свой отпечаток на весь послевоенный период, т.к. советское руководство перешло к жесткому силовому давлению и во внешней, и что было гораздо важнее для будущего страны, во внутренней политике. По-прежнему сохранялись важнейшие черты чрезвычайщины в экономике, характерные для периода индустриального рывка и военного времени: вложение средств, полученных за счет сельского хозяйства и налогов с населения в промышленность и в первую очередь в ВПК; признание базовых отраслей промышленности приоритетными; полное отсутствие заинтересованности в прибыли хозяйствующих субъектов; принудительное государственное свертывание рыночных отношений, развившихся за годы войны; ужесточение трудового законодательства; достижение в качестве одной из главных целей экономической политики наиболее полной хозяйственной автаркии, т.е. замкнутой самообеспечивающейся экономики; накопление стратегических ресурсов для подготовки к новой мировой войне[13]

Война, страшная засуха, голод — эти чрезвычайные обстоятельства ничуть не поколебали отлаженной в 30-е гг. системы производственно-распределительных отношений, всеобщего контроля над всей произведенной в стране сельскохозяйственной продукцией. Более того, они проде-

монстрировали ее эффективность, т.к. даже в самые трудные годы позволяли правительству сосредоточивать в своих руках запасы, необходимые для успешной работы государственной системы[14]

В центре работ М.А.Безнина и Т.М.Димони стали проблемы взаимоотношения советского государства и крестьянства в условиях колхозного строя, анализ системы повинностей колхозников в 1930—1960-е гг., являвшихся важнейшим элементом трансформации российского общества из аграрного в индустриальное, а также социальный протест крестьянства в послевоенное время, выразившийся в «земельных захватах», исходе из села, саботаже отработочной повинности, массовых крестьянских жалобах и обращениях в различные инстанции, конфликтах с колхозными активистами и т.д.[15]

Некоторые из современных оценок послевоенного восстановительного периода вызвали критическое отношение. Так, известный исследователь послевоенной деревни И.М.Волков считает, что в ряде работ 1990-х гг. основное внимание сосредоточено на теневых, кризисных сторонах состояния аграрного сектора экономики и не заметны позитивные сдвиги, происходившие в жизни деревни[16] Он считает, что были допущены перекосы в оценке причин и последствий такого бедствия, как голод 1946—1947 гг. (например, приуменьшение роли такого природного фактора, как засуха и обоснование неизбежности «чуть ли перманентных голодовок в социалистическом государстве»), неоправданный перехлест при характеристике колхозно-совхозной деревни как своеобразного ГУЛАГа и т.д.[17]

Дальнейшее развитие исследования колхозного крестьянства получили в монографии И.Е.Зеленина[18], в которой он собрал, систематизировал и проанализировал большой объем информации, по-новому взглянул на уже известные факты, дав взвешенную и порой нелицеприятную оценку поступков и решений Н.С.Хрущева.

В рамках региона послевоенное десятилетие вплоть до начала XXI в. не получило достаточного анализа мордовских историков[19] Появились работы, раскрывающие лишь отдельные стороны развивающихся в то время процессов в промышленности и сельском хозяйстве Мордовской АССР[20].

Одной из первых попыток комплексного анализа взаимоотношений власти и крестьянства Мордовии в послевоенный период стали научные труды В.А.Ломшина[21], выводы которого близки современному видению актуальных проблем российской деревни второй половины 1940-х — середины 1950-х гг.

Взаимоотношения крестьянства и власти в послевоенный период были сложными и противоречивыми. Основными целями аграрной политики в это время являлись восстановление и интенсификация сельскохозяйственного производства, мобилизация всех трудовых ресурсов внешнеэкономическими, директивными методами, носившими жесткий, полувоенный характер.

С начала 1946 г. и по осень 1948 г. на территории Мордовии, как и во многих регионах СССР, бушевал голод, причиной которого стала не только засуха, но и политика «продразверстки». Каких-либо кардинальных мер по предотвращению и смягчению тяжелейшего положения государством не предпринималось. Для колхозников, практически ничего не получавших за свой тяжелый труд, единственной надеждой на спасение оставалось личное подсобное хозяйство. Однако с 1946 г. приусадебные участки колхозников стали обрезать и облагать непомерными налогами, кроме того, каждый двор должен был поставить государству определенное количество мяса, масла, яиц и шерсти.

«Второе раскулачивание» 1948 г., повторившее в миниатюре раскулачивание эпохи сплошной коллективизации начала 30-х гг. XX в., сыграло важную роль в укреплении колхозного строя и на территории Мордовии. В первую очередь пострадали те колхозники, кто открыто выражал недовольство творившимися в колхозах беспорядком и произволом, а также вступавшие в конфликт с руководством и колхозными активистами. Множество ограничений, в том числе подавление любой инициативы, привело к тому, что колхозники начали утрачивать важнейшие черты, присущие российскому крестьянству, — трудолюбие, хозяйственность и предприимчивость. Многие пытались любыми способами уйти из колхозов и уехать в города. Только после смерти И.Сталина руководством страны ста-

ли приниматься меры, позволившие смягчить последствия кризисного развития сельского хозяйства во второй половине 1940-х гг.

Для осознания места и роли голода в жизни деревни Мордовии большой интерес представляет одна из работ А.П.Солдаткина[22] Так, он опровергает сложившееся мнение о выходе сельского хозяйства Мордовии из кризиса во второй половине 1930-х гг., основываясь при этом на экономических показателях и фактах голода, охватившего районы Мордовии в 1937—1939 гг. Кроме того, анализируя состояние деревни Мордовии в годы Великой Отечественной войны и в 1946—1947 гг., исследователь делает вывод, что следует говорить «... о более чем десятилетнем периоде хронического недоедания («латентный голод») с 1936 по 1947 г.»[23]

Таким образом, за почти два десятилетия с начала «перестройки», затронувшую в том числе и историческую науку, региональная историография вслед за общероссийской сделала существенный шаг в сторону объективизации исследований актуальных проблем истории советского крестьянства Мордовии. Появилась целая плеяда перспективных историков, работы которых могут внести существенный вклад в более динамичное развитие этого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-23009 а/В.

[2] См.: *Анисимов Н.И.* Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1952; *Арутюнян Ю.В.* Развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в СССР. М., 1958; *Он же.* Формирование механизаторских кадров колхозного производства в послевоенный период (1946—1957 гг.) // История СССР. 1958. № 5. С. 71—85; *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М., 1972; *Волков И.М., Вылцан М.А., Данилов В.П.* Советская историография социалистических преобразований деревни и развития сельского хозяйства / Изучение отечественной истории между XXIV и XXV съездами КПСС. Советский период. М., 1978. Вып. 1. С. 102—130; *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства (1945—1958). М., 1976; *Данилов В.П.* Изучение аграрной истории советского

общества // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. С. 491—525; *Зеленин И.Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни в первые послевоенные годы // История СССР. 1974. № 2. С. 27—43; *Он же.* Общественно-политическая жизнь советской деревни. 1946—1958. М., 1978 и др.

[3] См.: Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961; Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1979; История Мордовской АССР в 2 т. Т. 2. Саранск, 1981.

[4] *Агеев М.В.* Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960; *Он же.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовской АССР. Саранск, 1979.

[5] См.: *Сальников Ю.И., Сурков В.М.* Крестьянство в борьбе за восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства / История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. С. 74—90; *Сальников Ю.И., Мотыка И.И.* Социально-профессиональная структура сельского населения / История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. С. 90—94; *Они же.* Материальное благосостояние и культурный уровень тружеников села / История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. С. 94—102.

[6] См.: *Данилов В.П.* Коллективизация как это было // Страницы истории советского общества: Факты. Проблемы, люди. М., 1989 С. 228—254; *Он же.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7—30; *Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97—110; *Данилов В.П., Ивницкий Н.А.* О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927—1932 гг. М., 1989; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация сельского хозяйства: опыт, уроки, выводы. М., 1988; *Он же.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; *Он же.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933). М., 2000; *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3—20; *Он же.* Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930—1932 г.) // История СССР. 1990. № 6. С. 31—49; *Он же.* Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933—1934) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42—61; *Он же.* Коллективизация и единоличник (1933-й — первая половина 1935) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 35—56 и др.

[7] См.: *Доброноженко Г.Ф.* Коллективизация на Севере. Сыктывкар, 1994; *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы). Петрозаводск, 1997 и др.; *Кондрашин В., Пеннер Д.* Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; *Надькин Т.Д.* Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002; *Он же.* Деревня Мордовии в

начале 1930-х годов: коллективизация, репрессии, голод. Саранск, 2004; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001 и др.

[8] См.: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992; *Она же.* Население российской деревни в 1939-1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.

[9] См.: *Зима В.Ф.* Голод в России 1946—1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 50.

[10] См.: *Он же.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 10.

[11] См.: *Он же.* Голод в России 1946—1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35.

[12] См.: *Он же.* Послевоенное общество: голод и преступность (1946—1947) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 45—60; *Он же.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—126.

[13] См.: *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. Тамбов, 2000. С. 8.

[14] См.: Там же. С. 181; *Он же.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): Сб. документов. М., 1993; *Он же.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 77—89 и др.

[15] См.: *Безнин М.А.* Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье. 1950—1965. М., 1990; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С.155—167; *Они же.* Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96—112; *Они же.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81—100.

[16] См.: *Волков И.М.* Деревня СССР в 1945—1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 121.

[17] См.: Там же. С. 116—117.

[18] См.: *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

[19] См.: *Юрченков В.А., Коханец Л.А., Моисеев Е.В., Ниманов И.Б.* Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) // Власть и общество: XX век: Науч. тр. Саранск, 2002. С. 17.

[20] См.: *Сальников Ю.И., Сурков В.М.* Послевоенное развитие народного хозяйства Мордовии (1946—1985) // Экономика Мордовии: история и современность / Тр. НИИЯЛИЭ при Правительстве РМ. Вып. 113. Саранск, 1997. С. 63—89; *Селиванов А.А.* Трагедия советского крестьянства: «второе раскулачивание» в 1948 году (на материалах Мордовии) //

Заказ № 6429

Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы в древности и современности. Саранск, 1999.; *Заджова Т.Ю.* Нарушение прав колхозников в Мордовии в 1950-е годы // Власть и общество: XX век: Науч. тр. / НИИГН при Правительстве РМ. Саранск, 2002. Т. 1 (118). С. 103—109.

[21] См.: Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003; *Он же.* Крестьянство Мордовии в послевоенный период // Власть и общество: XX век: Науч. тр./ НИИГН при Правительстве РМ. Саранск, 2002. Т. 1 (118). С. 98—102.

[22] См.: *Солдаткин А.П.* Голод в судьбе советского крестьянства Мордовии // Крестьянин в миру и на войне: Матер. III Меркушкин. науч. чтений. Саранск, 2005. С. 177—191.

[23] Там же. С. 186.

Поступила 25.04.2005.

Т.В.ЮРЬЕВА

ЯРОСЛАВСКИЙ ИКОНОСТАС НА РУБЕЖЕ XX—XXI вв.

Одной из малоизученных и практически не обсуждаемых в современной науке является тема, связанная с созданием иконостаса конца XX — начала XXI в. Существование современных иконостасов связано, прежде всего, с проблемой возрождения в этот период русской православной иконы. В 90-х гг. XX в., когда началось возвращение русской православной церкви храмов и святынь, встал вопрос о воссоздании с учетом традиций нового религиозного искусства. Огромное количество вновь открытых (отреставрированных, а впоследствии и заново сооруженных) храмов нуждалось в новом оснащении и воплощении традиционного интерьера, включающего в себя весь комплекс религиозно-художественных форм.

Подобная ситуация связана с рядом аспектов, несомненно повлиявших на содержание и форму вновь создаваемых произведений. Сегодня невозможно с уверенностью утверждать, каким был бы «язык» современной иконографии, развивайся она своим естественным, не прерванным историей путем. Прерванная в годы советской власти иконографическая традиция должна была быть восстановлена людьми, не воспитанными в традиционном культурном пространстве, доминантой которого было религиозное (православное) сознание, что породило ряд специфических проблем.

Изучение практики создания иконографических произведений показывает, что одной из важнейших проблем перед заказчиками (церковью) и исполнителями (иконописцами новой формации) стал выбор точки отсчета, той

ЮРЬЕВА Татьяна Владимировна, доцент кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского, кандидат культурологии.

иконографической традиции, которую необходимо или возможно принять за канонический эталон, и на его основе создавались бы новые артефакты. Эта проблема и по сей день не решена и является предметом спора как в богословских, так и в искусствоведческих кругах. За пятнадцатилетнее существование того явления, которое можно назвать новой иконографией, мы стали свидетелями самых разнообразных вариантов проявлений художественного языка, предложенных современными художниками-иконописцами. Это и иконы, выполненные в канонах времени Андрея Рублева или канонах XVI в. иконописной школой Троице-Сергиевой Лавры. Это и творческие поиски одного из ведущих иконописцев нашего времени, архимандрита Зинона, уходящие в глубину веков от работ в Троице-Сергиевой Лавре и Даниловом монастыре, где он ориентировался на традицию иконографии XV—XVI вв., до работ в церкви Стефана Первомученика Спасо-Преображенского Мирожского монастыря, где иконописец ориентировался на образы Равенны.

И если в случае с древней иконографией можно достаточно четко дифференцировать иконы с точки зрения их хронологической принадлежности, поскольку каждая икона несет на себе печать традиции того столетия, в которое она была создана, то краткий срок (15 лет существования новой иконографии) породил пеструю картину постмодернистской эклектики.

Вторая проблема, во многом определяющая современное состояние православного искусства, лежит в материальной плоскости. Современная социально-экономическая, культурная, религиозная ситуация в корне отличается от существовавшей в России на протяжении нескольких столетий, вплоть до начала XX в., когда церковь не была отделена от государства. Все памятники, принятые объединять в понятие «религиозное искусство» и в том или ином виде сохранившиеся до наших дней, являлись частью архитектурно-художественных комплексов. Тогда, в соответствии с православной традицией, содержанию соответствовало гармоническое единство формы, стиля, продиктованное рядом социокультурных факторов и всегда отвечавшего требованиям целостности религиозных и эстети-

ческих представлений. Храм, фрески и иконы в нем — часть единого художественного замысла и в большинстве случаев создавались практически одновременно.

Таким образом, в современной ситуации возрождения традиций православного храмоздательства неизбежно возникает проблема взаимодействия храмовой архитектуры и иконы, назревает необходимость воссоздания церковных интерьеров, где важнейшее место занимает иконостас. «Именно при создании иконостасов особенно ясной становится необходимость поисков взаимопонимания между архитекторами и иконописцами, поскольку иконостас, даже самый простой, тябловый, — это архитектурное сооружение, имеющее свои конструктивные особенности, пропорции и членения, связанные не только с канонами и традициями иконописи, но и с особенностями интерьера храма, а также с общим духовно-символическим пониманием смысла иконостаса»[1]

В современной ситуации понятие целостности и ансамблевости в структуре храмового интерьера практически разрушено. И если в столицах создаются новые храмы, где наблюдается хотя бы внутреннее художественное единство (не говорим о единстве со стилем современной эпохи, которого просто еще не существует применительно к иконографии), в провинции чаще всего мы имеем дело не с созданием нового, т.е. синтезом, а с приспособлением старого, т.е. эксплуатацией канона или чаще отдельных его элементов.

В г. Ярославле, где к началу XX в. насчитывалось больше сотни храмов, пока не построено ни одного нового храма, а лишь начато возведение церкви в «спальном» районе города Брагино и обсуждается начало работ по воссозданию взорванного в 30-е г. XX в. Успенского собора. В городе, однако, существует немало (более двух десятков) памятников храмовой архитектуры, переданных русской православной церкви, где идут богослужения и осуществляются попытки создать для этого все условия, предписываемые каноном. И именно в этом случае еще более остро проявились все вышеозначенные проблемы.

В контексте исследования проблемы духовного и предметно-материального возрождения православной традиции

обустройства храмов следует остановиться на проблеме творения культурного синтеза в системе новых реалий, анализе ярославских иконостасов, созданных (а не реконструированных, поскольку таковых и не имеется) в течение последних полутора десятков лет.

В ходе решения совершенно новой для искусствоведения и культурологии задачи по имманентному изучению церковного интерьера (ибо все известные исследования носят ретроспективный характер) было обследовано двадцать объектов. В основном это теплые приделы больших летних храмов XVII в.: придел во имя ярославских св. князей Василия и Константина храма во имя Богоявления Господня (ц. Богоявления), придел во имя Образа Спаса Нерукотворного (ц. Спаса на Городу), Благовещенский придел храма во имя Архистратига Михаила (ц. Михаила Архангела), придел мученика царевича Алексея (ц. Димитрия Солунского) (рис. 1). Кроме того, это построенные при них же небольшие теплые храмы, такие, как храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери, храм во имя Вознесения Господня, храм во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Этот ряд дополняет несколько небольших храмов, находившихся на окраинах города и на городских кладбищах: церковь Параскевы Пятницы на Туговой горе и церковь Параскевы Пятницы в Калашной слободе, храм Владимирской Божией Матери на Божедомке, храм св. Леонтия на Леонтьевском кладбище. В число ярославских храмов можно также включить и храмы Норского посада, который давно уже стал частью города. В особую группу нами выделяются иконостасы храмов вновь открытых монастырей, Толгского и Казанского, где отмечается гораздо больший размах восстановительной деятельности.

Все без исключения новые ярославские иконостасы могут характеризоваться одной общей чертой: маленькие или большие, богатые, сделанные на заказ или собранные из имеющихся икон, все они созданы без учета художественных и стилевых особенностей храма, в котором находятся. Ни о какой исторической реконструкции или хотя бы стилизации здесь не может идти речи.

Если говорить о художественной стилистике каждого из них в отдельности, то здесь мы наблюдаем картину, ха-

Рис. 1. Иконостас придела новомученика царевича Алексея церкви Димитрия Солунского

рактерную современной иконографии. В каждом отдельном случае для создания общего вида иконостаса выбирается некий, не всегда однозначно определяемый, художествен-

ный стиль, прообразом которого становятся то древнерусский стиль (XVI в.) с особо узнаваемым навершием царских врат и глухой декоративной резьбой (иконостас придела ц. Богоявления), то барокко с картушами неправильной формы и большим количеством покрытой золотом резьбы (иконостасы главных храмов Свято-Введенского Толгского монастыря). Стиль некоторых иконостасов можно даже охарактеризовать как минималистский с элементами модернизма (например, иконостас придела во имя Образа Спаса Нерукотворного церкви Спаса на Городу, иконостас церкви великомученика Никиты или иконостас храма во имя Вознесения Господня).

Несмотря на общую художественную эклектичность современных иконостасов, считаем возможным определить особенности стилевых решений каждого из них. Часть иконостасов можно идентифицировать как выполненные по авторскому замыслу и в авторской манере. Таковым, в частности, является современный иконостас ц. Сретения в Депутатском переулке г. Ярославля, выполненный в конце 90-х гг. художником С.Соколовым (рис. 2). Сретенский храм был построен в 1891—1895 гг. на средства купца И.Н.Дунаева по проекту архитектора Н.И.Поздеева на месте уже существовавшего ранее храма. Его архитектуру характеризует псевдорусский стиль с элементами эклектики. Престолов в храме четыре: во имя Сретения Господня; во имя иконы Богоматери «Знамение», во имя великомученика и целителя Пантелеймона; во имя святителя Стефана-исповедника; архиепископа Сурожского.

Современный иконостас поставлен в 1999 г. и имеет три яруса, представленные местным (поясным), праздничным и деисусным (полнофигурным) чинами. Иконостас можно рассматривать как целостный ансамбль, выдержанный в одном стиле. Его автор — Сергей Соколов, профессиональный художник, занявшийся иконописанием в постперестроечное время. Иконостас не восходит ни к одной из существовавших в историческом прошлом традиций. Рамочный по своему архитектурному построению, этот иконостас все же в какой-то мере опирается на иконостасную традицию, существовавшую в Ярославле XVII в. Так же, как в вышеуказанной традиции, при сохранении общей регу-

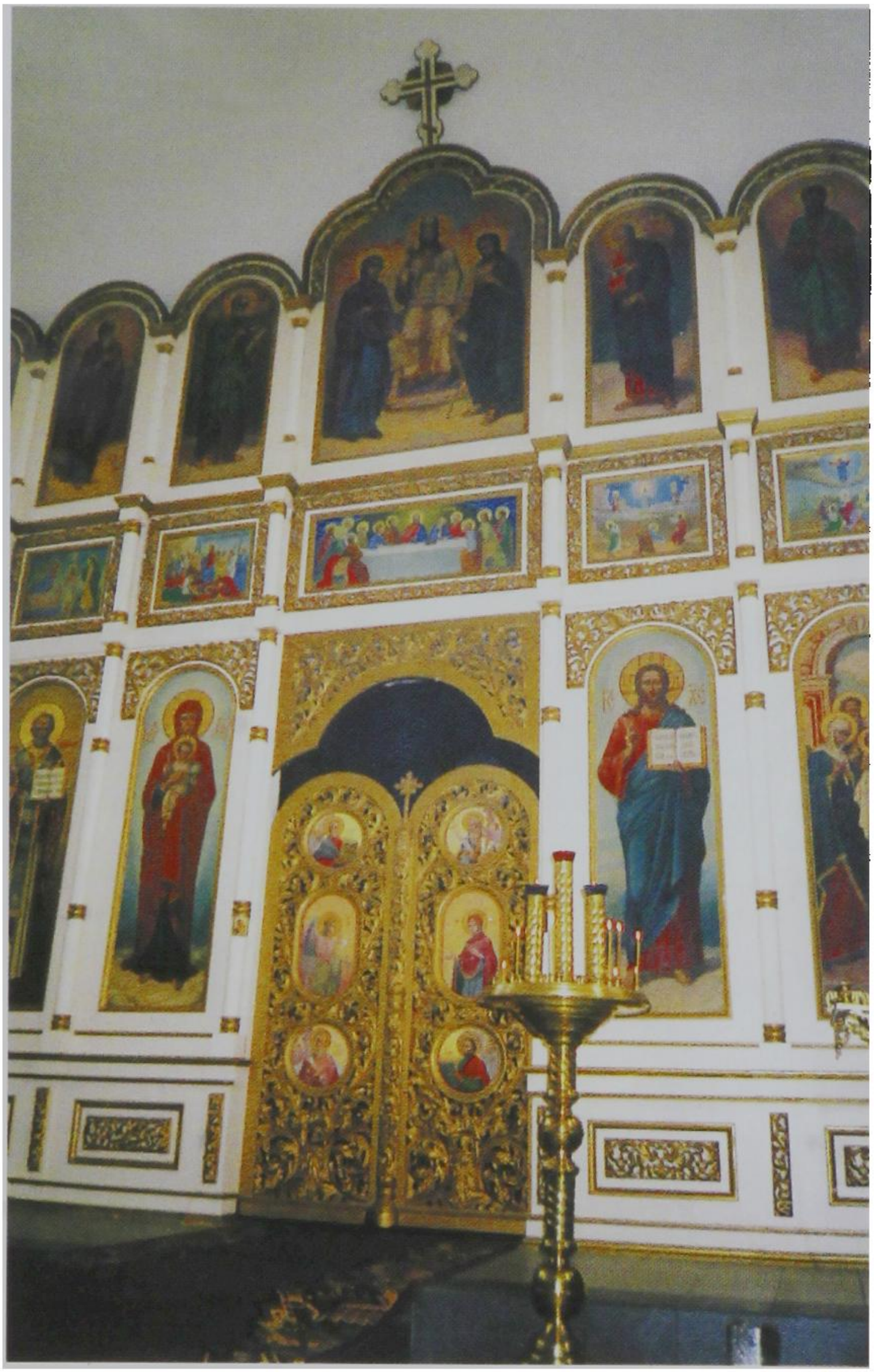


Рис. 2. Иконостас Сретенской церкви

лярной структуры центральная часть несколько расширена и завышена и является композиционным центром иконостаса. Такое композиционное решение можно видеть в главном иконостасе церкви Ильи Пророка в Ярославле, иконостасе церкви Иоанна Предтечи и Федоровской иконы Божьей Матери, иконостасе Воскресенского собора г. Тутаева (все XVII — нач. XVIII вв.). На этом возможность аналогии исчерпывается. Декоративное решение иконостаса можно назвать авторским, не имеющим аналогов в канонической традиции. В частности, в иконостасе как конструктивный элемент выступает плоскость иконостасной стены, несущая не только иконы, но и окружающие их сквозные резные элементы и рамы, просто наложенные сверху на плоский белый фон. Пышный резной декор, восходящий к барочной традиции, ограничен простыми геометрическими формами (прямоугольные или полуциркульные рамы вокруг икон, прямоугольные же панели в нижней части иконостаса); простые полуциркульные арки, ордерные формы (полуколонки между иконами) использованы в их классическом, а не барочном варианте.

Все это придает иконостасу эклектичность, которая поддерживается также ощутимыми «возрожденческими» тенденциями в его живописном решении. Иконы, написанные с использованием линейной перспективы и нетрадиционных для канонической иконописи композиционных решений, более напоминают светские (либо экспонируемые в музее религиозные) картины в красивых рамах. Но несмотря на эти несоответствия традиции, что можно рассматривать как недостаток, этот иконостас оказывается одним из самых выдающихся среди современных Ярославских комплексов.

Сопоставить его можно только с иконостасом придела во имя ярославских св. князей Василия и Константина церкви Богоявления (резчик — Сергей Аксенов), который, правда, гораздо меньше по размерам, поскольку украшает собой не основное помещение храма, а пристроенную к нему небольшую зимнюю церковь (рис. 3).

Эта одноярусная алтарная преграда, созданная также на рубеже XX — XXI вв., восходит к традиции древнерусских резных иконостасов. Прежде всего это наблюдение

Рис. 3. Иконостас придела св. Василия и Константина церкви Богоявления

относится к форме святых врат, которые стилизованы под плоскую выемчатую резьбу, украшавшую царские врата с XVI до сер. XVII в. Фигурное навершие врат также отсылает нас к этому периоду. Основной декор иконостаса точно сочетается с иконной живописью, также стилизованной под XVI в. Тем не менее, исполнителям иконостаса не удалось избежать нарушения стилевого единства. Над Царскими вратами возвышается достаточно большая по размерам и поэтому несколько тяжеловесная «коруна». На ней — икона «Тайная Вечеря» в криволинейном картуше. Столь сложная криволинейная форма вряд ли могла существовать в иконостасах XVI в. Тем более, что и сюжет Тайной вечери появляется в верхней части врат гораздо позже. Он заменяет сюжет Евхаристии только в конце XVII в. Так же, как и уже описанные элементы, эклектично выглядит появление сквозной резьбы, фризом украшающей верхний край иконостаса.

Обозревая весь круг современных ярославских иконостасов с точки зрения проявившихся в их построении и живописном решении стилевых тенденций, можно сделать вывод о том, что каждый из них представляет собой комплекс несочетаемых по стилю элементов.

Столь же противоречива и иконографическая программа иконостасных композиций. Есть определеный канон построения придельного иконостаса, обусловленный его небольшими, по сравнению с иконостасом основного храма, размерами. Он заключается в том, что в придельном иконостасе не всегда ставится праздничный ряд икон, но обязательно должен быть деисус. Большинство же современных иконостасов ярославских храмов исключают деисусный чин, напротив, включая чин праздничный. Исключение деисуса из иконостасной композиции, с точки зрения православной традиции, в корне неверно, поскольку именно этот ряд несет в себе основную семантическую и символическую нагрузку. Недаром в древности весь иконостас именовался «деисус». Надо заметить, что при построении иконостасов в условиях эмиграции, где, как сейчас у нас, для возведения больших иконостасов не хватало ни места, ни средств, об этом никогда не забывали. Деисус, пусть в минимизированном, сокращенном варианте всегда присут-

ствовал на положенном ему месте. Например, это иконостасы работы Д.С.Стеллецкого (в храме Сергиева подворья, в церкви Национальной организации витязей в Лаффрей (Альпы)), Н.И.Исцеленнова (в церкви Знамения Божьей Матери в Париже, в храме-памятнике Иова Многострадального в Брюсселе), иконостасы П.А.Федорова, Г.В.Морозова и др.

Следует различать системные и локальные проблемы, выявляемые в связи с созданием современных иконостасов. К числу первых относится невнимание к важнейшему компоненту православного храма, что возможно объяснить непониманием эстетического и сакрального смысла иконостаса как культурного синтеза. К числу вторых можно отнести, например, появление праздничного чина в приделых иконостасах. Это связано функциональной неотчетливостью построения храмового интерьера, а именно, по-видимому с тем, что в настоящее время большая часть приделов в храмах несет на себе нагрузку основного храма, который еще не восстановлен и требует на это больших затрат и усилий. Более того, спецификой большинства обсуждаемых иконостасов является существовавший уже в более позднее время порядок праздничных икон, соответствующий не евангельской истории свершения праздников, а календарному принципу, т.е. их времени в годовом цикле богослужения. Например, таким порядком праздничного ряда характеризуются иконостасы придела во имя Спаса Нерукотворного Образа церкви Спаса на Городу и храма во имя Вознесения Господня (рис. 4).

В современных иконостасах наблюдаются и нарушения в традиционной канонической программе, обусловленные эстетическими соображениями не очень сведущих авторов, или давлением на иконографическое содержание выбранной архитектурной формы иконостаса. В частности, в иконостасе храма во имя Вознесения Господня деисус соединен с местным чином. Вероятно, это продиктовано нежеланием поставить трехрядный иконостас, поскольку он закрыл бы собой заалтарную фреску «Тайной вечери». С другой стороны, при сооружении этого иконостаса, несомненно, присутствовало стремление сохранить в «хоть каком-то виде» деисусный чин. Это привело к отсутствию в

Рис. 4. Иконостас придела церкви Спаса на Городу

иконостасе какой-либо иконы, отдельно посвященной образу Иисуса Христа, что совершенно недопустимо, так как весь символический смысл иконостаса развивается вокруг

центральной иконы Спасителя (будь то «Вседержитель» или «Спас в Силах»).

Кроме названных значительных или более частных отступлений от канона, можно отметить, условно говоря, «выпадения» отдельных сюжетов из своего ряда в другие ряды. Это относится, например, к иконостасу церкви Сретения, где две праздничные иконы «Рождество Богомате-ри» и «Успение» занимают пустые пространства над северными и южными вратами ниже основного праздничного ряда. Это относится и к церкви на Туговой горе, где праздничный ряд иконостаса распадается на два яруса, выше и ниже, и тем самым, нарушается логика его построения. Часто в иконостасные ряды попадают иконы, сюжеты которых не соответствуют содержанию этого чина.

Анализ живописи икон, находящихся в иконостасах, обнаруживает не меньше структурных и связанных с ними содержательных проблем, чем в связи с самими иконостасами. Часто живопись, стилизованная под определенную эпоху, не соответствует стилю декоративного оформления иконостаса, который также имеет какой-то исторический стилевой образец. Живопись иконостаса церкви Параскевы Пятницы в Калашной, выполненная под стиль икон так называемого синодального периода, т.е. иконной живописи XIX в., вставлена в резное оформление иконостаса, которое тогда не могло существовать. Иконы, выполненные в стиле древнерусской живописи, часто помещаются в барочное по декору оформление (иконостас церкви Похвалы Богородицы или иконостас церкви Тихвинской Богоматери). Подчас иконостасы собирались из разновременных и, соответственно, разных по стилю икон, сохранившихся в храме. Тогда о стилевом единстве вообще не могло быть речи. Ярким примером такого иконостаса является иконостас церкви Параскевы Пятницы на Туговой горе. Здесь много икон с совершенно разной историей. Это иконы и старые, и новонаписанные.

Особую историю имеет храмовая икона св. Параскевы Пятницы, созданная в 1993 г. Г.А.Ляпьер в Париже и привезенная в дар этому храму. Г.А.Ляпьер принадлежит к первой волне русской эмиграции и является членом общества «Икона» в Париже, объединившего многих рус-

ских иконописцев во Франции. Икона св. Параскевы Пятницы написана как дар в трудные для храма годы его восстановления, с большими сложностями, учитывая ее размер, она доставлена в Ярославль из Парижа и особо почитается прихожанами храма[2].

Таким образом, при большом количестве икон, написанных разными художниками в разное время, трудно соблюсти их художественное единство. Не столько стилевая (историко-культурная, художественная) эклектика, сколько прямой отказ от художественного создания иконостаса видится в случаях, когда вместо икон, пусть и новонаписанных, в храме появляются заламинированные репродукции известных икон. Как временное решение проблем богослужебной деятельности это, возможно, является вынужденной мерой. Но становится заметно, как «временное» становится «постоянным». Что, кстати, случилось со многими современными ярославскими иконостасами (иконостас Благовещенского придела ц. Михаила Архангела). В этом случае ни о каком современном иконописании речь уже не идет.

Подводя итог, необходимо отметить, что процесс строительства иконостасов в современных, вновь обустраиваемых храмах, еще далек от совершенства. Очевидно, что в первую очередь значимую роль здесь играет материальный фактор. Но нельзя сбрасывать со счетов и такие аспекты, как отсутствие достаточного понимания богословской сущности иконостаса как феномена православного церковного искусства, а также авторский волюнтаризм художников или же просто отсутствие специальных знаний и навыков художественного вкуса.

Следует признать правоту священника Николая Чернышева, писавшего: «Вопросы восстановления так или иначе стоят перед всей нашей Церковью, и особенно остры они сегодня. Не осознав и не сформулировав для себя и для мира наши задачи, мы потратим остаток сил впустую»[3]. Прошедшее десятилетие, как время возрождения церковной жизни в России вообще и в Ярославле, в частности, позволяет, к сожалению, утверждать, что пока не создано новой иконостасной школы, которую можно было бы с гордостью назвать ярославской.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кудрявцева Т.Н.* «Двери Райские» древнерусского иконостаса // Светильник. № 2/3. 2003. С. 3.

[2] Подробнее о Г.А.Ляпьер см.: *Вздорнов Г.И. Лелекова О.В. Залесская З.Е.* Общество «Икона» в Париже. М., 2002. С. 326 — 328.

[3] *Священник Николай Чернышев.* «Се, творю все новое» // Памятники Отечества. № 37. М., 1997. С. 144.

Поступила 12.10.2005.

Заказ № 6429

Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. — Саранск, 2005. — Т. 1. 384 с.; Т. 2. 424 с.

Победа в Великой Отечественной войне занимает особое место в истории России. В связи с этим вполне закономерен интерес ученых к военной теме, осмыслению истоков, причин и последствий тех событий. Сегодня многое изменилось: трансформировались социально-экономический уклад, политический строй, духовно-нравственные устои. На некоторых территориях бывшего Советского Союза вспыхнули этнические, религиозные и др. конфликты. Это отразилось и на исторических исследованиях, породив весьма легковесную трактовку военных событий. Поэтому необходимо писать о величии подвига нашего народа в 1941—1945 гг. В 2005 г. российская историография существенно пополнилась книгами, посвященными военной тематике. На этом фоне выделяется подготовленный учеными НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия двухтомный труд по истории Мордовии в период Великой Отечественной войны. Следует отметить, что он носит академический характер и открывает серию аналогичных исследований, охватывающих основные этапы развития региона в XX в. — «Мордовия. XX век».

Коллективная монография «Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.» является итоговой работой и логически продолжает в региональной историографии исследования, посвященные различным аспектам военной темы. Ранее не исследовавшиеся проблемы изучаются впервые, и в этом смысле работа носит комплексный характер.

Вполне продуктивной представляется структура работы: анализ региональной историографии по теме, этапы ее развития, роль тех или иных исследователей. Высказывается вполне обоснованный тезис о том, что центром изучения военных событий в регионе выступал НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР (ныне НИИГН при Правительстве РМ). Далее дается характеристика осмысления войны в художественной литературе Мордовии, оценка романов, повестей, рассказов и очерков о военном времени, оценивается вклад художников и скульпторов. Результатом является всесторонняя картина места и роли событий 1941—1945 гг. в национальном самосознании и государственной идеологии, показывается их взаимопереплетение и взаимозависимость.

Особо следует отметить характеристику начального этапа Великой Отечественной войны. В монографии показан весь трагизм ситуации, сложность происходивших событий. Исследователи отмечают не только патриотический порыв населения республики, самоотверженность партийных и советских органов, но и панические настроения, упаднические слухи, с которыми приходилось бороться, применяя жесткие меры. В 1941 г. Мордовия превратилась, правда ненадолго, в прифронтовой регион со всеми вытекающими из этого последствиями. Но при этом в республику продолжалась эвакуация населения и материальных ресурсов из временно оккупированных областей.

Особое внимание в монографии занимает тема участия уроженцев Мордовии в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Ее освещение традиционно

опирается на анализ участия уроженцев республики в наиболее значимых, этапных военных операциях. Авторы описывают боевые действия лета 1941 — осени 1942 гг., конца 1942—1943 гг., заключительного этапа войны с Германией и разгром милитаристской Японии. Однако присутствуют и новации: особо характеризуются действия уроженцев республики в партизанских отрядах и подпольных группах, рассказывается об узниках фашистских застенков, авторы показывают мастерство полководцев и военачальников — уроженцев Мордовии.

Основное внимание в исследовании уделено анализу места и значения Мордовии в структуре советского тыла. Показана политическая система республики, не отрицается при этом роль партийных органов, советов в достижении победы над врагом, их многотрудная деятельность, не затушевываются достижения и недостатки. Стоит выделить сюжеты, связанные с характеристикой работы органов правопорядка и государственной безопасности, основанные на впервые вводимых в научный оборот документах из архивов УФСБ по РМ. Впервые в историографии дана характеристика системы ГУЛАГа и военнопленных фашистского блока в Мордовии. Особо отметим попытку выделить и охарактеризовать республиканскую политическую и хозяйственную элиту военного времени, хотя отдельные исследователи отрицают ее существование.

Победа, как подчеркивают авторы монографии, была достигнута и благодаря героическому труду рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, объединенных идеологией борьбы с врагом. Именно этот фактор победы раскрыт в книге с наибольшей полнотой. Всесторонне проанализированы функционирование промышленного производства и работа транспорта, деятельность эвакуированных предприятий и аграрного сектора. При этом подчеркивается, что тыл работал в сложнейших условиях.

Впервые в региональной историографии проанализированы социально-экономическое положение населения Мордовии в годы Великой Отечественной войны, повседневная жизнь людей, их проблемы, показаны значительные изменения в распределении продовольственных и промышленно-товарных ресурсов республики, формах товарооборота и организации снабжения населения, дана характеристика системы здравоохранения и деятельности эвакогоспиталей.

Следует выделить и освещение развития социокультурной сферы в годы войны, носящее комплексный характер. Авторы осмысливают роль литературы и художественного творчества в годы войны, показывают место средств массовой информации и кинофикации. Особое внимание уделено развитию образования, социальной защите детей и подростков. Стоит отметить характеристику развития высшей школы и науки в годы войны.

Двухтомная монография «Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.», несомненно, займет достойное место в российской историографии. Однако отмечая ее достоинства, стоит обратить внимание и на недочеты. К числу наиболее весомых относится умолчание о наличии случаев коллаборационизма. Сегодня уже обнародованы документы о так называемых восточных подразделениях германской армии, в частности, 837 Волжско-финском батальоне, сформированном немцами осенью 1943 г. из мордвы

и марийцев. Он принимал самое активное участие в подавлении партизанского движения на Украине, а в начале 1944 г. был переброшен во Францию. Отсутствует в исследовании характеристика изданных сборников документов и материалов, воспоминаний, хотя в самой книге они достаточно широко используются. Имеются неточности стилистического плана.

Тем не менее, публикация монографии является, безусловно, достижением и успехом ученых НИИГН при Правительстве РМ, который стоит продолжать изданием следующих исследований серии «Мордовия. XX век».

Е.В.МОИСЕЕВ,
доктор исторических наук
(г. Москва)

Г.А.КУРШЕВА,
кандидат педагогических наук, доцент
(г. Саранск)

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

13—14 октября 2005 г. в г. Белгороде состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-экологическая культура как основа экологической безопасности регионов». Ее учредителями выступили Федеральное агентство по образованию и Белгородский государственный университет. В работе конференции приняли участие ученые из Белгорода, Москвы, Саранска, Ульяновска и других регионов России.

На пленарном заседании в докладе профессора Н.М.Мамедова (Москва) «Основания и предпосылки реализации концепции устойчивого развития» прозвучала идея о том, что противоречия между нарастающими потребностями общества и сравнительно ограниченными возможностями биосферы ставят под угрозу дальнейшее существование человечества. Вопросы эколого-безопасного развития вышли на передний край научного поиска, общественного сознания в целом. Сущность концепции устойчивого развития (УР), по мнению докладчика, сводится к определению предпосылок и условий неопределенно длительного существования человечества. Докладчик выделил ряд предпосылок концепции УР, в том числе: социально-экономические предпосылки концепции УР и экологические коллизии социально-экономического развития; философские и социологические истоки концепции УР; естественнонаучный и математический контекст УР; предпосылки, связанные с реализацией концепции УР, в рамках которых необходимо новое мировоззрение, синтез экологической культуры и выживания. Экологическая культура предстает как новый способ соединения человека с природой, его примирения с ней на основе более глубокого ее познания. Мерой новой культуры выступают ценности экологической этики.

Культура не наследуется биологически. Специфическим человеческим механизмом трансляции социального опыта, воплощенного в культуре и ее ценностях, является образование. Образование можно считать базовым процессом в культуре, ибо оно связано с формированием образа человека, личности. Целью современного образования становится как знакомство с «основами» той или иной науки, так и формирование высокой духовности.

В докладе профессора В.А.Писачкина (Саранск) «Экологический фактор социального развития» прозвучала идея о том, что процессы социального развития — это отражение тех изменений, при которых происходит обогащение и дифференциация элементов системы или отношений между ними. В ряду факторов социального развития он акцентировал внимание на изменениях, происходящих в природных основах социальной жизни (экологическом факторе социального бытия). Докладчик отметил, что с позиции экологического подхода в социальном развитии следует видеть изменения, происходящие в функционировании различных социальных институтов (право, образование, религия и др.) Была предложена социологическая концепция жизненного пространства социума. Понимание жизненного пространства в контексте индивидуально личностного и социально организованного бытия человека позволяет обнаружить социальные свойства пространства, влияющие на характер поведения людей, их образ жизни и строй мысли.

Доцент А.В.Холод (Белгород) в докладе «Структурно-динамический анализ безопасности региона» отметил, что темп изменений сов-

ременного мира весьма высок. Исследования социальных систем, формирующих его облик, все чаще наталкиваются на временные ограничения в достоверности собранной информации. Для социальных наук одним из наиболее перспективных, по мнению докладчика, является моделирование в рамках структурно-динамического подхода, основанного на теории диссипативных структур, развиваемых И.Пригожиным и его школой. Выступающий предложил выделить следующие состояния социума: безопасное — это стационарное состояние системы, при котором ее структурная динамика характеризуется динамическим равновесием или в результате фазового перехода ее структура усложняется; опасное в узком смысле, как состояние системы, характеризующееся наличием значительных флуктуаций одного из структурных элементов, либо аномального равновесия; чрезвычайная ситуация, возникающая, если флуктуации, превышающие предельно допустимый уровень, либо аномальная равновесность охватывают более одного элемента структуры; катастрофическое состояние — ситуация или состояние системы, в котором негативный результат структурной динамики неизбежен.

В докладе профессора В.В.Бахарева (Белгород) «Корпоративный анализ определений понятия экологическая культура» последняя рассмотрена в качестве одного из элементов социологии культуры как формирующейся отрасли социологического знания. Развитие экологической культуры докладчик связал с экосообразной деятельностью и формированием экоцентрического сознания и мировоззрения, усвоением и распространением биосферных коэволюционных идей, представлений об устойчивом и безопасном развитии социума, эколого-культурных принципов, норм, ценностей, установок, образцов природосообразного поведения, регулирующих взаимоотношения в системе «общество — природа».

В докладе О.В. Варича (Белгородская обл.) «Экологическая культура человека с позиции эндоэкологии» было отмечено, что человеческую экокультуру можно рассматривать с позиций трех составляющих: эндоэкологии, экзоэкологии, психоэкологии. Первая изучает гомеостаз внутренней среды организма (грубоматериальную часть человека), вторая — окружающую среду (пространство), прежде всего, в физико-химическом аспекте современной науки, третья — «тонкую» материю проявленного мира, истинную мощь, управляющую всем, созидающую или разрушающую все — психическую (духовную) энергию или энергию мысли.

Концепция охраны здоровья в Российской Федерации опирается на методологию активного сохранения и формирования здоровья человека от момента рождения и до престарелого возраста. Эта концепция определила основные направления развития не только медицинской, но и социологической, экологической, психологической, педагогической и других наук. На Белгородчине эту концепцию активно поддерживает губернатор области Е.С.Савченко, и она воплощается через выполнение отраслевой программы «Охрана и укрепление здоровья здоровых на 2003—2010 гг.».

Доклад профессора В. С. Шиловой (Белгород) был посвящен социально-экологическому образованию студентов и его диагностическому аспекту. По мнению докладчика, диагностика в области социально-экологического образования — сложный, многокомпонентный по содержанию процесс определения разносторонней готовности учащейся молодежи к взаимодействию со средой, к образова-

нию в этой области других слоев населения, к самообразованию. В ней распознаются различные характеристики обучающихся на когнитивном, деятельностном и личностном уровнях; определяется отношение социума к проблемам взаимодействия общества с природой в глобальном, региональном и локальном масштабах; выявляются особенности педагогического процесса, направленного на формирование социально-экологической готовности; устанавливаются необходимые условия, влияющие на выделенные параметры.

Конференция проходила в секциях: историко-философские, социологические и религиоведческие аспекты формирования и воспроизводства экологической культуры; эколого-культурные проблемы сохранения биологического и социального здоровья человека; эколого-культурный мониторинг и новые технологии управления процессами природопользования.

Результат работы конференции — принятие ее участниками рекомендаций, в которых отмечено, что безопасность — это одна из основополагающих потребностей человека и всех сообществ. В региональном измерении экологическая безопасность отражает качество функционирования открытых социально-экологических систем регионов, которым свойственна органическая включенность в систему федерального (национального) уровня.

Для обеспечения экологической безопасности и перехода к устойчивому развитию необходима четкая стратегия в социально-экономическом развитии, региональном природопользовании, экологическом образовании населения, основные параметры которых могут быть представлены в концепциях региональной безопасности и устойчивого развития. Достижение этой цели связано с разработкой мер эколого-информационной безопасности и практикой применения социальных, в том числе социально-экологических и эколого-культурных, гуманитарных экспертиз на базе научно-образовательных социально-экологических центров по осуществлению экономического, экологического, социального мониторинга и мониторинга качества жизни населения с учетом социально-экологической ситуации.

Одним из путей обеспечения регионального развития должно стать создание экосоциальнопривлекательной среды. Следует предложить заинтересованным хозяйственным структурам использовать современные экологически обоснованные биотехнологии для животноводства, растениеводства, лесоводства и городского зеленого строительства.

Учитывая приоритетность региональной образовательной системы в формировании и воспроизводстве экологической культуры и развитии регионального социума в целом, считать одним из важных ресурсов безопасности в регионе социоэкокультурный и интеллектуальный ресурсы образования. Региональная система образования может выступить базовым звеном безопасно-культурной и безопасноустойчивой организации социума региона. В данном контексте важно обратить особое внимание на разработку закона об экологическом образовании, воспитании и просвещении населения Белгородской области.

В.В.БАХАРЕВ,
профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного университета, доктор социологических наук

Д.В.ПИСАЧКИН,
аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета

ДОЛЕНКО Д.В. Современная мировая политика: Учеб. пособие. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. — 176 с.

В пособии дается характеристика современной науки и доктрин, отражающих реальности мировой политики XXI в. Раскрываются основные особенности постбиполярного мира: тенденции униполярности и многополярности; глобализация и общемировые проблемы; субъекты современной мировой политики; национальные интересы, цели и средства, а также содержание основных региональных направлений современной политики (российского, постсоветского, американского, европейского, азиатско-тихоокеанского, ближневосточного, африканского, латиноамериканского). Дается анализ современных региональных конфликтов и проблем их урегулирования.

Для студентов высших учебных заведений и всех интересующихся проблемами современной мировой политики.

ДЕСЯЕВА Н.Д., КАПИТОНОВА М.А. Профессиональная политическая речь государственного служащего: основные функции и средства воздействия: Учеб. пособие. — Саранск, 2005. — 72 с.

В пособии раскрывается содержание понятий «профессиональная речь», «политическая речь», «средства речевого воздействия» и т.п., являющихся основой процесса формирования профессиональных коммуникативных умений государственного служащего.

Для специалистов в области государственного управления.

ЛОГИНОВА Н.Н., ПРЕСНЯКОВ В.Н., СОТОВА Л.В. Сельская местность Мордовии: социально-географические аспекты развития. — Саранск, 2005 — 186 с.

Монография посвящена изучению сельской местности Мордовии. Значительное внимание уделено определению понятия «сельская местность», а также ее устойчивому и безопасному социально-экономическому развитию. Раскрываются теоретические и методологические аспекты исследования, характеризуются показатели качества жизнедеятельности и социальной защищенности сельского населения республики. Анализируется механизмы, влияющие на образ жизни сельского населения.

Для всех интересующихся проблемами развития сельской местности.

ГРИШИН А.В. Практика управления инновационными процессами в российских компаниях. — Саранск, НИИ регионологии, 2005. — 88 с.

Рассматриваются инновации как важнейший фактор экономического роста, дается характеристика инновационной деятельности как объекту управления, анализируются современные тенденции развития инновационных процессов в российских компаниях, выявляется специфика управления инновационными процессами в компаниях высокотехнологичных отраслей отечественной экономики, изучается опыт эффективного уп-

равления инновационной деятельностью в крупных корпоративных структурах.

Для всех интересующихся теорией и практикой управления инновациями.

ЯСАВЕЕВ И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. — Казань, Изд-во Казан. ун-та, 2004. — 200 с.

Рассматриваются процессы конструирования социальных проблем средствами массовой коммуникации. Особое внимание уделяется конкуренции социальных проблем за место в «повестке дня», устанавливаемой средствами массовой коммуникации, конструированию социальных проблем преступности и ВИЧ/СПИДа, а также непреднамеренным последствиям медиа-конструирования социальных проблем.

Для студентов, преподавателей и исследователей в области социальных и политических наук, журналистов и специалистов по управлению коммуникациями (PR).

РАХМАТУЛЛИН Э.С., ХАБРИЕВ Р.Ф. Девиантное поведение как социальная проблема. — Казань: Казанский государственный университет, 2004. — 120 с.

Монография посвящена анализу актуальных социальных проблем российского общества, с акцентом на девиантное и делинквентное поведение в системе социальных отношений. Представлены основные теоретико-методологические подходы изучения социальных проблем и девиантности в зарубежной и отечественной социологии.

Для специалистов, изучающих социальные проблемы современности, девиантное и делинквентное поведение, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ! С ЮБИЛЕЕМ!

10 лет назад в журнальной семье Мордовского госуниверситета произошло пополнение: на свет появился младший брат «Вестника» и «Регионологии» журнал «Интеграция образования». Подчиняясь всеобщим законам эволюции, он пережил спады и подъемы, периоды спокойного существования и бурного развития.

Изначально журнал взял на себя важную миссию — быть интегратором творческих идей и людей, работающих над созданием систем образования, отвечающим требованиям современности. И с этой ролью он успешно справляется.

Сегодня «Интеграция образования» — всероссийский журнал, который выписывают и читают педагогические работники всей страны. Среди его авторов — представители всех федеральных округов, ближнего и дальнего зарубежья. Их объединяет желание в процессе творческой дискуссии найти оптимальное решение проблем современного образования.

Желаем редакции дальнейшего творческого роста, чуткого реагирования на происходящие в сфере образования перемены. Пусть неуклонно расширяется круг ваших друзей и читателей.

Редакционная коллегия журнала «Регионология»

ANNOTATIONS

E.L.Pashnanov. Main Trends in the Research of Social and Economic Regional Development.

Pre-conditions for formation and development of regional economy are treated in the article. Theories, basic specialisations of regions in territorial labour division and basic principles for production location are analysed.

Regulation on Government Committee on Modernisation of Inter-Relations of Federal Executive Power Bodies and Executive Power Bodies of the Russian Federation Constituent Entities.

Regulation of Government of the Russian Federation and Government Committee membership.

I.V.Bakhlov, C.V.Bakhlova. The Idea of Integration in Domestic Federalistic Projects.

The analysis of possible integration processes in federalistic projects of anarchism, pan-slavism, eurosionism, the Ukrainian separative trend is carried out in the article.

G.V.Sintsov. Legal Basis for a Referendum in a Constituent Entity of the Russian Federation.

Federal and regional legislation on concern of carrying out a referendum in constituent entities of the Russian Federation is analysed in the article.

E.S.Shugrina. «Governmentaliasation» of Local Self-Government: Forms and Limits.

Different points of view on constitutionality of the model of inter-relations between executive power bodies and local self-government bodies, regulated by Federal Law of October 6, 2003 "On basic principles of organisation of local self-government in the Russian Federation" are analysed in the article.

T.V.Khudoikina. Perspectives for Development of Alternative Settlement of Legal Disputes and Conflicts in the Russian Federation.

Perspectives and main trends in the development of alternative extrajudicial form of legal disputes and conflicts settlement in Russian regions to be based on negotiations, mediation, courts of arbitration and agreements of peace are analysed in the article.

Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 06-06-01 of June 20, 2005.

O.A.Khokholova. Methodological Aspect in the Research of Structural Changes in the Regional Economy.

Some methodological items of structural and dynamic analysis of the Buryat Republic, such as structure of produced gross regional product in the market prices, branch structure of gross regional product, branch

structure of regional industry are treated in the article. Statistic dependence between the intensity of structural shifts and rate of gross regional product growth is uncovered.

T.A.Burtseva, V.I.Bespyatov. Basis for Estimation of Efficiency of Informational Provision for Marketing Decisions.

Analysing present state of dairies in the Kirov Oblast, the authors offer some original methods for informational provision of marketing decisions.

P.A.Levchaev. Perspectives for Development of Regional Enterprises in the Context of Financial and Credit Transformations.

The article is devoted to the analysis of perspectives for the development of Mordovian enterprises, conditioned by financial and credit transformations. An attempt to systematically study cost aspects of the republican enterprises' activities is made.

E.V.Nechaeva. Marketing Research of Regional Cellular Communication Market.

The results of marketing research of cellular communication market of the Republic of Mordovia are presented in the article. Main trends in the development of cellular communication services in the region are highlighted.

S.P.Dyrin. Peculiarities of the Demand in Specialists with Higher Education in National Economy.

On the basis of the material of empirical researches, carried out in the period of 2000-2004 in 89 enterprises of Naberezjnye Chelny, the analysis of the demand in specialists with higher education in national economy is conducted. The list of specialities in demand on the regional labour market to satisfy employs' demand is presented.

Yu.N.Nikulina, V.F.Belov, G.I.Shabanov. Modelling Innovation Processes in the Course of Designing Economic Development of the Region.

The article is devoted to the analysis of methods and algorithms of computer modelling of innovation processes in co-operatives of small companies. Special attention is paid to modelling of financial and production activities of small companies and diffusion of innovation products in the market.

N.I.Naumkin. Experience of Carrying Out Summer Scientific Students' Schools on Mechanics.

The experience of annual carrying out regional summer scientific students' schools in Mordovia is generalised in the article. Their classification on the basis of status, goals, time as well as forms of studies is made. Their necessity to carry them out henceforward is substantiated.

V.V.Bagin. Essence and Principles for Formation of Regional System of Additional Professional Education.

Basic characteristics of additional professional education as an open system: dynamics, aiming at the future, innovation unsteadiness, synergetics are described in the article.

V.I.Shabykov. Dynamics of Religious Confession of Regional Population.

On the basis of the results of sociological researches of 1994 and 2004 the dynamics of the religious confess of the Republic of Marij El is analysed. The increase of the level of the population religiousness in all of the main confessions as well as the increase of the number of the believers is stated.

K.V.Fofanova. Gender Social and Demographical Structure of the Regional Population.

The article is devoted to the analysis of gender aspects of social and demographic situation in Mordovia. Several reasons for gender disproportions are highlighted.

L.V.Gotchina. Preventive Measures against Drug Addiction among Young People as estimated by Specialists of Educational Institutions.

On the basis of the results of sociological research low efficiency of implementing different preventive programmes, aimed at decrease of drug addiction among young people in educational institutions in some regions of the Central Federal District of the Russian Federation, is uncovered.

N.I.Lovtsova. Problems and Perspectives in Implementation of Regional Family Policy.

Problems of implementation of state regional family policy are analysed in the article. Mismatch between the proclaimed goals and approaches to solution of family problems, on the one hand, and measures of practical implementation of the determined goals, on the other hand, is uncovered.

T.Ya.Silvestrova. Place and Role of Social Services Sphere in Satisfaction the Demand of Regional Population.

Social services sphere as branch of the regional market and factor of social and economic stability of the region is analysed in the article. Characteristics of market and non-market social services are given. On the basis of sociological researches, carried out in the largest cities of the Chuvashi Republic, the relation of population to the quality of social services is shown.

I.V.Romanets. Youth Employment and Regional Youth Policy.

After the example of the Krasnodarsky Krai the correlation of youth employment in state and private economy sectors is analysed in the

article. Perspective trends for the development of regional service of youth employment in the Kuban Region are treated.

V.N.Romanov. Socio-Lingual Aspects of the Povolzhje Native Peoples Protection.

The influence of ethno-lingual problems on the development of ethno-political processes in the Povolzhje regions as well as the essence of lingual magnetism, mobilising ethnicity, are highlighted in the article. After some concrete examples the necessity of formation of tolerant inter-relation ethnic communities on the basis of competent ethno-lingual state policy is proved.

V.G.Abramov. Ecological Offence as Social Phenomenon: Characteristic Features and Peculiarities.

The content of the notion «ecological offence» is uncovered in the article. Datum on the state of the environment and its components both in Saransk and in Mordovia are presented. Characteristics of the most essential peculiarities of ecological offence as social phenomenon are given.

A.V.Tsyuryumov. Formation of Status of the Kalmyk Khanate in the XVII Century.

The process of the Kalmyk entering the Russian State is analysed. Broad spectrum of integration — starting with vassality up to political autonomy is singled out in the article.

V.A.Lomshin, T.D. Nadkin. Post-War Village in Modern Russian and Regional Historiography.

Works of the most famous Russian and Mordovian historians, devoted to the problems of reconstruction and development of the Soviet village in the first decade after the end the World War II in the territory of the USSR and the Mordovian ASSR, are analysed in the article.

T.V.Yurjeva. Yaroslav Icons in the End of the XX — the Beginning of the XXI Centuries.

Creation of icons in Yaroslav in the end of the XX — the beginning of the XXI centuries, their characteristic features as well as their conformity and inconformity with the canons of the Christian Orthodox Church are analysed in the article.

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-публицистический журнал

Учредители — Министерство образования Российской Федерации, Министерство промышленности, науки и технологий Российской Федерации, Правительство Республики Мордовия и Федеральное государственное научное учреждение «НИИ регионологии».

Темы журнала — процессы, происходящие в регионах в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, проблемы федеративного устройства государства, взаимоотношения федеральных и региональных структур власти, региональная политика в научно-технической сфере, образовании и культуре.

Объем журнала — 10 п.л.

Мы выходим ежеквартально.

Подписка на журнал принимается во всех отделениях связи без ограничения по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» «Газеты и журналы».

Подписная цена на I-е полугодие 2006 г. — 140 руб.

Индекс журнала ***73335***

АВТОРАМ

* Уважаемые коллеги, с 2005 г. журнал «Регионология» перешел на частичную самоокупаемость. В связи с этим публикации в нашем журнале платные: 150 руб. за страницу. Оплата производится не позже 10 дней после уведомления автора о публикации. Наши реквизиты:

ФГНУ «Научно-исследовательский институт регионологии»
Мордовское отделение № 8589 Сбербанка России
р/с 40202810439010000006
к/с 30101810100000000615
БИК 048952615
ИНН 1326049155.

* Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Объем статей — до 12 м. с. Примечания приводятся в конце. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указать фамилию автора, название книги, место, год издания и конкретные страницы. Все материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном виде.

* В аннотации (8—10 строк) просим кратко изложить содержание статьи.

* В авторской справке необходимо указать Ваши фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, место работы, домашний адрес, телефон. Просим выслать свою фотографию.

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т.Т.Алыкова, Л.В.Калачина*
Макет *И.А.Пакшиной*
Перевод аннотаций *С.И.Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 10.10.2005. Подписано в печать 21.12.2005. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 16,19. Тираж 1000 экз. Заказ № 6429.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. ФГНУ «НИИ регионологии». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@yandex.ru, rri@moris.ru

Набрано в Федеральном государственном научном учреждении «НИИ регионологии».
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.